



# Алтайский юридический вестник

Научный журнал Барнаульского юридического института МВД России

## № 4 (4) 2013

### Главный редактор:

Андреев А.А. канд. юрид. наук

### Заместитель главного редактора:

Анохин Ю.В. д-р юрид. наук, доцент

### Ответственный за выпуск:

Казаков А.А. канд. ист. наук, доцент

### Состав редакционного совета:

Абызов Р.М. д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ  
Анисимов П.В. д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ  
Афанасьев В.С. д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ  
Герасименко Ю.В. д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ  
Гончаров И.В. д-р юрид. наук, профессор  
Деришев Ю.В. д-р юрид. наук, профессор  
Кениспаев Ж.К. д-р филос. наук, доцент  
Мазунин Я.М. д-р юрид. наук, профессор  
Сумачев А.В. д-р юрид. наук, доцент  
Федулов Б.А. д-р пед. наук, профессор  
Шарапов Р.Д. д-р юрид. наук, профессор

### Состав редакционной коллегии:

Анохина С.Ю. канд. юрид. наук, доцент  
Богущий А.В. канд. ист. наук, доцент  
Бойко Ю.Л. канд. юрид. наук, доцент  
Бублик И.Г. канд. юрид. наук, доцент  
Воронов Д.А. канд. юрид. наук  
Гришаков А.Г. канд. юрид. наук  
Ермакова О.В. канд. юрид. наук  
Ким Д.В. д-р юрид. наук, профессор  
Овчинникова О.Д. канд. юрид. наук  
Суверов Е.В. д-р ист. наук, доцент  
Титаренко А.П. канд. юрид. наук, доцент  
Чесноков А.А. канд. юрид. наук, доцент  
Шатилов С.П. канд. юрид. наук, доцент  
Яценко С.В. канд. юрид. наук

### Ответственный секретарь:

Авдюшкин Е.Г.

Корректур, компьютерная верстка:

О.Н. Татарниковой

Учредитель:  
Барнаульский юридический институт  
МВД России

Свободная цена.

Адрес редакции:

656038, Барнаульский юридический институт МВД  
России, Барнаул, ул. Чкалова, 49. www.buimvd.ru.  
E-mail: alvest@buimvd.ru

© Барнаульский юридический институт МВД России, 2013

Подписано в печать 15.07.2013 г. Формат 60x84/8.  
Ризографирование. Усл.п.л. 18,13. Тираж \_\_\_ экз.  
Цена свободная. Заказ № \_\_\_. Научно-исследовательский  
и редакционно-издательский отдел.

## Содержание

### ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

- Асеев А.А.* К вопросу о государственности в первой половине XVIII – первой половине XIX вв. в казахских жузах ..... 4  
*Быков А.В.* К вопросу об истоках искажений фактов истории Великой Отечественной войны..... 10  
*Климачков В.М.* Судебная реформа Петра I как одна из причин возникновения юридического образования в России..... 15

### ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

- Аничкин Е.С., Казанцева О.Л.* Местное самоуправление как конституционная ценность в решениях Конституционного Суда РФ ..... 19  
*Анохин Ю.В., Воробьева С.А.* О совершенствовании качества законов в обеспечении прав и свобод личности ..... 25  
*Гунин Е.М., Белоногов С.Ю.* Некоторые аспекты правового регулирования титульного страхования ..... 31  
*Казанцев А.О.* О некоторых аспектах обеспечения принципа независимости судей конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации ..... 36  
*Пантелеев В.Ю.* Актуальные вопросы модернизации и повышения эффективности работы конституционного правосудия в субъектах Российской Федерации ..... 40  
*Филимонова И.В.* Место юридической фикции в системе средств юридической техники ..... 47

### АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Васильев Ф.П., Воротникова С.В.* Проблемные аспекты в области юридического образования в современной России..... 54  
*Зайцев И.А., Ларина Е.Ю.* О проблемах и опыте реализации территориальными органами МВД России законодательства об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы .. 58  
*Мельников А.В.* Юридическое образование полицейского в системе МВД России ..... 63

### УГОЛОВНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

- Бугера М.А., Семенюк Р.А.* Наблюдение за больными алкоголизмом или наркоманией: постановка проблемы..... 67  
*Ермакова О.В.* Понятие момента окончания преступления..... 70  
*Заварыкин И.Н.* Актуальные проблемы общей виктимологической профилактики преступлений ..... 74  
*Литвинова А.В.* К вопросу о понятии термина «правопорядок» в российском праве..... 77  
*Семенюк Р.А.* Криминологический анализ насильственной преступности в Сибирском федеральном округе ..... 82  
*Федоров А.Ф.* Предупреждение рецидива преступлений в местах лишения свободы в свете реализации концепции реформирования УИС ..... 87  
*Шаганова О.М.* Проблема установления непосредственного объекта состава неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего ..... 91  
*Шеслер А.В.* Влияние либерализма на развитие российского уголовного законодательства на современном этапе ..... 94

### УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА, ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- Воронов Д.А.* Иные меры уголовно-процессуального принуждения как средства обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства ..... 98  
*Гармаев Ю.П.* Использование криминологических знаний против недобросовестных должников..... 103  
*Давыдов С.И., Бойко Ю.Л.* О криминологически значимых и уголовно-правовых признаках, характеризующих коррумпированность – необходимость введения в УК РФ дополнительной ответственности за коррумпированность ..... 107  
*Ермаков С.В.* Проблема признания субъектом получения взятки медицинских работников ..... 111  
*Ким Д.В.* Криминологическая характеристика преступлений как информационная база методики расследования ..... 115  
*Мешков В.М.* Психологические аспекты получения информации о времени при расследовании преступлений..... 120

### ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Захарова Н.М.* Проблема определения субъекта, ответственного за причинение вреда жизни или здоровью сотрудника полиции при исполнении им служебных обязанностей..... 126  
*Семякин М.Н.* Основные начала гражданского законодательства – новая юридическая конструкция или синоним известной цивилистической категории? ..... 129  
*Черепанова О.С.* К вопросу об основаниях возмещения государством вреда, причиненного личности ..... 133  
*Чесноков А.А.* Генезис института банкротства в России..... 137

## История государства и права

УДК 342(574)

А.А. Асеев, канд. ист. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

e-mail: aseevaa@buiimvd.ru

### К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ. В КАЗАХСКИХ ЖУЗАХ

*В статье исследуется вопрос о государственности в кочевом обществе казахских жузов. Даются краткие характеристики типов кочевых обществ, приведенных учеными-востоковедами. В статье изучается характер государственности у казахов, факторы, влияющие на ее появление и упадок в номадной среде. Главный акцент в статье делается на анализе функций ханской власти, степени ее влияния в условиях кочевого уклада жизни, причинах ее упадка. В заключение делается вывод о возможности сохранения и развития элементов государственности в казахских жузах в условиях вхождения в состав Российской империи.*

*Ключевые слова: кочевое общество, государство и его признаки, родоплеменной строй, производственные и общественные отношения, ханская и верховная власть, политические отношения, социальные категории, реформы.*

A.A. Aseev, Ph.D. (Candidate of Historical Sciences)

Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

e-mail: aseevaa@buiimvd.ru



### ON THE ISSUE OF THE STATEHOOD IN KAZAKH HORDES FROM THE FIRST HALF OF THE XVIII TO THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURIES

*The question about the statehood in nomadic community of Kazakh Hordes is studied in this article. Some brief characteristics of nomadic communities given by scientists-orientalists are considered. The nature of Kazakh statehood, the factors that influence its appearance and decline are analyzed. The conclusion about the opportunity of remaining and developing of some elements of the statehood of Kazakh Hordes after joining the Russian Empire are made.*

*Key words: nomadic society, state and its features, tribal system, manufacturing and public relations, khan and supreme power, political relations, social categories, reforms.*

Вопросы наличия государственности в кочевом обществе всегда привлекали внимание многочисленных исследователей. Зачастую данный вопрос зависит от политической конъюнктуры, что накладывает определенный отпечаток на оценки

и выводы о наличии или отсутствии элементов государственности в том или ином кочевом обществе.

Немало споров идет вокруг наличия государственности на территориях казахских жузов. От-

вечая на вопросы, что представляло собой в данный отрезок времени кочевое общество казахов, какого уровня достигало политическое и общественное развитие, к какому типу кочевого мира его можно отнести, прежде всего необходимо учесть, что в науке отсутствуют универсальные определения типов кочевого мира. Классификации трех традиций-цивилизаций Востока (араб-исламской, индо-буддийской, китайско-конфуцианской), данные востоковедом Л.С. Васильевым, не подходят для характеристики казахского кочевого общества. Одним из генеральных принципов, влиявших на складывание цивилизационной общности, по его мнению, являлась религиозная традиция – ислам, буддизм, конфуцианство, чего мы не находим наряду с другими признаками в рассматриваемом нами родовом обществе, т.к. ислам даже в конце XIX в. не был широко популярен у казахов<sup>1</sup>. Автор признает существование особых групп людей – этносов, народов, отличающихся от остальных образом жизни, нравами, стереотипами поведения, мировоззренческими приоритетами, религиозными, политическими традициями, к каким мы относим казахское потестарное общество конца XVIII – начала XIX вв.

Н.Н. Крадин выделяет пять локальных вариантов кочевой мегацивилизации, различающихся составом стада животных, типами кочевания, уровнем социальной организации<sup>2</sup>. По этой классификации казахское потестарное общество можно отнести к кочевникам-коневодам евразийских степей. Нужно учитывать, что кочевое общество казахов несло как общие для данного типа черты (экономические, политические, социальные), так и индивидуальные особенности, т.к. складывание казахского этноса начинается с XV-XVI вв., когда номадизм уже пережил эпоху расцвета.

На территории кочевания казахских родов к началу XVII в. сложились родовые объединения, называемые Старший, Средний и Младший жузы, именовавшиеся в русских источниках «орды». Первое упоминание о жузах в исторических источниках встречается в 1616 г.<sup>3</sup> Сам этноним – казах – появился лишь в 20-е гг. XX в., до этого

<sup>1</sup> Васильев Л.С. Цивилизации Востока: специфика, тенденции, перспективы // Цивилизации. 1995. Вып. 3. С. 141, 144-145.

<sup>2</sup> Крадин Н.Н. Кочевничество в цивилизационном и формационном развитии // Цивилизации. 1995. Вып. 3. С. 166.

<sup>3</sup> Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая и Золотая... Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI-XVIII вв. Алма-Ата. 1983. С. 106-177.

коренное население в официальных документах, источниках именовалось киргизами или киргиз-кайсаками.

Важное значение для складывания государственности имеет господствующая форма хозяйственных отношений. На территории жузов ею являлось кочевое скотоводство, в условиях которого частная или государственная собственность на землю сложиться не могла. Конечно, ее отсутствие не говорит о социальной однородности всех членов общества. Земледелие не получило широкого распространения на территории жузов, и к нему переходила наиболее малоимущая часть казахского населения, лишившаяся скота. Основными формами собственности, отраженными в обычном праве, у казахов являлась собственность на скот и продукты скотоводства в форме частно-семейной собственности. В условиях совместного кочевания выделялась также общинная собственность на пастбища, водные источники, но без монопольного права владения ей. Имущественная дифференциация в кочевом казахском обществе четко зависела от семейной собственности на скот. Кочевая община, обусловленная необходимостью трудовой кооперации, делилась на 2 типа: малая община (5-6 хозяйств-семей) для кочевания в зимнее, осеннее время, ранней весной и расширенная община (15-20 семей) для кочевания в летнее время. Совокупность подобных общин представляла собой более крупное объединение – род<sup>4</sup>.

Социальные группы казахского кочевого общества выглядели следующим образом. Во главе пирамиды стояла знать, делившаяся на две группы «ак суйек» («белую кость») и «кара-суйек» (черную кость). Первая представляла собой замкнутую группу, состоявшую из султанов, считавшихся чингизидами – потомками Чингисхана и ходжей, носителей религиозных исламских традиций. Группа ходжей была очень малочисленна и группировалась в основном в земледельческих районах Ташкента, Бухары, Коканда, Хивы. Ее малочисленность объясняется слабым распространением ислама у казахов.

К «черной кости» (нечингизидам) относилась категория батыров, биев, старшин (аксакалов). Эта группа была открыта для любого кочевника, заслужившего почет своими делами, опытом, знаниями, авторитетом, богатством. Бии обладали реальными экономическими рычагами на население рода, аулов, выступая как сила, противодей-

<sup>4</sup> Ерофеева И.В. Хан Абулхайр: полководец, правитель и политик. Алматы: «Санат», 1999. С. 24-25.

ствовавшая процессам централизации политической системы кочевого общества и усиления его верховной власти.

Основная же масса кочевников были рядовые скотоводы – шаруа. Выделялись такие категории, как консы – обедневшие скотоводы, вынужденные идти в услужение к родственникам, посторонним лицам, занимаясь пастушеством. Егинши – кочевники, переходившие к оседлости, основным родом занятий которых становилось земледелие. Байгуши – обедневшие казахи, не обладавшие имуществом, занимавшиеся батрачеством. К низшим социальным группам относились рабы («кулы») и тюленгуты. Рабство не получило у казахов широкого распространения и носило патриархальный характер.

Верховная власть у казахов была представлена следующим образом. В казахском кочевом обществе не сложилось ханских династий путем передачи власти от отца к сыну, в основе механизма передачи ханского титула лежал принцип меритократии, согласно которому в ханы избирались наиболее авторитетные султаны, хотя часто из родственного окружения хана, проявившие себя в военном, дипломатическом деле, судебной сфере, опиравшиеся на поддержку сильных, влиятельных родов.

Основными функциями ханской власти являлись разрешение внутри и межродовых противоречий, внешнеэкономические контакты, судебная деятельность посредством норм обычного права, а также военно-политическая функция. Но насколько глубоко эти функции охватывали все кочевое общество или, другими словами, как глубоко проникала ханская власть в регулирование общественных отношений? Здесь необходимо четко понимать, что казахское кочевое общество – это чрезвычайно мобильная структура, массы кочевников не концентрировались в одном месте, не оседали в городах, и в поисках новых кочевий им приходилось постоянно перемещаться, рассеиваясь по территориям жузов. В этих условиях ханская власть не могла проникать в мельчайшую структуру кочевого общества – кочевую семью.

Совершенно верно был сделан вывод исследователем И.В. Ерофеевой, что «распределительные, контрольные и судебные функции номадов рассеивались между разными субъектами властных отношений (султанами, старшинами, биями и батырами), в результате чего вся структура власти

в кочевом обществе носила поверхностный, лабильный и дискретный характер»<sup>1</sup>.

Исторически точно акценты в вопросе о государственности у казахов были расставлены в статье В.А. Моисеева «К вопросу о государственности у казахов накануне и в начальный период присоединения Казахстана к России». Ученый четко обуславливал наличие государственности от общественного устройства и уровня развития производительных сил, подчеркивая его застойный на данном историческом этапе характер. Неоспорим его тезис о пульсирующем характере казахской государственности, когда ее отдельные элементы создавались отдельными ханами – Аблаем, Аблайханом – и растворялись после их смерти<sup>2</sup>.

Важным фактором при формировании государственности являлось совместное объединение общинников для решения различных задач. Таким фактором для казахов являлась постоянная внешняя военная угроза со стороны соседей. Но во второй половине XVIII в. исчезает главная опасность для казахов в лице некогда могущественного Джунгарского ханства, искусно уничтоженного Цинским Китаем, ослабившим вначале джунгар изнутри внутренними распрями, а затем полностью их вырезавшим. Именно существование постоянной военной угрозы в первой половине XVIII в. способствовало временным усилениям ханской власти, необходимой для организации отпора джунгарам, а также для руководства военными набегами на соседние территории. Данная закономерность подтверждалась неоднократно, что постоянно отмечалось современниками и позволяет сделать вывод, что главной функцией ханской власти в политической жизни казахов являлась функция военных вождей. Военно-политическое влияние ханов многократно возрастало во время войн и набегов, а в мирное время сводилось на нет. Примером политического возвышения и влияния могут служить личности таких известных казахских ханов, как Касым, Тауке, Абулхаир, Абылай, одержавших ряд побед в борьбе с внешними врагами.

Стоит отметить, что военными вождями очень часто становились известные казахские батыры, превосходившие порой по влиянию и авторитету

<sup>1</sup> Ерофеева И.В. Указ. соч. С. 44.

<sup>2</sup> Моисеев В.А. К вопросу о государственности у казахов накануне и в начальный период присоединения Казахстана к России // Россия – Казахстан: современные мифы и историческая реальность: сб. научных и публицистических статей. Барнаул, 2001. С. 74.

ханов. Звание являлось почетным, и его мог получить любой казах, проявивший военный талант, сумевший отличиться во время войн, набегов, снискавший славу храброго воина. Расцвет батырства, как и усиление влияния ханов, приходится на время казахско-джунгарских войн в первой половине XVIII в., с устранением для казахов военных угроз к середине XIX в. данная категория исчезает с исторической сцены.

В современной казахстанской историографии рядом исследователей упорно отстаивается мысль о наличии в XVIII – первой половине XIX вв. развитой государственности в казахских жузах. Характерной иллюстрацией подобных подходов является статья А.К. Бисенбаева «К вопросу об изучении национально-освободительных движений XIX-XX вв.»<sup>1</sup>. Автор ставит политику России в один ряд с Кокандом, Хивой, изображая ее безжалостным, кровавым хищником, стравливающим казахов с соседними народами. Он утверждает, что национальные восстания были вызваны угрозой потери государственной и территориальной целостности Казахстана. А.К. Бисенбаев считает отмену ханской власти в ходе административных реформ 20-х гг. XIX в. крушением основ миропонимания казахов. Автор настаивает на том, что в глазах кочевников ханская власть ассоциировалась с идеей национального государства. Многие оценки этой статьи не выдерживают элементарной критики. Статья является примером антинаучного подхода. К этому же разряду относится «научно-популярная» работа К. Даниярова «Казахские государства XV-XX вв.», которая вообще выглядит абсурдно с точки зрения изложенных фактов и выводов, автор допускает много ошибок, путает и фальсифицирует факты<sup>2</sup>. Складывается впечатление, что авторы подобных «мифов» не проходили даже элементарный курс обществознания.

Простое ознакомление с историей казахских жузов показывает, что в условиях господства кочевого способа производства, лежавшего в основе общественных отношений в казахском родовом обществе и определявшего политическое развитие казахских родов, государственность в ее классическом понимании возникнуть не могла.

<sup>1</sup> Бисенбаев А.К. К вопросу об изучении национально-освободительных движений XIX – начала XX вв. в Казахстане // Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение. Алматы, 1993. С. 75.

<sup>2</sup> См.: Данияров К. История Казахского государства в XV-XX вв.: в 2 ч.; ч. II: Казахстан – колония России. XVIII–XX вв. Алматы: Изд. дом «Жибек жолы», 2000.

Слабость верховной власти определялась отсутствием в кочевом обществе важных составляющих любого государства: налоговой системы, аппарата управления в лице чиновников, регулярной армии, аппарата принуждения, единой кодифицированной правовой системы, неопределенность внешних границ, отсутствие какого-либо внутреннего административно-территориального деления. К тому же в кочевом обществе казахов отсутствовали властные, политические, экономические центры в виде городов с оседлым населением.

Соседние с казахами среднеазиатские государства Хива, Бухара, Коканд, где проживало оседлое население, развивалось поливное земледелие, по уровню развития государственных институтов стояли на другом уровне. В данных государствах присутствовали управленческие институты, ханы, эмиры имели свои резиденции, существовали все вышеперечисленные элементы государства.

В кочевой зоне казахских родов в тех конкретно-исторических условиях подобной государственности возникнуть не могло, вследствие чего ханы не имели государственных органов управления, и часто их влияние не распространялось за пределы своего рода или кочевавших совместно с ним аулов.

О слабости ханской власти и превращении ее титула в номинальный свидетельствует ряд фактов, таких, как убийство в 1797 г. сторонниками батыра С. Датова хана Есима в Младшем жузе. Печальная участь постигла в 1809 г. и другого хана Джанторе Айчувакова, умерщвленного сторонниками султана Каратая. К слову сказать, выборы в 1805 г. султана Джанторе ханом носили чисто формальный характер, т.к. при его избрании практически отсутствовали представители казахской знати, поэтому избрание Джанторе было подтверждено только тамгами (печатами) байгушей (бедняков, живших наемной работой). Это свидетельствовало об «авторитете» нового хана среди казахов. При конфирмации нового хана Ширгазы присутствовали также в основном байгуши, и его власть не распространялась за пределы ханской ставки, опасаясь повторить судьбу предшественника.

Кроме того, нельзя игнорировать фактор постоянного усиления российского влияния в рассматриваемый нами период, одной из форм выражения которого была обязательность высочайшего одобрения из Санкт-Петербурга кандидата на ханский титул. Справедливости ради стоит ска-

зять, что в интересы России, конечно, не входило желание видеть в ханах какую-то сильную, самостоятельную фигуру, с которой было бы сложнее решать весь спектр вопросов казахско-русских отношений, хотя из этого не следует преувеличивать роль и влияние ханов, не имевших в руках реальных рычагов управления.

Важным фактором в вопросе о казахской государственности являлось отсутствие единой, верховной ханской власти или, иными словами, центральной власти. К примеру, в Младшем жузе в конце XVIII – начале XIX вв., помимо официально признанного властями хана, сохранились сведения еще о нескольких лицах, выбранных теми или иными группами знати казахских родов в ханы. Это Абулгазы Каипов, ставший в 1794 г. ханом присырдарьинских казахов. После смерти Абулгазы в 1815 г. многие роды Младшего жуза признали ханом его сына Арунгазы. Его избрание поддержал и бухарский эмир. Часть родов поколения байулы считала ханом Каратая Нуралиева, пользовавшегося поддержкой хивинского хана, и это были не единственные ханы. Так, кочевавший на р. Сагыз и п-ове Мангышлак Пирали Нуралиев, поддержанный адаевским родом и добровольно принявший российское подданство, также носил титул хана. В 1802 г. он был даже утвержден в этом звании царским правительством.

Близкая по сценарию ситуация складывалась и в Среднем жузе, где наряду с официально признанным русскими властями в 1782 г. ханом Вали, казахскими родами, кочевавшими в низовьях р. Сырдарья на восточном побережье Аральского моря, ханом был избран султан Даир. Также были известны еще хан Ханходжа, признанный китайским императором. На юге Среднего жуза кочевали два менее известных хана Есим и Болат<sup>1</sup>.

В 1816 г. часть казахской знати родов аргын и найман выбрала в ханы султана Букея, официально признанного затем русским правительством. В начале XIX в. в Среднем жузе имелось еще несколько ханов: это Жума, пользовавшийся поддержкой на севере жуза, хан Тогум, признанный Цинами и избранный в ханы после смерти Букея султан Чингис<sup>2</sup>.

Подобная картина как нельзя лучше показывает, насколько можно вести речь о единой, сильной ханской власти, признаваемой большинством ро-

дов жуза, которая бы олицетворяла государственность.

Несмотря на отсутствие реальных механизмов управления в руках у хана, между султанскими группировками постоянно шла борьба за обладание данным титулом, что являлось вопросом престижа. Стремление завладеть титулом толкало отдельных султанов на покровительство со стороны среднеазиатских государств, Китая, от правителей которых они получали ханский титул. Противостояние группировок подрывало стабильность в жузах, отрицательно влияло на хозяйственную жизнь рядовых кочевников. Подобная ситуация утверждала правительственные круги в мысли о практической бесполезности ханской власти, влекущей только дополнительные расходы. Показательно отношение самих чингизидов. Так, султан Каратай Нуралиев, сам стремившийся к ханскому титулу, говорил, что «...князь Волконский (оренбургский военный губернатор) только даром тратит деньги государя на избрание, ханов делает он (Каратай)»<sup>3</sup>.

Как видно, в данный исторический период ханы уже не выполняли функций правителей, не имея достаточной опоры и авторитета среди казахов. «Сии ханы, – говорится в одном из документов правительства начала 20-х гг. XIX в., – в истинном смысле не суть владетели, ибо давно уже по возникшим у них с султанами раздорами лишились они всей своей силы и способов управлять народом, ввергнувшись в совершенное безначалие и разделившись на роды разных названий, слабыми узлами между собою соединенных»<sup>4</sup>. Окончательно ханская власть уходит в прошлое к середине XIX в., когда умирает последний, официально утвержденный Россией хан Джангир Букеев, а в 1847 г. погибает в стычках с кара-киргизами самопровозглашенный хан Среднего жуза Кенесары Касымов, боровшийся с 1837 г. за власть и сохранение влияния с русскими властями.

Подводя итог, необходимо отметить, что вопрос о наличии государственности на территории казахских жузов нельзя рассматривать в отрыве от господствовавших социальных, экономических и политических отношений в кочевом обществе. Здесь не произошло складывания государственных институтов в классическом понимании, спло-

<sup>1</sup> Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей / под. общ. ред. М.К. Козыбаева. 2-е изд. Алматы: «Санат», 1996. С. 257.

<sup>2</sup> Ерофеева И.В. Указ. соч. С. 27.

<sup>3</sup> Мейер Л. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Т. 10: Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865. С. 32.

<sup>4</sup> РГИА. Ф. 1287. Оп. 6. Д. 826. Л. 13.

чение казахских родов происходило только для отпора внешних угроз или для организации военных походов. Власть ханов не могла объективно претендовать на монополию управления и ограничивалась рамками общества, находящегося на уровне военной демократии и разложения родо-

племенных отношений. В данных исторических условиях, на фоне происходившей инкорпорации казахского общества в государственно-правовое поле Российской империи, элементы государственности на территории казахских жузов сохраниться, а тем более развиваться не могли.

УДК 94(47).084.8

А.В. Быков, канд. ист. наук

Омская академия МВД России

e-mail: aleksandr091070@rambler.ru

## К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ ИСКАЖЕНИЙ ФАКТОВ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

*В статье анализируются проблемы освещения истории Великой Отечественной войны в зарубежной литературе 1950-1980-х гг., их влияние на современные исследования. По мнению автора, именно данные публикации и допущенные в них искажения являются основой для современных фальсификаций истории войны. Рассматривается отечественный опыт противодействия искажениям истории, возможности применения этого опыта в современных условиях.*

*Ключевые слова: отечественная история, Великая Отечественная война, фальсификация истории, искажение исторических фактов, противодействие фальсификации истории, исторические источники.*



A. V. Bykov, Ph.D. (Candidate of Historical Sciences)

Omsk Academy of the Interior of Russia

e-mail: aleksandr091070@rambler.ru

## ON THE ISSUE OF THE HISTORIC DISTORTION OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

*The way of representing the Great Patriotic War in foreign literature in the 1950-80s and its influence to the modern research is analyzed in this article. These publications are considered to be the base for modern misrepresentation of the War. Some experience of counteraction against the history distortion is given here. The author offers some ways how to apply his experience in modern situation.*

*Key words: patriotic war, Great Patriotic War, misrepresentation of a history, distortion of historical facts, counteraction against misrepresentation of the history, historical sources.*

Вопрос о искажении событий Великой Отечественной войны особенно актуален в настоящее время. По этому поводу приведем, на наш взгляд, достаточно примечательную цитату: «...писания всех этих “историков” далеки от сколько-нибудь объективного освещения событий минувшей войны, хотя их авторы и клянутся на все лады в верности истине, в полной объективности и т.д. и т.п.»<sup>1</sup>. Данная цитата вполне применима к современным исследованиям истории Великой Отечественной войны и изобилующим искажениям фактов, а то и откровенным вымыслам. Однако эти слова принадлежат маршалу Советского Союза А.И. Еременко и адресованы бывшим немец-

ким генералам, авторам книг о Второй мировой войне.

Говоря о проблеме фальсификаций истории великой Отечественной войны, необходимо обратиться к истокам этой проблемы. Впервые мышления об оборонительной сущности германского нападения СССР, о противодействии планам Сталина захвата Европы, о «зверствах большевиков» и прочее появились с подачи ведомства доктора Геббельса. После окончания Второй мировой войны в зарубежных странах, в первую очередь ФРГ, Англии, США, издаются военные мемуары, статьи, аналитические обзоры, содержащие искажения исторических фактов. Борьба с данным явлением началась фактически в первое послевоенное десятилетие. Уже в 1950-е гг. появляются отдельные работы, статьи, сборники, рас-

<sup>1</sup> Еременко А.И. Против фальсификации истории Второй мировой войны. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. С. 7.

крывающие механизм искажения исторических фактов, анализирующие основные направления фальсификаторства и его сущность. В последующие годы эта работа продолжалась. В основе советской критики лежало прямое противопоставление зарубежных и отечественных свидетельств, документально подтвержденных фактов, аргументированное раскрытие преднамеренных или случайных искажений. На стилистику этих работ, конечно, оказывала влияние идеология «холодной войны», тезисы о реваншизме и агрессивности империализма. Однако необходимо признать конструктивность, аргументированность этой критики, её патриотическую направленность.

Краткий обзор ряда публикаций дает представление об основных темах, проблемах, рассматриваемых в трудах того периода.

В своей книге «Против фальсификации истории Второй мировой войны», изданной в 1958 г., А.И. Еременко анализирует военно-исторические труды, опубликованные после Второй мировой войны в Федеративной Республике Германии. Их авторами являются бывшие генералы Вермахта Гейнц Гудериан «Воспоминания солдата», Ганс Дёрр «Поход на Сталинград» (оперативный обзор), Эрих фон Манштейн «Утерянные победы», Меллентин «Танковые сражения 1939-1945 гг.», сборники статей «Итоги Второй мировой войны» и «Мировая война 1939-1945 гг.».

Маршал А.И. Еременко, будучи непосредственным участником многих описываемых событий, имел возможность вскрывать допущенные авторами искажения, опираясь не только на документы и воспоминания других лиц, но и на собственные сведения, воспоминания, впечатления. В качестве примера приведем один из фрагментов главы, посвященной разбору книги Гейнца Гудериана «Воспоминания солдата». Гудериан утверждал, что в октябре 1941 г. были разгромлены и капитулировали части Красной Армии севернее Брянска, где находилась 50-я армия. По информации А.И. Еременко, части армии вышли из окружения, сохранив боеспособность. Да и сам Гудериан позже пишет, что в ноябре немецким войскам пришлось столкнуться со свежими опасными силами противника – 50-й армией, о которой ранее говорил как о разгромленной и капитулировавшей. Это пример одного из используемых приемов – сначала несколько исказить – затем сказать правду. Нередко используется и другой прием – умолчать о «неудобных» фактах. Пример – бои в районе Брестской крепости. Гудериан пишет о

боях за крепость весьма скупое, упоминая, что гарнизон сопротивлялся несколько дней. В целом о собственных успехах говорится подробно и пространно, об успехах противника – кратко и невнятно, создавая впечатление их незначительности. В заключении к своей работе А.И. Еременко пишет: «Мы сочли бы свой долг выполненным, если бы эта небольшая книжка послужила началом целой серии больших и серьезных статей, а быть может, и книг, последовательно и всесторонне разоблачающих домыслы буржуазных лжецов»<sup>1</sup>.

Данное пожелание не осталось без ответа. В последующем публикуется целый ряд статей, посвященных проблеме искажения истории войны. В частности, в 1964 г. выпущен сборник статей «Против фальсификации истории Второй мировой войны»<sup>2</sup>. Авторы вошедших в сборник статей анализируют публикации иностранных авторов, содержащие искаженные сведения о истории Второй мировой войны и роли в ней Советского Союза.

Статья В.И. Попова «Буржуазная историография Англии и США об англо-франко-советских переговорах 1939 г.» посвящена освещению причин провала тройственных англо-франко-советских переговоров о создании системы коллективной безопасности в Европе, противодействия нацистской Германии.

Проблема истоков, причин Второй мировой войны уже в тот период была весьма актуальна, как и стремление представить именно СССР виновником срыва указанных переговоров и, таким образом, виновником начала войны в целом. Автор раскрывает, каким образом формируется подобное мнение. Ярким примером может служить позиция английских изданий. В опубликованных документах английской внешней политики, как отмечает автор, «составители документов проявили крайнюю тенденциозность при подборе материалов для публикации. Ряд документов лишь упоминается в примечаниях и ссылках с пометкой «не публикуется», другие приводятся в выдержках. Сопоставление опубликованных английских документов с изданными госдепартаментом США американскими дипломатическими документами показывает, что многие важные беседы, во время которых английские дипломаты обсуждали вопро-

<sup>1</sup> Еременко А.И. Против фальсификации истории Второй мировой войны. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. С. 117.

<sup>2</sup> Против фальсификации истории Второй мировой войны: сборник статей. М.: Наука, 1964.

сы, связанные с переговорами в Москве, не нашли места в английской публикации документов<sup>1</sup>. Автор также отмечает, что в Советском Союзе была опубликована полная стенограмма переговоров военных миссий, в то время как в английских источниках «помещены лишь протокольные записи переговоров, которые в силу краткости и явной тенденциозности не дают возможности читателю составить правильную картину переговоров. Документы V, VI, VII томов подобраны так, чтобы прикрыть политику поощрения гитлеровской агрессии, проводившуюся правительством Чемберлена, а сами переговоры изобразить как попытку английского правительства создать общий фронт с СССР для противодействия фашистской агрессии»<sup>2</sup>. Аналогичный прием – подбор «выгодных» документов – использован и в изданном в 1948 г. министерствами иностранных дел США, Англии и Франции сборника документов «Советско-нацистские отношения. 1939-1941 гг.»<sup>3</sup>. С помощью манипуляции документами проводилась идея представить СССР ответственным за срыв переговоров и затушевать значение договоренностей в Мюнхене.

В статье представлена и точка зрения советской стороны о причине провала переговоров. Приводится высказывание главы советской военной миссии на переговорах в Москве К.Е. Ворошилова в интервью от 27 августа 1939 г.: «не потому прервались военные переговоры с Англией и Францией, что СССР заключил пакт о ненападении с Германией, а наоборот, СССР заключил пакт о ненападении с Германией в результате, между прочим, того обстоятельства, что переговоры с Францией и Англией зашли в тупик в силу непреодолимых разногласий»<sup>4</sup>.

Еще одним направлением является стремление принизить значение вклада Советского Союза в победу над Германией. Этой проблеме посвящена статья М.И. Семиряга «Великая битва на Волге». В статье рассматриваются труды американских и английских генералов и историков, демонстрируется их весьма предвзятое отношение к роли советско-германского фронта в целом и битвы на Волге в 1942-1943 гг. в частности. В

данных работах либо практически ничего не говорится о значении этих битв, либо они ставятся в один ряд с военными действиями английских и американских войск в Африке, Атлантике и в Европе на завершающем этапе войны. В частности, «американский генерал Дин ставит сражение на Волге в один ряд с победой американского флота над японской эскадрой у острова Мидуэй в июне 1942 г., с провалом германского контрнаступления в Арденнах в декабре 1944 г. – январе 1945 г. и с созданием американскими войсками в марте 1945 г. плацдарма на правом берегу Рейна у Ремегена. Это сражение рассматривается им как «одно из локальных событий»<sup>5</sup>. На один уровень с битвой за Сталинград пытаются поставить и битву при Эль-Аламейне, произошедшие примерно в одно время. Да и в целом наблюдается стремление представить события войны в Средиземноморском регионе, в Африке как имеющие решающее значение для исхода всей войны. М.И. Семиряга, опровергая подобную точку зрения, прибегает к анализу соотношения сил воюющих сторон как в отдельных сражениях, так и на фронтах в целом. В частности, «самым грандиозным... было сражение на Волге. На отдельных этапах в сражении с обеих сторон участвовало свыше 2 млн человек, 2 тыс. танков, более 2 тыс. самолетов, свыше 26 тыс. орудий и минометов»<sup>6</sup>. «Что касается боев у Эль-Аламейна и в Тунисе, то по своему значению они во всех отношениях не выходили за рамки североафриканского театра войны, о чем свидетельствуют те силы, которые действовали на этом театре. В 1942-1943 гг. в Северной Африке против 4 немецких и 8 итальянских дивизий, составлявших всего 1,5% общего количества дивизий фашистского блока в Европе, действовали 14 английских дивизий, составлявших 14,5% всех английских сил, и 3 американских дивизии, или 5,3% всех дивизий армии США. Летом и осенью 1943 г. на средиземноморском театре военных действий против итало-германских войск сражалось всего 14 англо-американских дивизий, что составляло около 9% всех войск США и Англии»<sup>7</sup>.

Близкую тему затрагивает в статье «Американская буржуазная историография о роли СССР в разгроме гитлеровской Германии и милитаристской Японии» Б.И. Марушкин. В его работе

<sup>5</sup> Семиряга М.И. Великая битва на Волге // Против фальсификации истории Второй мировой войны: сборник статей. М.: Наука, 1964. С. 239.

<sup>6</sup> Там же. С. 242.

<sup>7</sup> Там же. С. 243.

<sup>1</sup> Попов В.И. Буржуазная историография Англии и США об англо-франко-советских переговорах 1939 г. // Против фальсификации истории Второй мировой войны: сборник статей. М.: Наука, 1964. С. 110-111.

<sup>2</sup> Попов В.И. Указ. соч. С. 111.

<sup>3</sup> Попов В.И. Указ. соч. С. 143.

<sup>4</sup> Там же. С. 142.

рассматриваются взгляды на роль СССР и США во Второй мировой войне. По его словам, «концепция, лежащая в основе американской буржуазной историографии Второй мировой войны, заключается в том, что Соединенные Штаты якобы сыграли решающую роль в минувшем мировом конфликте»<sup>1</sup>. В условиях «холодной войны» среди части политиков США укрепляется мнение об ошибочности, «мягкости» и «недалековидности» действий властей США в отношении СССР, что было использовано, как утверждал Х. Болдуин, «...советским коммунизмом к своей пользе»<sup>2</sup>. Американские историки школы «реальной политики», к которым относился и упомянутый Х. Болдуин, стремились доказать, что решающую роль в победе над Германией сыграли Соединенные Штаты, или как минимум поставки по Лендлизу. Опровергая данные утверждения, Б.И. Марушкин обращается не только к цифрам и фактам, но и к высказываниям английских и американских политических деятелей и военачальников в период войны. В частности, приводится выдержка из телеграммы Ф. Рузвельта генералу Макартуру от марта 1942 г.: «С точки зрения большой стратегии, ясен простой факт – русские убивают больше солдат противника и уничтожают больше его вооружения и снаряжения, чем остальные 25 государств Объединенных Наций вместе взятые»<sup>3</sup>, выдержка из доклада генерала Маршалла военному министру США: «без успешных действий советской армии американские войска были бы не в состоянии противостоять агрессору и война была бы перенесена на американский континент»<sup>4</sup>. В результате утверждения послевоенных историков опровергаются словами политиков и военных периода ВОВ, в т.ч. и тех, кого сложно заподозрить в симпатиях к СССР, например У. Черчилля.

Еще одна злободневная тема затрагивается в статье Г. Деборина «Цели и направление буржуазной фальсификации истории Второй мировой войны», помещенной в сборнике «Против фаль-

<sup>1</sup> Марушкин Б.И. Американская буржуазная историография о роли СССР в разгроме гитлеровской Германии и милитаристской Японии // Против фальсификации истории Второй мировой войны: сборник статей. М.: Наука, 1964. С. 311.

<sup>2</sup> Там же. С. 308.

<sup>3</sup> Марушкин Б.И. Американская буржуазная историография о роли СССР в разгроме гитлеровской Германии и милитаристской Японии // Против фальсификации истории Второй мировой войны: сборник статей. М.: Наука, 1964. С. 316.

<sup>4</sup> Там же. С. 317.

сификаторов истории Второй мировой войны», вышедшем в 1959 г. В целом сборник и рассматриваемая статья в частности посвящены подробному анализу основных направлений деятельности историков и публицистов Англии, США, Франции и ФРГ. Однако наибольший интерес представляет раскрытие целей и приемов, используемых для формирования представлений о Советском Союзе как главном виновнике начала Второй мировой войны. С этой целью используется тезис о советско-германском договоре от 23 августа 1939 г. как о факторе, развязавшем руки Гитлеру. Значение же мюнхенских соглашений, роль Англии и Франции в провале англо-франко-советских переговоров, позиция Польши, отказавшейся пропускать советские войска на помощь Чехословакии, старательно замалчиваются. В качестве первоначального источника подобных взглядов автор рассматривает изданный в 1948 г. Государственным департаментом США и министерствами иностранных дел Англии и Франции сборник документов «Нацистско-советские отношения 1939-1941 гг.»<sup>5</sup>. Г. Деборин излагает иное представление о сущности мюнхенских договоренностей и их роли в развязывании Второй мировой войны, утвердившееся в советской исторической науке: «Политика сговора с фашистскими агрессорами нашла свое законченное выражение в мюнхенской сделке, призванной ценой выдачи Чехословакии германским милитаристам добиться их нападения на Советский Союз»<sup>6</sup>.

Анализ основных направлений фальсификации истории Второй мировой войны в трудах зарубежных авторов и противопоставленных им работах отечественных исследователей позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, современные «открыватели» новых «фактов» о войне, «разоблачители», авторы «нового прочтения» истории пользуются теми же тезисами, что и зарубежные авторы 50-60-х гг., используют их работы в качестве источников. Во-вторых, многие искажения фактов истории войны получают свое начало в воспоминаниях бывших генералов вермахта, опубликованных и переизданных в период 1990-х – начала 2000-х гг. И именно эти издания преподносятся как «свет истины» о событиях войны. Тем

<sup>5</sup> Деборин Г. Цели и направление буржуазной фальсификации истории Второй мировой войны // Против фальсификации истории Второй мировой войны. М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1959. С. 12.

<sup>6</sup> Там же. С. 14.

более что эти издания появились на отечественном книжном рынке раньше, чем аналогичные произведения советских военачальников.

Искажения фактов из истории войны имели место и в трудах авторов из иных зарубежных стран (в первую очередь Англии и США). Однако работы именно немецких авторов занимают, на наш взгляд, особое место, поскольку являются свидетельствами непосредственных участников военных действий.

И здесь уместно привести цитату из книги Маршала Советского Союза А.И. Еременко: «... требуется не только переводить и издавать такого рода литературу, но и систематически подвергать ее квалифицированной, острой, принципиальной критике, основанной на тщательном изучении фактической стороны дела»<sup>1</sup>. Следует отметить, что А.И. Еременко не отрицает возможности издания воспоминаний немецких военачальников, однако указывает на необходимость критического подхода к их восприятию, что подтверждается цитатой из его статьи: «Мы далеки от огульного отрицания научной и познавательной ценности некоторых книг исторического и мемуарного характера, изданных в ФРГ, тем не менее после ознакомления с большинством из них приходится сделать вывод, что их авторы в ряде случаев исходили из идеи реванша и не стеснялись вступать в заведомое противоречие с исторической правдой»<sup>2</sup>.

Поэтому, говоря о противодействии фальсификациям, немаловажно обращение к истокам этих фальсификаций. Особое значение приобретает использование сопоставления воспоминаний зарубежных и отечественных участников войны. В настоящее время, что является положительным, изданы воспоминания, иные работы советских военачальников. Это дает возможность сопоставить сведения из различных источников. Для исследователя это не составляет особого труда. Однако в

современных условиях речь идет в первую очередь не о историках, а о широкой аудитории граждан. И именно это, на наш взгляд, делает весьма актуальным работы, в которых специалист-исследователь представил бы позиции противоположных сторон и, используя документы, иные свидетельства, показал, кем, какие факты и каким образом искажены. Стоит обратиться и к имеющемуся опыту. В качестве примера можно привести уже упоминавшуюся работу А.И. Еременко «Против фальсификации истории Второй мировой войны», которую автор скромно называет брошюрой. Эта брошюра, на наш взгляд, имеет большее значение по сравнению с иными «толстыми» изданиями, потому как она подобна битве под Прохоровкой, это лобовое столкновение двух армий, столкновение людей, самым непосредственным образом участвовавших в войне, знающих о ней не по воспоминаниям других или архивным документам, а на основе собственного опыта.

В настоящее время публикуются воспоминания и рядовых военнослужащих вермахта, что делает актуальным публикацию воспоминаний советских солдат, ветеранов.

Для научного изучения истории войны, возможности противопоставлять искажениям конкретные факты важным представляется публикация сборников нормативных актов военного времени, военных донесений, сводок, иных документов.

В заключение хотелось бы привести еще одну актуальную цитату: «Критика должна быть строго научной ... она должна остро и принципиально вскрывать как сами искажения исторической действительности и негодные методы, с помощью которых они делаются, так и причины, побуждающие горе-историков прибегать к подобным приемам»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Еременко А.И. Против фальсификации истории Второй мировой войны. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. С. 8.

<sup>2</sup> Еременко А.И. К вопросу об освещении истории Второй мировой войны в Западной Германии // Против фальсификации истории Второй мировой войны: сборник статей. М.: Наука, 1964. С. 348.

<sup>3</sup> Еременко А.И. Против фальсификации истории Второй мировой войны. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. С. 117.

УДК 34.02

**В.М. Климачков**

Барнаульский юридический институт МВД России

## СУДЕБНАЯ РЕФОРМА ПЕТРА I КАК ОДНА ИЗ ПРИЧИН ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

*В статье рассматриваются причины проведения реформ Петром I в судебной сфере, анализируется функциональное и организационное единство органов правосудия и органов управления, прослеживается поступательность проводимых реформ, способствующих строгой регламентации порядка прохождения дел по инстанциям и т.д., и выявляются основные причины, способствующие становлению юридического образования в России.*

*Ключевые слова:* судебная реформа, судебные органы, криссрехты, Генеральный суд.



**V. Klimachkov**

Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

## JUDICIAL REFORM OF PETER I AS ONE OF THE CAUSES OF LEGAL EDUCATION IN RUSSIA

*The author examines the causes of judicial reforms by Peter I, studies functional and organizational unity of the judiciary and the government, traces the reforms in progress making them strict to go through all the stages. The main causes contributing to the establishment of legal education in Russia are analyzed.*

*Key words:* judicial reform, judiciary, justice board, krigsrechtly, General Court.

Эпоха Петра Великого, несомненно, является одной из ярчайших страниц нашей истории. Его реформы до сих пор остаются предметом многочисленных исследований и споров. Однако вне всякого сомнения период конца XVII в. – первой четверти XVIII в. ознаменовался серией реформ Петра I, направленных на модернизацию экономической и социально-культурной жизни в стране и ставших продолжением преобразований, начатых его предшественниками на престоле – Алексеем Михайловичем и Федором Алексеевичем. Однако в военной, финансовой, судебной, церковной сферах и сфере государственного управления Петр I провел их более решительно, продуманно, последовательно<sup>1</sup>.

Судебная реформа Петра I была обусловлена: во-первых, отсутствием судов общей юрисдикции

(при значительном количестве специализированных судов); во-вторых, функциональным и организационным единством органов правосудия и органов управления; в-третьих, отсутствием единства в устройстве судебной системы; в-четвертых, отсутствием строго регламентированного порядка прохождения дел по инстанциям; в-пятых, доминированием частного обвинения на начальной стадии уголовного процесса<sup>2</sup>.

Изменения в правовом регулировании организации и деятельности суда и судебного законодательства проводились в условиях продолжения действия основных судебно-процессуальных положений Соборного уложения 1649 г., остававшегося основным законом Российского государства. Вместе с тем именно в этот период впервые появились специальные отраслевые законодательные

<sup>1</sup> Фетищев Д. В. Судебная реформа Петра I и ее политико-правовое значение // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 4(5). С. 153-157.

<sup>2</sup> Серов Д.О. Кризис юстиции в России второй половины XVII в. // Журнал российского права. 2010. № 3. С. 125-133.



акты, вносящие изменения в сложившуюся организацию судов и судебного управления, а также в правила проведения судебного процесса.

Судебная реформа Петра I являлась наиболее радикальной в ряду других реформ государственного управления того времени<sup>1</sup>. Для того чтобы выстроить систему судов, законодателю было необходимо, во-первых, структурно и функционально отделить органы правосудия от органов управления, а во-вторых, наделить эти органы правосудия соответствующим объемом юрисдикционных полномочий.

Во главе судебной системы стоял царь. Его роль в отправлении правосудия по сравнению с прошлым столетием значительно усилилась. Если раньше царь решал наиболее важные дела совместно с Боярской думой, то с укреплением абсолютизма все сложные дела поступали из Сената на его утверждение. В качестве верховного судьи царь единолично разбирал многие дела по своему усмотрению. По мнению Р.С. Уортмана, «русский царь никогда полностью не разделял ценностей европейского абсолютного монарха. Он заимствовал западные формы, но пренебрегал ими, когда заблагорассудится»<sup>2</sup>.

Высшим судебным органом, следующим после царя, являлся Сенат, созданный в 1711 г. и ставший с 1718 г. высшей апелляционной инстанцией<sup>3</sup>. В состав Сената перешла Расправная палата, ставшая, по сути, его судебным департаментом. Основная задача Расправной палаты заключалась в рассмотрении донесений фискалов и челобитных на незаконные действия и решения местных органов управления и суда.

Кроме того, Петр I изменил систему местных судебных органов. Их реорганизация началась в 1702 г. с упразднения губных учреждений и передачи их функций воеводам. При воеводах были созданы выборные дворянские советы, с которыми им предстояло совместно решать все порученные дела, в частности судебные.

В связи с сохранявшейся нераздельностью органов управления и суда административно-территориальное деление отождествлялось с распределением по судебным округам. Глава губер-

<sup>1</sup> Фетищев Д.В. Судебная реформа Петра I и ее политико-правовое значение // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 4(5). С. 153-157.

<sup>2</sup> Уортман Р.С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 63-64.

<sup>3</sup> Полное собрание законов Российской империи с 1649 г.: в 16 т. СПб., 1830. Т. 4. № 2321, 2330.

нии – губернатор – осуществлял судебные функции вместе с ландратами коллегиально, решал все дела, в т.ч. и судебные<sup>4</sup>.

В 1717-1718 гг. началась реорганизация центрального правительственного аппарата, приказы были упразднены, взамен учреждались коллегии<sup>5</sup>.

В отличие от приказов, деятельность которых основывалась преимущественно на принципе единоначалия, дела в коллегиях должны были решаться коллегиально. В Указе от 22 декабря 1710 г. подчеркивалось преимущество коллегиального управления и суда по сравнению с приказным: «Президенты и председатели не такую мочь имеют, как старые судьи: делали, что хотели. В коллегиях президент не может без соизволения товарищей ничего учинить»<sup>6</sup>.

Первоначально в соответствии с Указом от 14 декабря 1717 г. было создано 9 коллегий: Иностранных дел, Камер-коллегия, Юстиц-коллегия, Ревизион-коллегия, Военная коллегия, Адмиралтейская коллегия, Берг-коллегия, Мануфактур-коллегия, Штатс-контор-коллегия. Последующие изменения выразились как в частичной реорганизации учрежденных, так и в создании новых коллегий – Главного Магистрата и Синода). Всего к концу царствования Петра I было создано 13 коллегий.

Все коллегии, наряду с административными, выполняли также судебные функции в отношении собственных служащих в случае совершения ими преступлений небольшой тяжести. Некоторые коллегии обладали специальной судебной компетенцией.

Законом от 19 декабря 1718 г. было закреплено структурное отделение судебных органов от административных. В ст. 2 и 3 об укреплении инстанционности в судопроизводстве в качестве органов правосудия, обособленных от органов управления, определялись: ставшие судом первого (основного) звена «нижние» суды (городовые и провинциальные), ставшие судом второго звена надворные суды (гофгерихты) и ставшая судом третьего звена Юстиц-коллегия. Судом четвертого (высшего) звена, согласно ст. 4 Закона от 19 декабря 1718 г., остался Правительствующий Сенат.

<sup>4</sup> Кавелин К.Д. Собрание сочинений: в 4 т. СПб., 1898. Т. 3. С. 359.

<sup>5</sup> Полное собрание законов Российской империи с 1649 г.: в 16 т. СПб., 1830. Т. 5. № 3129, 3197, 3255.

<sup>6</sup> Полное собрание законов Российской империи с 1649 г.: в 16 т. СПб., 1830. Т. 5. №3261.

При этом суды первых трех звеньев образовали собой основной сегмент преобразованной судебной системы России<sup>1</sup>.

Наиболее значимым нормативным актом в сфере военного и судебного строительства эпохи Петра I был Воинский устав 1716 г. Он состоял из изданных самостоятельно: Воинского устава, Воинского артикула с кратким толкованием, Краткого изображения процессов и судебных тяжб и составной части Устава «Об экзерциции»<sup>2</sup>.

На наш взгляд, Воинский артикул и Краткое изображение процессов и судебных тяжб (части II и III Воинского устава) можно считать первыми военно-уголовным и военно-судебным (процессуальным) кодексами в том смысле, что они, имея высшую по тому времени юридическую силу, стали применяться не только в отношении военнослужащих, но и в отношении остальных граждан, находившихся на территории всего государства, без каких-либо ограничений. Впервые в них четко усматриваются система воинских преступлений и наказаний за их совершение, система военных судов, подсудность дел военным судам, порядок судопроизводства в них.

Краткое изображение процессов и судебных тяжб 1715 г. фактически установило основу всего отечественного судостроительства, закрепило систему судебных органов, состоявших из судов невоенных (гражданских) и судов военных.

Военные суды (кригсрехты) подразделялись на генеральные и полковые (высший и нижний военные суды), являвшиеся судами первой инстанции.

Генеральному суду были подсудны дела о государственных преступлениях, деяниях, совершенных целыми частями и подразделениями, а также гражданские и уголовные дела, касающиеся высшего офицерства (генералов и штаб-офицеров). Полковому суду были подсудны дела об уголовных преступлениях, совершаемых нижними чинами и обер-офицерами. Военному суду были подсудны дела не только военнослужащих, но и всех других лиц, состоявших при войске.

В связи с тем что судьями в военных судах являлись строевые командиры, суду придавался аудитор. Аудитор и секретари судебных заседаний (писари) в Уставе названы «юридическим элемен-

<sup>1</sup> Полное собрание законов Российской империи с 1649 г.: в 16 т. СПб., 1830. Т. 5. № 3244.

<sup>2</sup> Григорьев О.В. Формирование военно-судебной системы в ходе реформ Петра I // Российский судья. 2009. № 11. С. 30.

том в военном суде». В Уставе о генерал-аудиторе (приравнивался к званию подполковника) говорилось, что он должен быть сведущим человеком, искусственным в военных делах, осторожным советником, объективным и справедливым. При этом аудитор не являлся членом суда. Имея надзорные функции, он наблюдал за правильным ведением судопроизводства. В отличие от судей аудиторы были штатскими. Компетенция аудиторов разных уровней была различной.

Кроме военных судов, собираемых в полках, в Москве по Указу от 15 февраля 1723 г. был учрежден постоянный военный суд. Он занимался преимущественно рассмотрением дел об уклонениях от военной службы военнослужащих, задержанных в Москве и вблизи нее<sup>3</sup>. По своему составу этот суд был близок к генеральному военному суду.

Одно из главных изменений в судостроительстве, установленных Воинским уставом, состояло в том, что Военная коллегия, преобразованная в 1717 г. из Военной канцелярии и являвшаяся высшим органом военного управления, получила статус высшего военно-судебного органа. По Указу от 5 марта 1719 г. в Военную коллегию направлялись все приговоры военных судов о наказаниях в виде смертной казни<sup>4</sup>.

В конце царствования Петра I в местах дислокации войск действовали так называемые смешанные суды. Указом о сборе подушных денег от 24 июня 1724 г. и Инструкцией о должности полковника от 26 июня 1724 г. Петр I возложил на полковых командиров наблюдение за всей местной администрацией, сбором подушных денег, предназначенных на содержание войск, а также за жителями того региона, в котором располагался полк<sup>5</sup>. Полковникам предоставлялось право судить и наказывать местных жителей по жалобам на них военнослужащих за причинение «обидь». Необходимым условием было, чтобы в суде над крестьянином участвовал земский комиссар, а в суде над дворянином – двое местных дворян<sup>6</sup>.

<sup>3</sup> Указ от 15 февраля 1723 г. «Об учреждении в Москве постоянного нижнего военного суда согласно 50-й главе Воинского устава» // ПСЗ. Т. VII. № 4166.

<sup>4</sup> Полное собрание законов Российской империи. Т. VI. № 3316. СПб., 1885.

<sup>5</sup> Полное собрание законов Российской империи. Т. VII. № 4533, 4535. СПб., 1885.

<sup>6</sup> Григорьев О.В. Формирование военно-судебной системы в ходе реформ Петра I // Российский судья. 2009. № 11. С. 34.

Таким образом, как нам представляется, в процессе проведения Петром I судебной реформы были достигнуты следующие результаты: во-первых, была проведена первая попытка отделения суда от администрации на местном уровне путем создания специальных судебных органов: ландрихтеров, городских и провинциальных судей и надворных судов; во-вторых, впервые установлена система инстанций: сначала судебно-административных, позднее собственно судебных; в-третьих, последовательно проводился

коллегиальный принцип в организации судебных органов; в-четвертых, впервые в России создана система военных судов; в-пятых, создана система надзора и институт фискалитета; в-шестых, организация суда и процесса регламентировалась большим числом законодательных актов, издаваемых в разное время и по отдельным институтам судебного права. Судебная реформа Петра I вызвала необходимость подготовки высококвалифицированных кадров в области юриспруденции с целью ее эффективной реализации.

## Государственно-правовое регулирование общественных отношений

УДК 342.4

*Е.С. Аничкин, доктор юрид. наук, доцент; О.Л. Казанцева, канд. юрид. наук  
Алтайский государственный университет*

### МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАК КОНСТИТУЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ В РЕШЕНИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ<sup>1</sup>

*Статья посвящена закреплению и развитию местного самоуправления как одной из важнейших конституционных ценностей в решениях Конституционного Суда РФ.*

*Ключевые слова: конституционные ценности, Конституция РФ, Конституционный Суд РФ, местное самоуправление.*



*E.S. Anichkin, Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor;  
O.L. Kasantseva, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences)  
Altay State University*

### LOCAL SELF-GOVERNMENT AS CONSTITUTIONAL VALUE IN DECISIONS OF CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

*This article is devoted to consolidation and development of a local self-government as one of the crucial constitutional valuables in the decisions of Constitutional Court of the Russian Federation.*

*Key words: constitutional valuables, Constitution of the Russian Federation, Constitutional Court of the Russian Federation, local self-government.*

Развитие российского государства как правового и демократического напрямую зависит от эффективной организации в государстве центральной и местной власти. Конституция Российской Федерации закрепила ряд базовых положений об организации и деятельности местного самоуправления в России. Местное самоуправление пришло на смену местному государственному управлению и стало одним из конституционных прав граждан, фундаментальной основой конституци-

онного строя Российской Федерации, важнейшей конституционной ценностью.

Реформа местного самоуправления обусловлена прежде всего объективными причинами, одной из которых является поиск путей дальнейшего развития местного самоуправления. Демократическое государство должно обеспечивать эффективное функционирование местного самоуправления на основе принципов верховенства права, приоритета и защиты прав и свобод человека и гражданина. Последние двадцать лет Россия ха-

<sup>1</sup> Материал подготовлен в рамках проекта РГНФ «Конституционная аксиология в практике органов конституционной юстиции: российский и зарубежный опыт» (№ 12-33-01353).

рактируется поиском баланса централизации и децентрализации, оптимальности распределения полномочий и материально-финансовых ресурсов между уровнями публичной власти, поиском форм и способов взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления<sup>1</sup>. Соблюдение баланса централизации и децентрализации в первую очередь проявляется в институтах местного самоуправления, что подтверждается решениями Конституционного Суда РФ.

В соответствии со ст. 12 Конституции Российской Федерации органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. Данное конституционное положение означает, что органы местного самоуправления не могут образовываться, а должностные лица местного самоуправления не могут назначаться органами государственной власти. Органы и должностные лица местного самоуправления, депутаты подотчетны и ответственны перед населением. Конституция РФ запрещает осуществление местного самоуправления органами государственной власти и государственными должностными лицами. Решения, принятые путем прямого волеизъявления граждан, органами местного самоуправления, должностными лицами в пределах их полномочий, обязательны для исполнения. Государственные органы и должностные лица не могут прямо отменить как нормативные, так и индивидуальные решения, принимаемые органами местного самоуправления и должностными лицами.

Органы местного самоуправления обладают организационной, экономической и хозяйственной самостоятельностью, муниципальной собственностью и местным бюджетом. Самостоятельность органов местного самоуправления выражается в приближении публичной власти к населению с целью удовлетворения его потребностей, что является главным признаком децентрализации власти<sup>2</sup>. Кроме того, местное самоуправ-

ление есть форма территориальной самоорганизации населения<sup>3</sup>.

В целом конституционные положения о местном самоуправлении создали благоприятную основу для развития полноценного местного самоуправления в России. Роль Конституции РФ в процессе закрепления ценностей заключается в том, что в ней перечисляются предельно обобщенные, выступающие в качестве целей развития общества и государства приоритеты, которые наполняются конкретным содержанием в текущем законодательстве. По сути, ценности, закрепленные в Конституции РФ, являются ориентиром для правового закрепления целей, задач, стоящих перед государством, и конкретного правового регулирования и выступают критерием сбалансированности различных интересов.

В современном конституционном праве используются различные категории, такие, как цели, ценности, основы конституционного строя, принципы и др. Использование этих категорий в конституционно-правовом аспекте вызывает необходимость определения их правового содержания.

Часть 3 ст. 55 Конституции РФ закрепляет «объекты» конституционной защиты. К ним относятся: основы конституционного строя, права и законные интересы людей, обороноспособность и безопасность российского государства. Не вызывает сомнения, что эти объекты являются конституционными ценностями<sup>4</sup>. Понятие конституционных ценностей в данном случае тесно переплетается с понятием основ конституционного строя. В свою очередь, система конституционных ценностей не может быть ограничена рамками гл.1 Конституции РФ «Основы конституционного строя». Конституционными ценностями будут являться и положения других глав Конституции РФ. Например, права и свободы человека и гражданина, многообразие и равноправие форм собственности, признание и гарантирование местного самоуправления и др. Следовательно, система конституционных ценностей включает в себя не только основы конституционного строя, но и ценности, определяющие правовое положение индивида, а также организацию государственной власти.

Особая роль в реализации и развитии институтов местного самоуправления принадлежит Конституционному Суду РФ, который формулирует

<sup>3</sup> См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2002 г. № 7-П // СЗ РФ. 2002. № 14. Ст. 1374.

<sup>4</sup> См.: Нерсесянц В.С. Философия права. М., 1998. С. 28.

правовые позиции, разрешая противоречия и конфликты в системе властеотношений. В решениях органов конституционного контроля конституционные ценности трансформируются в специфические нормативно-правовые требования, приобретают императивный характер для правоприменителя и законодателя.

Местное самоуправление тесно связано с конституционным правосудием. Конституционный Суд РФ, исходя из его правовых позиций, берет на себя функции защитника местного самоуправления, тем самым способствуя сохранению и развитию прав населения на решение вопросов местного значения. Прежде всего речь идет о решениях Конституционного Суда РФ, связанных с проверкой конституционности положений Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в различных его редакциях. Конституционный Суд РФ анализирует положения Конституции РФ, выявляет их нормативное содержание, устанавливает баланс между ценностями, воплощенными в конституционных нормах. Это способствует углублению знаний и представлений о местном самоуправлении, вскрывает существующие проблемы местного самоуправления, выявляет противоречия и пробелы в законодательстве, фактически конкретизирует те или иные аспекты конституционной модели местного самоуправления. Иными словами, Конституционным Судом осуществляется и правообразовательная функция.

Конституционные ценности образуют системное единство. Важнейшей задачей при реализации Конституции является поддержание баланса и соразмерности конституционно защищаемых ценностей, целей и интересов. При этом недопустимы подмена одной ценности другой или ее умаление за счет другой ценности.

Исходя из этого положения, Конституционный Суд РФ в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции РФ на всей территории Российской Федерации разрешает дела с учетом необходимости поддержания соразмерности конституционно защищаемых ценностей и преследуемых целей, обеспечения их баланса.

Местное самоуправление как конституционная ценность представляет собой конституционное право населения на решение вопросов местного значения под свою ответственность. Право на местное самоуправление – это часть конститу-

ционно-правового статуса личности в Российской Федерации. Это отражается в ряде конституционных норм, посвященных главным образом индивидуальным и коллективным правам на местное самоуправление (ст. 24, 32, 33, 40, 41, 130-132 и др.).

Аналогичный подход сформулирован в решениях Конституционного Суда РФ, в частности в постановлении Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2000 г. №15-П, в котором суд сформулировал следующую правовую позицию. Из ч. 2 ст. 3 и ст. 12 Конституции РФ следует, что местное самоуправление – это необходимая форма осуществления публичной власти и основа конституционного строя Российской Федерации. Согласно ст. 32, 130-132 Конституции РФ граждане вправе осуществлять местное самоуправление путем референдума, выборов, иных форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы самоуправления. Следовательно, граждане имеют право на участие в осуществлении публичной власти в рамках муниципального образования, которое возникает у них в силу Конституции РФ и закона<sup>1</sup>. Личностные начала местного самоуправления тоже учитывались Конституционным Судом РФ как критерий для проверки законодательного регулирования муниципальных институтов<sup>2</sup>.

Понимание местного самоуправления как особой формы публичной власти находит подтверждение в ряде правовых позиций Конституционного Суда РФ, прежде всего в постановлениях от 15 января 1998 г. № 3-П, от 30 ноября 2000 г. № 15-П и в особенности в постановлении от 2 апреля 2002 г. № 7-П.

В процессе рассмотрения дела о проверке конституционности отдельных статей Конституции Республики Коми от 17 февраля 1994 г. и Закона Республики Коми от 31 октября 1994 г. «Об органах исполнительной власти в Республике Коми» Конституционный Суд РФ выяснял, являются ли местные органы, указанные в Конституции Республики Коми, государственными или органами местного самоуправления. Для решения этого вопроса важно было установить критерии, которые позволили бы отнести соответствующие органы к

<sup>1</sup> См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2000 г. № 15-П.

<sup>2</sup> См., напр.: Постановления Конституционного Суда РФ от 24 января 1997 г. № 1-П; от 16 октября 1997 г. № 14-П // СЗ РФ. 1997. № 42. Ст. 4902; Постановление Конституционного Суда РФ от 15 января 1998 г. № 3-П; Определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 2004 г. № 231-О // ВКС РФ. 2005. № 1.

муниципальным или государственным. При этом необходимо было не только формально определить принадлежность местных органов к определенному виду публичной власти, а выявить их компетенционные, сущностные характеристики и реальную возможность по решению вопросов местного значения.

Составной частью местного самоуправления является свобода личности, поскольку человек, его права и свободы – это высшая конституционная ценность. Если местная власть не навязана и ее реальным источником выступает местное сообщество, то посредством ее реализуется возможность граждан управлять местными делами и осуществлять муниципальную власть. Понятие муниципальной власти легально не закреплено, но оно широко используется Конституционным Судом РФ. Конституционный Суд РФ ввел указанный термин в конституционно-правовой категориальный аппарат, а также конституционализировал категорию «публичная власть» как общую по отношению к государственной и местной<sup>1</sup>.

Конституционное правосудие имеет важное значение для развития конституционной модели местного самоуправления. Конституционный Суд РФ в силу специфики своих полномочий призван осуществлять нормоконтрольную функцию, проверку конституционности нормативных правовых актов, регламентирующих местное самоуправление в Российской Федерации. Кроме того, Конституционный Суд РФ выполняет и правозащитную функцию в сфере местного самоуправления, выступая в качестве одного из важных элементов судебного механизма защиты конституционного права граждан на осуществление местного самоуправления. Таким образом, юрисдикционной сферой федерального конституционного правосудия охватываются как институционально-структурная

<sup>1</sup> См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 мая 1998 г. № 15-П // СЗ РФ. 1998. № 22. Ст. 2491; Постановление Конституционного Суда РФ от 10 июня 1998 г. № 17-П // СЗ РФ. 1998. № 25. Ст. 3002; Постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 2000 г. № 4-П // СЗ РФ. 2000. № 13. Ст. 1429; Постановление Конституционного Суда РФ от 11 апреля 2000 г. № 6-П // СЗ РФ. 2000. № 16. Ст. 1774; Постановление Конституционного Суда РФ от 15 января 2002 г. № 1-П; Постановление Конституционного Суда РФ от 9 июля 2002 г. № 12-П // СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2909; Постановление Конституционного Суда РФ от 13 мая 2004 г. № 10-П // СЗ РФ. 2004. № 21. Ст. 2094; Постановление Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2004 г. № 17-П // СЗ РФ. 2004. № 49. Ст. 4948.

(организационно-правовая), так и субъективно-личностная составляющие местного самоуправления, конституционное регулирование которых в совокупности определяет конституционную модель местного самоуправления<sup>2</sup>.

Конституционный Суд РФ вырабатывает концептуальные подходы к конституционному обоснованию местного самоуправления, определяет его конституционную сущность, вводит в практику ряд юридических категорий, имеющих базовое значение для муниципальной власти. В практике Конституционного Суда РФ нашли свое отражение все важнейшие конституционные принципы и институты местного самоуправления, среди которых принципы самостоятельности местного самоуправления<sup>3</sup>, законности<sup>4</sup> и его подконтрольности государству<sup>5</sup>; институты правовой<sup>6</sup>, территориальной<sup>7</sup>, организационной<sup>8</sup> и финансово-экономической основы<sup>9</sup> местного самоуправления.

Правовые позиции Конституционного Суда РФ воплощены в большей степени в федеральном законодательстве в процессе реформирования местного самоуправления. Однако в ряде случаев федеральный законодатель отступает от ориенти-

<sup>2</sup> См.: Бондарь Н.С. Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России. М., 2008. С. 6-8.

<sup>3</sup> См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 24 января 1997 г. № 1-П; Постановление Конституционного Суда РФ от 15 января 1998 г. № 3-П; Определение Конституционного Суда РФ от 2 ноября 2000 г. № 236-О // ВКС РФ. 2001. № 2; Определение Конституционного Суда РФ от 21 февраля 2002 г. № 26-О; Определение Конституционного Суда РФ от 18 декабря 2003 г. № 471-О.

<sup>4</sup> См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 16 октября 1997 г. № 14-П.

<sup>5</sup> См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2000 г. № 15-П.

<sup>6</sup> См., напр.: Определение Конституционного Суда РФ от 8 октября 1998 г. № 124-О // Архив КС РФ. 1998; Определение Конституционного Суда РФ от 31 мая 1999 г. № 60-О.

<sup>7</sup> См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 3 ноября 1997 г. № 15-П; Определение Конституционного Суда РФ от 4 ноября 1999 г. № 165-О; Определение Конституционного Суда РФ от 13 июля 2000 г. № 195-О // Архив КС РФ. 2000.

<sup>8</sup> См., напр.: Определение Конституционного Суда РФ от 2 ноября 2000 г. № 236-О // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 214; Определение Конституционного Суда РФ от 15 мая 2001 г. № 98-О; Определение Конституционного Суда РФ от 21 февраля 2002 г. № 26-О; Определение Конституционного Суда РФ от 14 января 2003 г. № 21-О.

<sup>9</sup> См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 11 ноября 2003 г. № 16-П // СЗ РФ. 2003. № 46. Ч. 2. Ст. 4509.

ров правового обеспечения местного самоуправления, сформулированных в федеральной конституционно-судебной практике.

Так, в соответствии с ФЗ о местном самоуправлении 2003 г. на всей территории Российской Федерации вводится обязательная двухуровневая система местного самоуправления. Однако в постановлении от 24 января 1997 г. № 1-П Конституционного Суда РФ содержатся положения, согласно которым определение уровня, на котором создаются муниципальные образования относится к полномочиям органов государственной власти субъектов РФ и может быть различным в зависимости от особенностей тех или иных субъектов РФ.

Интенсивно проходит процесс передачи государственных полномочий органам местного самоуправления. Зачастую государственные полномочия преобладают над собственными полномочиями органов местного самоуправления. При этом передача государственных полномочий все еще сопряжена с проблемой недостаточности передачи необходимых материальных и финансовых ресурсов для их исполнения. А передача таких важных государственных полномочий, как полномочия по организации мобилизационной подготовки, предотвращению терроризма, чрезвычайных ситуаций без соответствующего их обеспечения, ведет к снижению уровня безопасности в целом.

Распространена практика передачи государственных полномочий органам местного самоуправления в одностороннем порядке. Субъекты РФ зачастую наделяют органы местного самоуправления государственными полномочиями на основании своих законов. Несмотря на то, что с позиции Конституции РФ органы государственной власти и местного самоуправления являются организационно обособленными органами управления, передача полномочий должна осуществляться на основании соглашения. Конституционный Суд РФ также исходит из принципа взаимодействия государственной и муниципальной властей, что выражается в общем подходе. В постановлении Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2000 г. № 15-П сформулирована правовая позиция, согласно которой Конституция РФ не исключает взаимодействия органов местного самоуправления и органов государственной власти субъекта Федерации, в т.ч. на договорной основе, для решения общих задач, непосредственно связанных с вопросами местного значения, в интересах населения муниципального образования.

В связи с разграничением полномочий между федеральными органами, органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления аналогичная ситуация наблюдается при передаче в муниципальную собственность федерального имущества. На основании Федерального закона от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" и "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации"»<sup>1</sup> органам местного самоуправления безвозмездно передается в одностороннем порядке федеральная собственность без учета их воли и согласия.

По данному вопросу было принято определение Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2007 г. № 828-О-П по жалобе главы администрации муниципального района «Читинский район», в котором делается заключение о необходимости согласия органа местного самоуправления на такую передачу имущества, учета финансово-экономических интересов муниципального образования, его фактической заинтересованности в соответствующем государственном имуществе для решения вопросов местного значения, а также наличия средств на содержание передаваемого имущества. Но несмотря на это, сложившаяся практика арбитражных судов по рассмотрению дел о передаче федерального имущества в муниципальную собственность достаточно противоречива. Одни арбитражные суды поддерживают позицию Конституционного Суда РФ и выносят решения в пользу муниципальных образований (постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 5 ноября 2008 г. № А10-1054/08-Ф02-4935/08, постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 20 декабря 2012 г. по делу № А56-63397/2011), другие выступают за одностороннюю передачу государственного имущества в муниципальную собственность (постановление четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24 июня 2009 г. по делу № А05-529/2009).

<sup>1</sup> СЗ РФ. 2004. № 35. Ст. 3607.

Конституционным Судом РФ формировались правовые позиции о недопустимости ограничения самостоятельности местного самоуправления законами субъектов Федерации, в частности, путем исключения институтов местного самоуправления из системы организации публичной власти на территории субъекта РФ или правомерности участия органов государственной власти субъектов РФ в механизме формирования органов местного самоуправления. Принимаемые Конституционным Судом РФ решения направлены на отстаивание идеи недопустимости вмешательства региональных властей в сферу самостоятельности местного самоуправления. Так, в постановлении от 30 ноября 2000 г. № 15-П Конституционный Суд РФ признал неконституционными положения п. 3 и 4 ст. 81 Устава (Основного закона) Курской области, которыми допускался «добровольный» отказ населения «от реализации права на организацию местного самоуправления» при условии, что такое решение должно быть принято «самостоятельно и добровольно через референдум» большинством голосов населения муниципального образования<sup>1</sup>. Определением от 11 июня

1999 г. № 105-О<sup>2</sup> Конституционный Суд РФ констатировал нарушение Конституции РФ, включая закрепленный ею принцип самостоятельности местного самоуправления, наделением главы Республики Коми полномочием вносить в совет муниципального образования (представительный орган местного самоуправления) кандидатуру для избрания на должность главы администрации муниципального образования. Подобных решений о недопустимости вмешательства органов государственной власти в формирование органов местного самоуправления Конституционным Судом РФ принято немало<sup>3</sup>.

В настоящее время развитие местного самоуправления является совместной задачей органов государственной власти и местного самоуправления. От слаженности их взаимодействия, уровня координации принимаемых решений зависит реальное повышение эффективности и значимости местного самоуправления как фундаментальной конституционной ценности в Российской Федерации.

<sup>1</sup> См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2000 г. № 15-П. Учитывая долгий и тяжелый путь становления и развития местного самоуправления в России, необходимо приложить значительные усилия для сохранения этого демократического института, представляющего собой неоспоримую и важнейшую конституционную ценность.

<sup>2</sup> СЗ РФ. 1999. № 31. Ст. 4037.

<sup>3</sup> См., напр.: Определение Конституционного Суда РФ от 8 октября 1999 г. № 138-О // СЗ РФ. 1999. № 46. Ст. 5611; Определение Конституционного Суда РФ от 15 мая 2001 г. № 98-О // СЗ РФ. 2001. № 27. Ст. 2803.

УДК 340.130.53:341.215.4

**Ю.В. Анохин**, доктор юрид. наук, доцент  
Барнаульский юридический институт МВД России  
**С.А. Воробьева**  
аспирант Омской юридической академии

## О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ КАЧЕСТВА ЗАКОНОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ

*Важным вопросом регулирования отношений в государстве является эффективность правотворческой деятельности. В статье авторы обозначили круг причин, влияющих на качество законов и, соответственно, на обеспечение прав человека.*

*Ключевые слова: закон, качество закона, социально-правовой эксперимент, мониторинг, права человека, законодательный процесс.*

**Y.V. Anokhin**, Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor  
Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia  
**S.A. Vorobyova**  
postgraduate of Omsk Law Academy of the Interior of Russia



## MODERNISATION OF THE LAW QUALITY AS A SECURITY OF PERSON'S RIGHTS AND FREEDOMS

*The authors of this article defined some questions which influence law quality and security to citizen's rights. The main source of public regulation in the state is efficiency of a law-making activity.*

*Key words: law, law quality, social and legal experiment, monitoring, citizen's rights, law-making process.*

На протяжении последнего времени мы наблюдаем постепенное снижение качества российских законов. Нельзя не согласиться с В.Б. Исаковым, который утверждает, что причины ненадлежащего качества законов коренятся в проблемах законотворческого процесса. Они напрямую связаны с проблемами подготовки и принятия законов. Поэтому измерение эффективности может служить важным средством для определения потребностей в совершенствовании правового регулирования. И что представляется особенно важным, в отличие от других вышеприведенных свойств эффективность правотворчества поддается реальному измерению, причем уже давно были предложены и методики такого измерения<sup>1</sup>. Се-

<sup>1</sup> См., например: Пашков А.С., Чечет Д.М. Эффективность правового регулирования и методы ее выявления // Советское государство и право. 1965. № 8; Барабаш А.Т. Об изучении эффективности дисциплинарного и обще-

годня необходимы синхронное совершенствование всего комплекса действующих предписаний, отмена и уточнение норм<sup>2</sup>.

Можно условно выделить несколько блоков причин проблемы правотворчества.

Первый блок причин, влияющих на качество закона, сводится к проблеме законодательной ответственности // Советское государство и право. 1968. № 1. С. 104-105; Пашков А.С., Явич Л.С. Эффективность действия правовой нормы (к методологии и методике социологического исследования) // Советское государство и право. 1970. № 3; Самощенко И.С., Никитинский В.И., Венгеров А.В. Об основах методологии изучения эффективности действия правовых норм // Учен. записки ВНИИСЗ: вып. 25. М., 1971; Никитинский В.И., Глазырин В.В., Казаринова С.Е. О методике измерения эффективности правовых норм // Советское государство и право. 1975. № 9 и др.

<sup>2</sup> Исаков В. Подготовка и принятие законов в правовом государстве: российские проблемы и решения // Российская юстиция. 1997. № 7. С. 13-15.

литики. Зачастую законы принимаются в спешке, большими блоками, которые формируются случайно, без необходимости учета всесторонности законодательного регулирования<sup>1</sup>. Следует уйти от складывающейся тенденции решать все проблемы, часто сиюминутные, с помощью федерального закона. В частности, Уполномоченный по правам человека в России еще в 2004 г. отметил: «Необходим постоянный диалог между властью и обществом о путях практического осуществления реформ, их возможного корректирования в случае, если необходимый баланс между управляемостью государственных исполнительных структур, с одной стороны, и конституционными правами граждан – с другой, окажется нарушенным»<sup>2</sup>.

Существенную пользу в решении данной проблемы, на наш взгляд, призван оказать социально-правовой эксперимент<sup>3</sup>. Социально-правовой эксперимент – это создание определенной социальной ситуации локального масштаба, в которой анализируется действие специально разработанного для нее нормативно-правового акта (или их совокупности)<sup>4</sup>. Вообще же эксперимент – это попытка сделать, предпринять что-нибудь новое, ранее не испытанное<sup>5</sup>.

По нашему мнению, социально-правовой эксперимент – это апробирование в масштабах

определенного пространства эффективности разработки новой программы в сфере социального, экономического, политического и иного развития общества, призванной изменить устоявшееся положение и при этом избежать негативных последствий, способных привести к значительному ухудшению прав и свобод личности при широком внедрении нововведения. Именно в рамках социально-правового эксперимента есть возможность корректировать ход реализации предписаний, своевременно вносить изменения, тем самым решать вопрос о целесообразности применения тех или иных мер по реформированию определенной сферы общественных отношений.

Главная цель социально-правового эксперимента заключается в том, чтобы определить, какие условия и какая база должны быть созданы для эффективного действия новых экономических разработок. Это позволит своевременно выявить недостатки, скорректировать их и тем самым избежать просчетов в процессе масштабного применения экономической программы. К сожалению, в современный период социально-правовой эксперимент не применяется при проведении многочисленных экономических реформ. Экспериментальным полигоном выступает вся Россия, а это, на наш взгляд, недопустимо. Масштабное экспериментирование особенно болезненно переносится, когда властью допускаются ошибки и просчеты в реформе рыночных отношений.

И что особенно важно, социально-правовой эксперимент не предполагает глобальных преобразований, основанных на разрушении ранее существующих механизмов и создании новых. Являясь составной частью метода корректировки<sup>6</sup>, он позволяет быстро вносить изменения в не оправдавшие себя на практике нормативные правовые акты, формы и способы действия правозащитных институтов и т.д.

Второй блок причин подготовки и принятия некачественных законов связан с организацией законодательного процесса. Причинами отсутствия положительного результата законодательного процесса – принятия качественных законов – могут быть технический брак в работе комитетов и комиссий парламента, отсутствие сотрудничества правовых управлений либо политический

<sup>6</sup> Подробнее об этом см.: Анохин Ю.В. Механизм государственно-правового обеспечения прав и свобод личности (на материалах Российской Федерации): дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2007. С. 42.

брак, когда не достигнуто согласие между ведущими политическими силами.

Одним из основополагающих методов, способствующих осуществлению мероприятий, направленных на обеспечение качества законов и прав человека, является мониторинг законодательства<sup>1</sup>.

Исследование правового пространства на сегодняшний день является одной из приоритетных задач<sup>2</sup>. В механизме мониторинга права особое внимание необходимо уделять анализу динамичных неформальных отношений, переводить их в позитивный аспект восприятия путем облегчения доступа институтов гражданского общества к необходимой им информации о деятельности органов публичной власти<sup>3</sup>. Разработке и внедрению методологии мониторинга правового пространства как системы оценки, анализа и прогноза состояния и динамики законодательства и практики его применения с целью выявления их соответствия планируемому результату правового регулирования в последнее время уделяется внимание не только учеными, но и органами государственной власти, общественными организациями. Важно отметить, что данная проблема стала главной темой на проходившей ещё 23 июня 2003 г. в Москве Всероссийской научно-практической конференции<sup>4</sup>.

В научной литературе отсутствует единая точка зрения на определение понятия мониторинга. Энциклопедические словари определяют данное понятие через призму наблюдения за состоянием окружающей природной среды с целью ее контроля, прогноза и охраны<sup>5</sup> с выделением глобального регионального и локального уровней. В юридиче-

<sup>1</sup> См. подробнее об этом: Наконечный Я.Е. Мониторинг в правотворчестве: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 202 с.; Невеселов А.А. Правовой мониторинг и государственная политика: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2009.

<sup>2</sup> См.: Мониторинг правового поля и правоприменительной практики // Парламентские слушания: вып. 2. М., 2003. С. 90.

<sup>3</sup> См.: Тихомиров Ю.А. Вводить мониторинг права // Право и экономика. 2004. № 3.

<sup>4</sup> См.: Мониторинг правового пространства и правоприменительной практики: методология и мировоззрение: программные материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2003. С. 1.

<sup>5</sup> См.: Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 1997. С. 752.

ской энциклопедии<sup>6</sup> мониторинг рассматривается в том числе как постоянное наблюдение за каким-либо процессом для выявления его соответствия желаемому результату или первоначальному предложению, а также как сбор информации с целью изучения общественного мнения по какому-либо вопросу. Большой юридический словарь акцентирует внимание на системе наблюдений за состоянием земельного фонда, чтобы своевременно выявить изменения, оценить их, предупредить или устранить последствия негативных процессов<sup>7</sup>. Ю.А. Тихомиров рассматривает данный вид деятельности применительно к исследованию права как систему постоянного отслеживания всего жизненного цикла нормативного правового акта, законодательства, правовой системы<sup>8</sup>. В документах научно-практических конференций, проводимых под эгидой верхней палаты российского парламента, мониторинг правового пространства и правоприменительной практики определяется как система оценки, анализа и прогноза состояния и динамики законодательства и практики его применения с целью выявления их соответствия планируемому результату правового регулирования, а также ожиданиям участников законодательного процесса, должностных лиц исполнительных, судебных и иных органов и уровней власти, институтов гражданского общества<sup>9</sup>. В учебной литературе по мониторингу прав человека данное правовое явление рассматривается как планомерное, систематическое, проводимое по определенной схеме изучение определенного фрагмента социальной действительности<sup>10</sup>. По мнению профессора В.Н. Бутылина, мониторинг – система постоянного наблюдения, оценки и прогноза социальных явлений противоправного характера в целом, а также состояние соблюдения и нарушения основных прав и свобод, предупреждения

<sup>6</sup> См.: Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия / под ред. М.Ю. Тихомирова. М., 1997. С. 246.

<sup>7</sup> См.: Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 337.

<sup>8</sup> См.: Тихомиров Ю.А. Вводить мониторинг права // Право и экономика. 2004. № 3. С. 3-6.

<sup>9</sup> Кудрина К.Ю. Концепция как элемент региональной законодательной деятельности // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 3 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>10</sup> См.: Новицкий М., Фиалова З. Мониторинг прав человека. Хельсинский фонд по правам человека. Варшава, 2001. С. 13.

их нарушений в связи с деятельностью субъектов и участников государственно-правовой охраны основных прав и свобод граждан<sup>1</sup>. А вот в книге правозащитной организации «Юристы за конституционные права и свободы» авторы разъясняют понятие мониторинга как общего термина, используемого в различных значениях и обозначающего различные этапы сбора, проверки и анализа неправительственными организациями информации, касающейся различных вопросов в области общественных интересов, включающего в себя два основных элемента – расследование и документирование<sup>2</sup>.

Использование мониторинга расширяет систему методов информационного обеспечения основных прав и свобод граждан, способствует большей полноте и достоверности информации о нарушениях основных прав и свобод в действующей системе законодательства.

В процессе мониторинга эффективности правотворческой деятельности исследователь получает комплексную и надлежащим образом научно обработанную информацию о действии нормативных правовых актов, количестве допущенных нарушений прав и свобод личности, причинах этих нарушений.

В организационном отношении мониторинг представляет собой систему постоянного слежения и оценки противоправных процессов и результативности государственно-правовой охраны от нарушений основных прав и свобод граждан с помощью руководимых из единого федерального координационного центра групп независимых экспертов, дислоцирующихся в определенных регионах и работающих с установленной периодичностью по единой программе и на основе единых принципов.

Необходимо подчеркнуть, что для эффективной правотворческой деятельности, направленной на достижение качества закона, система мониторинга должна быть построена таким образом, чтобы материалы экспертизы и основанные на них экспертные оценки охватывали практически всю территорию страны и все ее регионы.

Для внедрения системы оценки, анализа, прогноза состояния и динамики законов, практики их применения, для выявления их соответствия пла-

нируемому результату правового регулирования, а также ожиданиям участников законодательского процесса необходима разработка Программы мониторинга нормативных правовых актов и правоприменительной деятельности, закрепляющей порядок осуществления мониторинга и учета его результатов в законодательской и правоприменительной деятельности соответствующих субъектов. Мониторинг права следует признать в качестве обязательной функции всех государственных и муниципальных структур в тех формах, которые соответствуют их статусу и компетенции. Кроме того, нужна эффективно действующая специальная система данного вида деятельности с правовым центром в Совете Федерации и подразделениями в регионах<sup>3</sup>.

При этом целесообразно также выявлять общественное мнение. Формы выявления общественного мнения могут быть различными: обсуждение концепции будущего закона на местах с привлечением ряда учреждений, общественных организаций, обсуждение в печати, по радио, по телевидению, посредством сети Интернет, рецензирование в научных учреждениях, отзывы и заключения министерств и ведомств. Важнейшие законы могут быть вынесены на всенародное обсуждение, проводимое по какому-либо важному вопросу государственной жизни<sup>4</sup>. При референдуме объектом воздействия выступает определенный вопрос, по которому проводится референдум, – закон, законопроект, конституция, поправка к конституции. Своеобразной формой референдума является плебисцит, т.е. опрос населения о политической судьбе территории, на которой оно проживает. В целях выявления общественного мнения оправданно введение консультативных референдумов.

Третий блок причин, воздействующих на качество закона, связан с весьма серьезными проблемами организационного свойства. Речь идет о разном уровне в законопроектной деятельности. Законопроекты готовит большое количество ведомств, далеко не всегда в полной мере подготовленных к этой деятельности. Их проекты, часто друг с другом не согласованные, подчас одновременно вносятся в законодательные органы. В результате не обеспечиваются ни их доктринальная выдер-

жанность, ни какое-то концептуальное единство<sup>1</sup>. Непозволительно, чтобы государственные законопроектные работы велись несогласованно, не придерживаясь единой линии.

В целях обеспечения прав и свобод граждан от нарушений, а также определения перспективы их развития в основу правового регулирования отношений, как считает В.Н. Бутылин, должно быть заложено три уровня: федеральный, региональный и местный<sup>2</sup>. В целом поддерживая идею В.Н. Бутылина, согласимся с тем, что необходимо учитывать еще один уровень – ведомственный.

Законодательство Российской Федерации представляет собой совокупность всех действующих (вступивших в законную силу и не прекративших действие) на территории Российской Федерации нормативных правовых актов. Законодательство Российской Федерации включает в себя:

а) федеральное законодательство – нормативные правовые акты, принятые и изданные федеральными органами законодательной власти, главой государства и органами исполнительной власти либо принятые в результате всероссийского референдума, нормативные договоры Российской Федерации с субъектами, а также постановления Конституционного Суда РФ;

б) региональное законодательство – законодательство субъектов Российской Федерации – нормативные правовые акты, принятые и изданные органами государственной власти субъектов РФ либо принятые в результате регионального референдума, а также постановления конституционных (уставных) судов субъектов РФ;

в) местный уровень законодательства – нормативные правовые акты, принятые и изданные органами местного самоуправления (муниципальные нормативные правовые акты), а также принятые в результате местного референдума;

г) ведомственное законодательство включает в себя локальные нормативные правовые акты, регламентирующие внутриорганизационную деятельность предприятий, учреждений, организаций и т.д., а также порядок взаимодействия их между собой.

Возрождение российской государственности в 90-х гг. прошлого столетия происходило в ус-

ловиях становления асимметричной федерации. Ошибки и просчеты при проведении политики в области федерализма, региональный сепаратизм, «война законов» привели к дезорганизации правового поля страны, нарушению системных связей внутри российского правового пространства, поставили под угрозу реализацию принципов верховенства закона, Конституции Российской Федерации, государственной целостности России. Несоответствие законов субъектов Федерации Конституции Российской Федерации и федеральным законам, нормативных актов органов местного самоуправления законодательству субъекта Федерации и федеральному законодательству, вторжение субъектов Российской Федерации в сферу исключительного ведения Российской Федерации и в сферу местного самоуправления, ограничение конституционных прав и свобод граждан – эти и иные негативные явления стали весьма распространенным явлением. Ценой невероятных усилий удалось переломить разрушительную тенденцию дезорганизации страны. В начале XXI столетия отчетливо обозначилась тенденция к централизации российского федерализма. В этих условиях очевидна необходимость создания целостного механизма обеспечения единства правового пространства России, который позволил бы оптимизировать соотношение системы федерального и регионального законодательства на основе положений Конституции Российской Федерации, а также помог бы субъектам Российской Федерации в разрешении проблем регионального правотворчества.

Важнейшим свойством законодательства, обеспечивающим его регулятивные возможности, во многом обуславливающим его эффективность, является системность. Система законодательства – это внутренняя структура, общность элементов законодательства в их единстве, взаимосвязях и взаимодействиях, опосредующая систему права и являющаяся нормативно-правовой основой правовой системы государства.

С нашей точки зрения, одним из основных направлений совершенствования законодательства в Российской Федерации является упорядочение действующей системы законодательства. В настоящее время отсутствует современная концепция развития российского законодательства, разработка которой позволила бы определить приоритетные законы на ближайшую и отдаленную перспективы, исходя из интересов граждан и государства, потребностей различных сфер общественных от-

<sup>1</sup> См.: Бутылин В.Н. Милиция в государственно-правовом механизме охраны конституционных прав и свобод граждан. Тюмень, 2001. С. 65.

<sup>2</sup> См.: В защиту общественных интересов: пер. с англ. М.: Юристы, 2004. С. 73-120.

<sup>3</sup> См.: Тихомиров Ю.А. Вводить мониторинг права // Право и экономика. 2004. № 3. С. 4.

<sup>4</sup> Современный словарь иностранных слов. М., 2001.

ношений<sup>1</sup>. В условиях продолжающихся реформ, укрепления вертикали исполнительной власти, нового порядка разграничения полномочий между Российской Федерацией и регионами, в рамках совместного ведения в различных сферах жизнедеятельности законодательство субъектов РФ необходимо привести в соответствие с федеральным, сформировав его на новом качественном уровне, посредством принятия соответствующих нормативных правовых актов, определяющих стратегию развития регионального законодательства на среднесрочную либо долгосрочную перспективу.

При этом важно иметь в виду один очень важный аспект. Полагаем, что было бы целесообразно в рамках данной концепции предусмотреть создание четкой системы регулирования общественных отношений в государстве, где на федеральном уровне должны быть основы законодательства, а региональные и местные законы более детально регламентировать ту или иную сферы отношений исходя из специфики и местных особенностей. Это позволило бы создавать более качественные законы, отвечающие потребностям большей части общества.

<sup>1</sup> См.: Тихомиров Ю.А. Общая концепция развития российского законодательства // Концепции развития российского законодательства / под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова, Ю.П. Орловского. М.: ОАО «Издательский дом «Городец», 2004. С. 8-21.

УДК67.404.2

**Е.М. Гунин**, канд. юрид. наук

Кемеровский институт (филиал) РГТЭУ

e-mail: ORF.08@mail.ru

**С.Ю. Белоногов**

Кемеровский технологический институт пищевой промышленности

e-mail: sbielonoghov@mail.ru

## НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТИТУЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ

*Титульное страхование является новой разновидностью страхования финансовых рисков, приобретающей все большее значение в связи с развитием ипотечного кредитования. Статья знакомит читателя с основными аспектами правового регулирования титульного страхования.*

*Ключевые слова: титул, страхование, недвижимое имущество, страховщик, страхователь, страховой риск, страховой случай, страховое возмещение.*

**E.M. Gunin**, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences)

Russian State Trade and Economics University, Kemerovo Institute (branch)

e-mail: ORF.08@mail.ru

**S.Y. Belonogov**

Kemerovo technological Institute of food industry

e-mail: sbielonoghov@mail.ru



## SOME ASPECTS OF LEGAL REGULATION OF TITLE INSURANCE

*Title insurance is a new kind of insurance against financial risks, which is increasingly important in connection with the development of mortgage lending. The article introduces the main aspects of the legal regulation of title insurance.*

*Keywords: title insurance, real estate property, insurer, the insured, insured risk, loss, the insurance indemnity.*

Титул – это основание возникновения права собственности на недвижимое имущество. Титулом может быть договор купли-продажи недвижимого имущества, договор дарения и т.д.

Титульное страхование – разновидность страхования имущества, а точнее страхование финансового риска, страховым случаем при котором является утрата объекта недвижимости вследствие прекращения права собственности по причинам, не зависящим от страхователя, или ограничение права на недвижимое имущество в части владения, распоряжения, пользования им.

По мере того как в России все больше недвижимого имущества вовлекается в гражданский оборот, появляются все новые формы сде-

лок, сами сделки с недвижимостью кредитуются банками, а объекты недвижимости обрастают историей. К сожалению, впоследствии довольно большой процент сделок расторгается по разным причинам, невзирая на то, что покупатели, риелторы и нотариусы прилагают максимум усилий для выявления обстоятельств, которые могут привести к отчуждению собственности. Потребность в защите прав собственника возрастает с каждым днем.

Что же касается цифр, то количество сделок на вторичном рынке недвижимости, которые расторгаются по тем или иным основаниям, состав-



ляет 1,5-2% в год от всех зарегистрированных в России сделок, и это число постоянно растет<sup>1</sup>.

Несмотря на возрастающую потребность в страховании, население пока не ценит этого вида услуги, «что приводит к тому, что имущество и ответственность населения крайне «недострахованы»<sup>2</sup>. Деятельность страховщиков сводится к тому, что «...продажи увеличиваются за счет обязательных продуктов (таких, как ОСАГО) и вмененного страхования (такого, как КАСКО, страхование имущества и НС (*несчастных случаев – прим. автора*), связанных с автокредитованием /лизингом и ипотечными кредитами)»<sup>3</sup>.

Профессиональные участники рынка недвижимого имущества (риэлторы) проверяют документы, как правило, гарантируют чистоту сделки, но если случится какой-либо просчет, никакой финансовой ответственности риэлторы не несут.

Основное отличие титульного страхования от других разновидностей страхования заключается в том, что оно защищает не от событий, которые могут произойти в будущем (классических страховых рисков), а от возможных последствий уже произошедших событий. На момент приобретения титула такие события не известны страхователю и никак не проявляются себя.

Основаниями для признания сделки с недвижимостью недействительной считаются:

- совершение сделки гражданином, признанным недееспособным;
- совершение сделки гражданином, ограниченным судом в дееспособности;
- совершение сделки гражданином, не способным понимать значение своих действий или руководить ими;
- совершение сделки под влиянием заблуждения, обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой стороной или стечения тяжелых обстоятельств (кабальные сделки);

- совершение сделки по распоряжению общим имуществом супругов одним из супругов без согласия другого супруга;

<sup>1</sup> Официальный сайт Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии. URL: <http://www.rosreestr.ru>.

<sup>2</sup> Стратегия развития рынка страхования на период до 2020 года. Всероссийский Союз Страховщиков. Версия для заседания Президиума ВСС 24.10.2012 г. // Официальный сайт Всероссийского Союза Страховщиков. URL: <http://www.ins-union.ru>.

<sup>3</sup> Там же.

- совершение сделки по отчуждению имущества, переданного для обеспечения пожизненного содержания, совершенные плательщиком ренты без согласия получателя ренты;

- истребование недвижимого имущества из незаконного владения (продажа или передача в возмездной форме имущества помимо воли собственника)<sup>4</sup>.

К наиболее типичным рискам, покрываемым титульным страхованием, относятся следующие:

- в процессе оформления необходимых документов для сделки были допущены ошибки;
- имеет место случай мошенничества;
- не были учтены интересы наследников и/или несовершеннолетних лиц;
- предыдущие сделки по приватизации или продаже данного объекта недвижимости не были законными и др.<sup>5</sup>

Объектами титульного страхования являются жилые помещения (квартиры, дома и т.п.), нежилые помещения (здания, сооружения, предприятия как имущественные комплексы), обращающиеся, как правило, на вторичном рынке, а также земельные участки, находящиеся в собственности как физических, так и юридических лиц.

При заключении договора титульного страхования, а также в течение всего срока его действия страховщик предоставляет страхователю предстраховую экспертизу права собственности, юридическое сопровождение и при необходимости представление и защиту его интересов в судебных и внесудебных спорах. В судебном процессе, однако, страховщик участвует в качестве третьего лица, имеющего заинтересованность (т.е. представляет только свои интересы)<sup>6</sup>.

При этом, поскольку страховщик заинтересован в сохранении объекта недвижимости в собственности страхователя, его интересы, по сути, совпадают с интересами страхователя.

<sup>4</sup> Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.02.2013, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2013) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

<sup>5</sup> Официальный сайт Всероссийского Союза Страховщиков. URL: <http://www.ins-union.ru>.

<sup>6</sup> Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 14.06.2012, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2012) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

Существенными условиями договора титульного страхования являются следующие положения:

- если после заключения договора страхования будет установлено, что страхователь указал заведомо ложные сведения при заключении договора страхования, то страховщик вправе потребовать признание договора страхования недействительным и применения последствий, предусмотренных ст. 179 ГК РФ;

- страхователь обязан незамедлительно сообщать страховщику о возникновении всех обстоятельств, следствием которых может стать наступление страхового случая (несоблюдение данного условия может повлечь за собой непризнание события страховым случаем, а следовательно, отказ в страховом возмещении)<sup>1</sup>.

Объекты недвижимости с очевидными дефектами в праве собственности, по которым имеются судебные споры; объекты, поступившие в собственность по договору ренты, если после смерти получателя ренты прошло менее года; объекты, по которым отсутствуют основные документы, прежде всего правоустанавливающие, страховщик, как правило, не страхует<sup>2</sup>.

Не может быть предметом страхования строящееся жилье, поскольку на момент уплаты денег за указанное недвижимое имущество право собственности у покупателя не возникает.

Договор титульного страхования не заключается, если:

- произошла передача приобретаемого недвижимого имущества другим лицам по возмездному или безвозмездному договору;
- наступила гибель или уничтожение имущества (это риски должны компенсироваться по другой разновидности страхования – страхованию имущества);
- владелец добровольно отказался от права собственности на приобретенное имущество;

<sup>1</sup> Официальный сайт Всероссийского Союза Страховщиков. URL: <http://www.ins-union.ru>.

<sup>2</sup> Типовые (стандартные) правила страхования имущества физических лиц: утверждены Президиумом Всероссийского Союза Страховщиков // Официальный сайт Всероссийского Союза Страховщиков. URL: <http://www.ins-union.ru>; Типовые (стандартные) правила страхования имущества юридических лиц: утверждены Президиумом Всероссийского Союза Страховщиков // Официальный сайт Всероссийского Союза Страховщиков. URL: <http://www.ins-union.ru>.

- застрахованный имущественный объект используется не по назначению (например, если жилая квартира используется как офис);

- произошло изменение характеристик, свойств, конструктивных параметров объекта недвижимости;

- если объект подлежит изъятию у страхователя (например, фискальными органами) и пр.

По стандартному договору титульного страхования не признаются страховыми случаями утрата либо прекращение права собственности или других вещных прав на недвижимое имущество вследствие:

- прямого или косвенного воздействия ядерного взрыва, радиации или радиоактивного заражения;
- военных действий, маневров, гражданской войны или их последствий, народных волнений всякого рода, забастовок;
- реквизиции, конфискации, ареста, изъятия и уничтожения по распоряжению государственных органов застрахованного недвижимого имущества;
- обращения взыскания на недвижимое имущество по обязательствам страхователя (выгодоприобретателя);
- отчуждения недвижимого имущества, которое в силу закона не может принадлежать страхователю (выгодоприобретателю);
- прекращения права собственности на земельный участок;
- выкупа земельного участка для государственных или муниципальных нужд;
- изъятия земельного участка, используемого с нарушением законодательства;
- прекращения права собственности на бесхозяйственно содержимое жилое помещение<sup>3</sup>.

Страховщик при заключении договора титульного страхования вправе потребовать от страхователя:

- обеспечения возможности проведения осмотра и экспертизы принимаемого на страхование имущества;
- представления документов, подтверждающих права страхователя (выгодоприобретателя) в отношении принимаемого на страхование имуще-

<sup>3</sup> Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.02.2013, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2013) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

ства и дополнительных сведений, прямо или косвенно связанных с обстоятельствами, имеющими значение для определения вероятности наступления страхового случая и возможной величины убытка от его наступления<sup>1</sup>.

Размер страхового тарифа при титульном страховании составляет (в среднем среди 4 крупнейших российских страховщиков – ОАО «Росгосстрах», ОАО «Военно-страховая компания», ОАО «Согаз», ОАО «РОСНО») от 0,3 до 0,5% (в особо сложных случаях тариф может достигать до 1,8%) от действительной стоимости объекта недвижимости и зависит от истории перехода права собственности на объект недвижимости<sup>2</sup>.

Реальный размер страхового тарифа при заключении договора титульного страхования определяется по результатам предстраховой экспертизы. Предстраховая экспертиза в обязательном порядке проводится страховщиком, для чего могут быть задействованы андеррайтеры (специально уполномоченные специалисты, определяющие степень риска и принимающие решение о его принятии на страхование и назначении страхового тарифа), юристы и т.д.

По результатам проведения предстраховой экспертизы страховщик выносит решение о принятии или об отказе в принятии титульного риска на страхование. При положительном решении (в течение 2-х рабочих дней с момента предоставления полного пакета документов на объект недвижимости) заключается договор титульного страхования и страхователем уплачивается страховая премия. Оплата страховой премии происходит либо одновременно (страховой платеж), либо в рассрочку (страховой взнос). В последнем случае договор титульного страхования вступает в силу после уплаты первого взноса. Договор страхования можно заключить как до регистрации права собственности на объект недвижимости, так и после регистрации. Однако полис страхования вступает в действие только после регистрации права собственности.

В случае, когда договор титульного страхования был заключен до регистрации права собственности на страхователя, но по каким-то причинам

регистрации права собственности ему было отказано, уплаченная страховая премия возвращается страхователю в полном объеме.

Срок страхования составляет по общему правилу от 1 года до 3 лет, в отдельных случаях (например, по требованию инвесторов или в ситуации, когда в истории права собственности нарушались права несовершеннолетних детей) срок страхования может увеличиваться до 5 лет.

На заключении договора титульного страхования в составе ипотечного страхования часто настаивают банковские кредитные организации, поясняя в ряде случаев, что такое страхование является обязательным в соответствии с федеральным законом «Об ипотеке». В данной ситуации кредитные организации, по мнению автора, лукавят, поскольку обязательным является только страхование самого недвижимого имущества, являющегося предметом залога (ипотеки)<sup>3</sup>.

Как отдельно предлагаемый продукт титульное страхование востребовано у собственников недвижимости и инвесторов в гораздо меньшей степени. В случае если при ипотечном кредитовании не осуществляется титульное страхование недвижимого имущества, банковская кредитная организация оставляет этот риск на себе и закладывает его в тарифную ставку по кредиту. При наступлении страхового случая страховая компания производит выплату страхового возмещения в пользу банковской кредитной организации, которая, в свою очередь, лишается права требовать возвращения кредита в размере полученного страхового возмещения.

При возникновении спора или подаче иска в отношении права собственности страхователь обязан незамедлительно (как правило, в срок не более 5 дней) известить страховщика, после чего страховщик, являясь третьим лицом, обеспечивает страхователя поддержкой в суде, а при неблагоприятном решении суда наступает страховой случай и возникает обязанность страховщика выплатить страховое возмещение.

Основанием для прекращения права собственности страхователя на недвижимое имущество является только решение суда, вступившее в законную силу. На основании такого решения производится запись в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с

<sup>3</sup> Об ипотеке (залоге недвижимости): федеральный закон от 16.07.1998 № 102-ФЗ (ред. от 06.12.2011) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 29. Ст. 3400.

ним (ЕГРП), и с этого момента право собственности прекращается<sup>1</sup>.

Именно с этого момента страховщик обязан в установленный договором страхования срок выплатить страховое возмещение.

<sup>1</sup> О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним: федеральный закон от 21.07.1997 № 122-ФЗ (ред. от 30.12.2012, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2013) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 30. Ст. 3594.

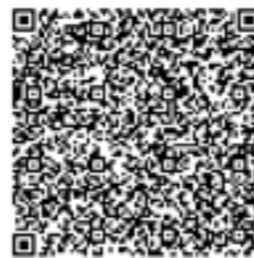
УДК 342.565.4

**А.О. Казанцев**, канд. юрид. наук, доцент  
Уставный Суд Свердловской области

## О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРИНЦИПА НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕЙ КОНСТИТУЦИОННЫХ (УСТАВНЫХ) СУДОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*В статье рассматривается взаимосвязь принципа независимости судей конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации со сроком осуществления их полномочий.*

*Ключевые слова: конституционный (уставный) суд субъекта Российской Федерации; принцип независимости судей; срок полномочий судей конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации.*



**A.O. Kazantsev**, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor  
Authorized Court of Sverdlovsk Region

## ON THE ASPECTS OF THE PRINCIPLE OF INDEPENDENCE OF JUDGES OF CONSTITUTIONAL (CHARTER) COURTS OF THE CONSTITUENTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

*The paper discusses the interrelation of the principle of judges' independence of constitutional courts of the constituents of the Russian Federation with a term of their office.*

*Key words: constitutional courts of the constituents of the Russian Federation; the principle of independence of judges; judges' office term in constitutional courts of the constituents of the Russian Federation.*

В соответствии со ст. 3 Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» все судьи в Российской Федерации обладают единым статусом. Особенности правового положения некоторых категорий судей в случаях, предусмотренных федеральными законами, определяются законами субъектов Российской Федерации. Единство статуса судей предполагает единые требования к кандидатам на должности судей, единые требования и запреты, установленные для судей, единые гарантии независимости судей.

О важности обеспечения гарантий независимости судей органов конституционной юстиции неоднократно говорили ученые-конституционалисты<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> См.: Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс: учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 237,

Одной из гарантий независимости судей является установленный законом срок их полномочий.

На федеральном уровне наметилась устойчивая тенденция к увеличению срока полномочий судей, а затем назначению судей без ограничения срока полномочий до достижения ими предельного возраста пребывания в должности судьи.

Срок полномочий судей Конституционного Суда Российской Федерации устанавливался на 12 лет<sup>2</sup> и был увеличен до 15 лет<sup>3</sup>, а затем судьи 370-371; Несмеянова С.Э. Конституционный судебный процесс в России: учеб. пособие. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2012. С. 62, 64.

<sup>2</sup> См. статью 12 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

<sup>3</sup> О внесении изменений и дополнения в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: федеральный конституционный за-

Конституционного Суда Российской Федерации стали назначаться без ограничения срока до достижения ими предельного возраста пребывания в должности судьи<sup>1</sup>.

В соответствии с пояснительной запиской предусмотренное законопроектом увеличение срока полномочий судьи Конституционного Суда Российской Федерации с 12 до 15 лет обусловлено тем, что сложность и специфика деятельности судьи Конституционного Суда Российской Федерации таковы, что требуется определенное время, пока судья не начнет работать с полной отдачей, двенадцатилетний срок полномочий неоправданно сокращает полноценный период деятельности судьи<sup>2</sup>.

В соответствии с пояснительной запиской к проектам законов, устанавливающих в том числе положение о назначении судей Конституционного Суда Российской Федерации без ограничения срока полномочий, «проекты направлены на обеспечение единства статуса судей в Российской Федерации, усиление гарантий самостоятельности и независимости судебной власти»<sup>3</sup>.

В письме Правительства РФ от 23 ноября 2004 г. № 5451п-П4, содержащем заключение на законопроект, сказано, что «в соответствии со статьей 12 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» все судьи в Российской Федерации обладают единым статусом и различаются между собой только полномочиями».

<sup>1</sup> О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: федеральный конституционный закон от 5 апреля 2005 г. № 2-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2005. № 15. Ст. 1273.

<sup>2</sup> Пояснительная записка к проекту федерального конституционного закона «О внесении изменений и дополнения в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

<sup>3</sup> Пояснительная записка к проектам федеральных конституционных законов «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» и «О внесении изменения в статью 14 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», а также к проекту федерального закона «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и федеральные законы «О мировых судьях в Российской Федерации» и «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации"» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

мочиями и компетенцией. В то же время особенности правового положения отдельных категорий судей в настоящее время не позволяют говорить о реальном единстве статуса судей. Так, одной из гарантий независимости судей является неограниченный срок их полномочий (пункт 1 статьи 11 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации»), однако по отношению к судьям Конституционного Суда Российской Федерации срок полномочий ограничен 15 годами (статья 12 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»). Принятие проекта обеспечит реальное единство статуса судей, гарантии их самостоятельности и независимости<sup>4</sup>.

Срок полномочий судей федеральных судов, в первый раз назначенных на должность, составлял три года<sup>5</sup>, после внесения изменений в закон судьи стали назначаться пожизненно до достижения предельного срока пребывания в должности<sup>6</sup>.

Одной из гарантий независимости судей в Российской Федерации является срок их полномочий, что подтверждается пояснительной запиской к внесенному Президентом Российской Федерации проекту закона № 198371-5 «О внесении изменений в статьи 6 и 11 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и в статьи 17 и 19 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации»».

<sup>4</sup> Заключение на проекты федеральных конституционных законов «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» и «О внесении изменения в статью 14 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», проект федерального закона «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и федеральные законы «О мировых судьях в Российской Федерации» и «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», вносимые в Государственную Думу Президентом Российской Федерации»: письмо Правительства РФ от 23 ноября 2004 г. № 5451п-П4 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

<sup>5</sup> О статусе судей в Российской Федерации: Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 (с изм. и доп. от 14 апреля, 24 декабря 1993 г., 21 июня 1995 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

<sup>6</sup> О статусе судей в Российской Федерации: Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 (с изм. и доп. от 14 апреля, 24 декабря 1993 г., 21 июня 1995 г., 17 июля 1999 г., 20 июня 2000 г., 15 декабря 2001 г., 22 августа 2004 г., 5 апреля 2005 г., 2 марта, 24 июля 2007 г., 25 декабря 2008 г., 7 мая, 2, 28 июня, 17 июля 2009 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

Федерации»», в которой говорится, что «проект предусматривается исключить процедуру первоначального назначения судьи федерального суда на должность сроком на три года. Таким образом, срок полномочий судьи федерального суда будет ограничен лишь достижением им предельного возраста пребывания в должности судьи, что должно послужить *дополнительной гарантией принципа независимости судей, закрепленного ст. 120 Конституции Российской Федерации*». Указанный законопроект был принят<sup>1</sup>.

В субъектах, где созданы конституционные (уставные) суды регионов, нет единообразия в вопросе, касающемся сроков полномочий судей указанных судов, в ряде субъектов судьи назначаются бессрочно до достижения предельного возраста пребывания в должности судьи – 70 лет (например, Республика Дагестан, Республика Коми, Кабардино-Балкарская Республика, Чеченская Республика), в ряде субъектов установлен срок полномочий от 10 до 15 лет с возможностью переизбрания либо без таковой (например, Республика Адыгея, Республика Башкортостан, Республика Ингушетия, Республика Марий Эл, Республика Саха (Якутия), Республика Татарстан, Калининградская область, Челябинская область), в других регионах судьи назначаются, как правило, на 5-6 лет (например, Республика Бурятия, Республика Северная Осетия (Алания), Республика Тыва, Санкт-Петербург, Свердловская область). Таким образом, из 18 субъектов, в которых функционируют органы региональной конституционной юстиции, в одном субъекте судьи первоначально назначаются на должность сроком на три года, а в последующем пожизненно, в 5 субъектах срок полномочий составляет 5-6 лет и в 12 субъектах срок полномочий судей более 10 лет.

Следует отметить, что в субъектах Российской Федерации наметились разнонаправленные тенденции. Так, в одних субъектах срок полномочий судей увеличился (например, в Санкт-Петербурге с 5 до 6 лет, в Кабардино-Балкарской Республике вместо 10 лет судьи стали назначаться без ограничения срока полномочий до достижения ими предельного возраста пребывания в должности судьи), а в других субъектах наблюдается сокра-

<sup>1</sup> О внесении изменений в статьи 6 и 11 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и в статьи 17 и 19 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации»: федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 157-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2009. № 29. Ст. 3594.

щение срока полномочий судей (например, в Республике Бурятия срок сократился с 12 до 5 лет, в Республике Тыва – с 10 до 6 лет, а в Свердловской области – с 12 до 6 лет).

Анализ пояснительных записок к проектам законов субъектов Российской Федерации, в которых срок полномочий судей конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации был сокращен, показывает, что сокращение срока полномочий либо вообще никак не мотивируется<sup>2</sup>, либо говорится, что двенадцатилетний срок полномочий «представляется неоправданно длительным», приводятся примеры из других субъектов федерации, а также резюмируется, что сокращение срока полномочий направлено на совершенствование организации и деятельности суда<sup>3</sup>.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно отмечал, что не могут расцениваться как нарушающие предписания статьи 71 (пункт «о»), 118 (часть 3) и 120 (часть 1) Конституции Российской Федерации и положения пункта 4 статьи 11 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», допускающие установление законами субъектов Российской Федерации срока полномочий и предельного возраста пребывания в должности судьи для судей конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, отличающихся от установленных для судей федеральных судов, поскольку право субъекта Российской Федерации самостоятельно решать эти вопросы, также обусловленное особенностями правовой природы конституционных (уставных) судов, предполагает одновременно и обязанность субъекта Российской Федерации вводить такой срок полномочий и предельный возраст пребывания в должности судьи, которые гарантировали бы эффективное осуществление правосудия, соблюдение конституционных принципов независимости и несменяемости судей, а также обеспечивать надлежащие условия материального (социального) обеспечения судей при уходе в отставку<sup>4</sup>.

<sup>2</sup> См.: Пояснительная записка к проекту закона Республики Бурятия «О внесении изменений в Закон Республики Бурятия «О Конституционном Суде Республики Бурятия».

<sup>3</sup> См.: Пояснительная записка к проекту закона Свердловской области «О внесении изменений в Областной закон «Об Уставном Суде Свердловской области».

<sup>4</sup> См.: По запросу Санкт-Петербургского городского суда о проверке конституционности отдельных положений Федерального конституционного закона «О судебной

Некоторые ученые считают, что судьи конституционных (уставных) судов должны назначаться на неограниченные сроки полномочий до достижения предельного возраста пребывания в должности либо назначаться на срок, существенно превышающий срок полномочий законодательных и представительных органов власти субъектов федерации. Это позволило бы усилить независимость конституционных (уставных) судов, минимизировать возможность влияния на состав этих органов по причинам, связанным с политической конъюнктурой, или в связи с «недовольством» принимаемыми ими решениями<sup>1</sup>.

Поскольку увеличение срока полномочий судей федеральных судов является дополнительной гарантией обеспечения конституционного принципа независимости судей, то и сокращение сроков полномочий судей должно преследовать конституционно значимые цели, а не объясняться

субъективными представлениями о неоправданной длительности сроков полномочий. Кроме того, возникает вопрос, а насколько практика сокращения сроков полномочий судей конституционных (уставных) судов субъектов соответствует ч. 4 ст. 5 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», в соответствии с которой в Российской Федерации не могут издаваться законы и иные нормативные правовые акты, отменяющие или умаляющие самостоятельность судов, независимость судей<sup>2</sup>?

Таким образом, представляется, что сокращение ранее установленных сроков полномочий судей конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации противоречит федеральной тенденции, направленной на укрепление принципа независимости судей.

системе Российской Федерации», Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации»: определение Конституционного Суда РФ от 27 декабря 2005 г. № 491-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2006. № 2; Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Поговцева Игоря Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 50 и 79 Устава Санкт-Петербурга, статей 15, 18, 20, 29, 30 и 37 Закона Санкт-Петербурга «Об Уставном суде Санкт-Петербурга», а также отдельными положениями Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» и Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации»: определение Конституционного Суда РФ от 2 февраля 2006 г. № 20-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

<sup>1</sup> Брежнев О.В. Проблемы федерального законодательного регулирования статуса судей конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 5. С. 22-28.

<sup>2</sup> О судебной системе Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

УДК 342.565.4

**В.Ю. Пантелеев**, канд. юрид. наук, доцент  
Уставный Суд Свердловской области

## АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МОДЕРНИЗАЦИИ И ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*В статье анализируется состояние региональной конституционной юстиции, роль и эффективность конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации в обеспечении основных прав и свобод человека и гражданина.*

*Ключевые слова: конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации, защита конституционных прав и свобод граждан, модернизация.*



**V.Y. Panteleev, Ph.D.** (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor  
Chairman of Authorized Court, Sverdlovsk Region

## RELEVANT QUESTIONS OF MODERNISATION AND INCREASE IN EFFICIENCY IN THE WORK OF CONSTITUTIONAL JUSTICE OF THE RUSSIAN FEDERATION

*The article analyses the state of the regional constitution justice, its role and efficiency of the regional constitutional (charter) courts of the constituents of the Russian Federation in protection fundamental rights and freedoms of citizens.*

*Key words: constitutional (charter) courts of the constituents of the Russian Federation, protection of citizen's constitutional rights and freedoms, modernization.*

Современное развитие общемировых процессов ставит перед государством необходимость социально-нормативной модернизации российского общества. К числу первоочередных направлений такой модернизации следует отнести, во-первых, нравственное и правовое воспитание масс, во-вторых, создание правовых условий для развития гражданского общества, при которых последнее будет в состоянии формулировать интересы населения и выражать их правовыми средствами. Игнорирование интересов населения, отсутствие правовых механизмов защиты прав граждан, а также убежденности в действенности их применения, чревато для государства утратой контроля над социальной и политической ситуацией в стране. В связи с этим особое значение приобретает право граждан на защиту своих прав (и прежде

всего, социально-экономических) конституционными (уставными) судами субъектов федерации. Органы региональной конституционной юстиции являются дополнительным механизмом защиты прав и наиболее близки к населению, они непосредственно ориентированы на отстаивание прав граждан.

В этом году мы отметили 20-летие конституционного правосудия в России. Анализируя достижения конституционной юстиции, Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин констатирует, что на сегодняшний день она является гарантом защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции на всей территории России. В то же время он подчеркивает не-

обходимость дальнейшего повышения эффективности функционирования этого института государственной власти, что, безусловно, относится и к конституционным (уставным) судам субъектов Российской Федерации<sup>1</sup>.

Принятие Конституции Российской Федерации коренным образом изменило подход государства к защите прав и свобод граждан. Судебная защита прав и свобод гарантируется статьей 46 Конституции Российской Федерации каждому гражданину. Именно суды играют решающую роль в защите конституционных прав и свобод граждан. В то же время имеющиеся проблемы судебной власти (доступность, разграничение полномочий, компетентность, информационная открытость, соблюдение сроков рассмотрения дел, повышение ответственности судей за принимаемые решения и другие) существенно влияют на качество защиты этих прав.

Исходя из этого, одной из актуальных проблем совершенствования деятельности судов на современном этапе развития является действительное соблюдение конституционных принципов открытости и гласности. На наш взгляд, работа по реализации Федерального закона от 22 декабря 2008 г. «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» организована на должном уровне – в сети Интернет созданы официальные сайты всех судов, на которых размещается требуемая информация, созданы электронные «приемные», информация о рассмотрении дел размещается на их официальных сайтах.

Работа по повышению эффективности правосудия проведена и в Уставном Суде Свердловской области, который во исполнение Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» и закона Свердловской области от 15 июля 2010 года «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Уставного Суда Свердловской области и мировых судей Свердловской области» осуществил определенные организационные и практические мероприятия, направленные на повышение своей информационной открытости. Так, в Уставном Суде Свердловской области функционируют электронная приемная для обращений граждан и программно-аппаратные средства для трансляции заседаний Конституционного Суда Российской Федерации и Уставного Суда Сверд-

ловской области в режиме реального времени в сети Интернет, на официальном сайте размещаются все решения Уставного Суда и информация по рассматриваемым делам. В Уставном Суде Свердловской области уже имеются положительные результаты по данному направлению, в частности в работе с обращениями граждан, поступившими через сеть Интернет.

Значимость информационной открытости органов конституционной юстиции отмечает и председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин, причем он предлагает рассматривать эту проблему значительно шире. Так, В.Д. Зорькин на Совете председателей конституционных и уставных судов субъектов Российской Федерации, прошедшем 3-5 ноября 2010 г., отметил, что перед конституционной юстицией современной России стоит проблема «конституционализации» сознания как рядовых граждан, так и должностных лиц органов власти и управления, юристов, т.к. соблюдение прав и свобод в первую очередь зависит от уровня правосознания народа, и это является неперенным условием эффективности защиты прав и свобод граждан страны<sup>2</sup>.

Данная проблема широко обсуждалась на международной конференции «Конституционный контроль: доктрина и практика», проходившей в рамках торжественных мероприятий, посвященных двадцатилетию конституционного правосудия в России, собравшей руководителей конституционных и верховных судов со всего мира, судей Конституционного Суда России, председателей конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, ученых-конституционалистов и руководителей органов государственной власти (28-29 ноября 2011 г., Санкт-Петербург).

Исходя из этих задач, мы видим одним из направлений совершенствования деятельности Уставного Суда Свердловской области повышение правового сознания граждан, их способности эффективно отстаивать свои права и законные интересы. Это особенно актуально сегодня в связи с утверждением Президентом Российской Федерации «Основ государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» 28 апреля 2011 года. В данном вопросе уже имеется положительный опыт Уставного Суда по формированию у граждан конституционного правосознания, преодолению правового нигилизма, формированию

<sup>1</sup> Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. М., 2011. С. 7-17.

<sup>2</sup> Вестник Конституционного Суда Республики Татарстан. Казань. 2010 (специальный выпуск).

массовой культуры правоприменения и соблюдения нормативных правовых актов. На реализацию этой задачи направлены, например, следующие мероприятия: Уставный Суд совместно с Уральской государственной юридической академией и региональным отделением Ассоциации юристов России ежегодно проводит областной конкурс научных работ студентов и молодых ученых, посвященный проблемам конституционной юстиции; судьи и советники судей проводят занятия со студентами ведущих юридических вузов города, в т.ч. практические занятия в форме обучающих игр, моделирующих реальное конституционное (уставное) судопроизводство; в Уставном Суде активизирована работа филиала кафедры конституционного права Уральской государственной юридической академии, особенно в части повышения практической направленности обучения студентов и аспирантов, ведущие специалисты в области конституционного права привлекаются к подготовке заключений по рассматриваемым в Уставном Суде делам; работниками аппарата проводятся регулярные встречи со студентами и школьниками области, в ходе которых рассказывается о нормативном регулировании деятельности Уставного Суда Свердловской области, целях его создания, правилах обращения с запросами, порядке рассмотрения дел; организовано регулярное посещение судебных заседаний студентами вузов области; осуществляется тесное взаимодействие с научной общественностью (судьи и работники аппарата Суда регулярно участвуют в конференциях и круглых столах, посвященных актуальным проблемам конституционного правосудия); создана учебная аудитория, в которой с использованием мультимедийного оборудования и имеющихся материалов Суда практикуется новая форма обучения студентов – обсуждение идущего в реальном времени судебного заседания Уставного Суда, транслируемого в учебной аудитории. Данная форма позволяет преподавателю и студентам, не прерывая судебного заседания, давать свои комментарии, приводить правовые аргументы, пробовать спрогнозировать позицию судей.

Именно в рамках реализации идеи открытости судебной власти, на постоянной и системной основе строится взаимодействие Уставного Суда со средствами массовой информации: проводится ежегодный конкурс на лучшее освещение деятельности Уставного Суда Свердловской области средствами массовой информации; судебные процессы регулярно освещаются журналистами; ор-

ганизовано взаимодействие с пресс-секретарями органов власти Свердловской области и с департаментом информационной политики губернатора Свердловской области.

Проблема правового просвещения и подготовки высококвалифицированных юридических кадров тесно взаимосвязана с проблемой повышения компетентности и квалификации судей. От того как они образованы и компетентны зависит состояние правосудия в нашей стране. Это в полной мере касается и судей конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации. Поэтому очень важной, на наш взгляд, инициативой является предложение Суда о создании на постоянной основе курсов повышения квалификации судей конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации. Так, впервые в России в 2011 г. на базе Уставного Суда Свердловской области при участии ведущих специалистов Уральской государственной юридической академии прошли повышение квалификации и получили соответствующие свидетельства судьи конституционных (уставных) судов шести субъектов Российской Федерации, что, безусловно, в дальнейшем повлияет на повышение эффективности и качества их работы по обеспечению конституционного правосудия.

Еще одной важной проблемой совершенствования деятельности конституционной юстиции является вопрос о разграничении компетенции конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации и компетенции иных судов. Так, на сегодняшний день конституционное правосудие представлено на двух уровнях: федеральном (Конституционным Судом Российской Федерации) и региональном (конституционными и уставными судами субъектов федерации). Как отмечают многие ведущие ученые-конституционалисты, модернизация российской государственности и повышение качества правосудия возможны только в условиях четкого разграничения полномочий различных судебных органов<sup>1</sup>.

Безусловно, ведущая роль в становлении конституционной юстиции принадлежит Конституционному Суду Российской Федерации, деятельность которого непосредственно влияет как на законодательство, так и на конституционное (уставное) судопроизводство в субъектах федерации. Механизм формирования собственных правовых

<sup>1</sup> Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России. М., 2011. С. 433-443.

позиций<sup>1</sup> позволяет Конституционному Суду России серьезно и глубоко развивать Конституцию Российской Федерации на протяжении всего ее существования<sup>2</sup>.

Несмотря на то, что органы региональной конституционной юстиции обладают своей компетенцией, они ориентируются на Конституционный Суд Российской Федерации, в т.ч. зачастую обосновывают свои решения правовыми позициями, выраженными в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации. На наш взгляд, подобный подход применим и к деятельности конституционных (уставных) судов в отношении основных законов субъектов Российской Федерации. Например, Ю.А. Тихомиров, анализируя правовые позиции органов конституционной юстиции и их влияние на правовое регулирование, отмечает высокую эффективность работы Уставного Суда Свердловской области и указывает на то, что последний действует по аналогии с Конституционным Судом России и «является первым уставным судом в Российской Федерации, работающим в жанре конституционного толкования»<sup>3</sup>.

Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде РФ»<sup>4</sup> определяет общие для всей конституционной юстиции основные направления развития конституционного правосудия, ее роль в качестве основного правового механизма защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации и конституций (уставов) ее субъектов.

Компетенция уставных (конституционных) судов субъектов федерации установлена ст. 27 Федерального конституционного закона «О судебной

<sup>1</sup> Более подробно о правовых позициях см.: Маврин С.П. Некоторые соображения о понятии правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации; Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: природа и место в национальной правовой системе // Актуальные вопросы конституционного правосудия (по материалам «Журнала конституционного правосудия»). М., 2011. С. 551-594.

<sup>2</sup> Интервью Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина // Судья. 2011. № 10. С. 9-10.

<sup>3</sup> Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. М., 2010. С. 341.

<sup>4</sup> О Конституционном Суде Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 02.06.2009) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

системе РФ», согласно которой в их компетенцию входит рассмотрение вопросов соответствия законов субъекта Российской Федерации, нормативных правовых актов органов государственной власти субъекта Российской Федерации, органов местного самоуправления на территории субъекта Российской Федерации конституции (уставу) субъекта Российской Федерации, а также дача толкования конституции (устава) субъекта Российской Федерации. Таким образом, приведенный перечень несколько уже, чем аналогичный перечень полномочий Конституционного Суда Российской Федерации. Так, например, в этот перечень полномочий не входит проверка на соответствие основному закону субъекта договоров и соглашений, заключаемых на региональном и муниципальном уровнях. В то же время подп. «в» п. 2 ст. 125 Конституции Российской Федерации позволяет Конституционному Суду Российской Федерации рассматривать договоры между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, договоры между органами государственной власти субъектов Российской Федерации.

Вместе с тем и на региональном уровне такие соглашения достаточно распространены, например между органами власти субъектов и органами местного самоуправления. Так, в ноябре 2010 г. в Уставном Суде Свердловской области рассматривалось дело гражданки Н.С. Ахметовой, обжаловавшей соглашение между Министерством по управлению государственным имуществом Свердловской области и муниципальным образованием «Верхнесалдинский район» от 17 августа 2004 г. «О взаимодействии в сфере управления земельными участками и разграничении государственной собственности на земельные участки, расположенные на территории муниципального образования «Верхнесалдинский район».

Следует отметить, что объем полномочий, установленный федеральным законодателем для конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, не является исчерпывающим. Он может быть дополнен путем соответствующего регионального законодательства. Возможность расширения компетенции конституционных (уставных) судов субъектов федерации прямо отмечена в определении Конституционного Суда РФ от 06.03.2003 № 103-О «По запросам Государственного Собрания Республики Башкортостан и Государственного Совета Республики

Татарстан о проверке конституционности части 1 статьи 27 Федерального конституционного закона "О судебной системе Российской Федерации"<sup>1</sup>. Однако в последнем случае не должно происходить вторжение в компетенцию иных судов или органов.

Поэтому при принятии новой редакции Устава Свердловской области вопрос о расширении компетенции Уставного Суда Свердловской области получил положительную оценку среди депутатов областной Думы Законодательного Собрания Свердловской области. В ч. 4 ст. 56 новой редакции Устава компетенция Уставного Суда сформулирована следующим образом: «Уставный Суд Свердловской области рассматривает вопросы соответствия законов Свердловской области и других правовых актов, за исключением ненормативных (индивидуальных), принимаемых органами государственной власти Свердловской области, иными государственными органами Свердловской области, органами местного самоуправления муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области, настоящему Уставу, осуществляет толкование настоящего Устава, а также иные полномочия, установленные законом Свердловской области». Такая редакция ст. 56 Устава Свердловской области устраняет правовой пробел и позволяет суду проверять на соответствие Уставу Свердловской области, в т.ч. соглашения между различными органами власти, которые в соответствии с областным законом от 10 марта 1999 г. «О правовых актах в Свердловской области» нормативными правовыми актами не считаются. Это, безусловно, способствует повышению эффективности работы Уставного Суда Свердловской области по защите конституционных прав и свобод граждан.

Необходимо отметить, что, несмотря на относительно короткую историю, региональная конституционная юстиция доказала свою социальную необходимость и востребованность. Согласно проведенным исследованиям<sup>2</sup>, сотни региональных законов и иных нормативных актов были

признаны не соответствующими конституциям и уставам субъектов федерации, федеральному законодательству и Конституции России. Только Уставным Судом Свердловской области за 13 лет его работы вынесено 162 решения, признаны не соответствующими Уставу 50 нормативных актов, дано четыре толкования Устава. При этом следует обратить внимание на динамику роста обращений граждан. Так, в 2010 г. по сравнению с 2009 г. в отношении обращений граждан, по которым были вынесены итоговые решения, рост составил 128%. А в 2011 г. в сравнении с аналогичным периодом 2010 г. – 166%.

Данная тенденция характерна и для других конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации<sup>3</sup>. Причем обращает на себя внимание тот факт, что наибольшее число запросов и обращений граждан касается защиты их социально-экономических прав<sup>4</sup>.

Востребованность региональной конституционной юстиции гражданами объясняется многими факторами, но в первую очередь следующими: непосредственной ориентированностью на защиту прав человека (большинство решений конституционных (уставных) судов связано именно с их правозащитной функцией, например в Свердловской области из 159 решений Уставного Суда правам человека посвящено 132 (более 80%)); высоким профессионализмом и компетентностью судей органов конституционной юстиции (так, в Уставном Суде Свердловской области 60% судей и советников судей имеют ученую степень и ученое звание); более тщательным рассмотрением дел, обусловленным коллегиальностью принятия решений (не менее 4-х судей).

Необходимо признать, что провозглашение России социальным государством имеет особый смысл и подразумевает под собой проведение политики, направленной на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, охрану прав, жизни, здоровья граждан со стороны государства, гарантированность определенного набора социальных услуг,

обеспечение государственной поддержки в получении основных жизненно важных материальных и духовных потребностей. Причем Конституция РФ в статьях, касающихся прав, свобод, безопасности граждан, восстанавливает общечеловеческие ценности, обеспечивает становление гражданского общества и позволяет обеспечить удовлетворение многообразных исторически обусловленных потребностей и реализации различных интересов личности. Органы региональной конституционной юстиции, осуществляя нормоконтроль и отменяя не соответствующие Основному закону субъекта Российской Федерации акты органов региональной государственной власти субъекта и органов местного самоуправления, создают дополнительный механизм защиты основных прав и свобод граждан и прежде всего в социальной сфере, сфере образования, здравоохранения и культуры.

В защите законных прав и интересов граждан, установленных конституциями (уставами) субъектов РФ видится основная функция конституционного (уставного) нормоконтроля, особенно если это касается конкретных социальных гарантий. Так, ст. 106, 107, 108, 109 Устава Свердловской области гарантируют обеспечение защиты прав человека и гражданина в сферах образования, науки и культуры; ст. 110, 111, 112, 113, 114, 115 Устава Свердловской области обеспечивают права и свободы граждан в сферах социальной защиты населения, защиты семьи, охраны и укрепления здоровья граждан, охраны окружающей среды.

К правам и свободам граждан в социальной сфере, защищаемым Уставным Судом Свердловской области, относится защита предпринимательства в социально значимых сферах и прав потребителей, которые отдельно установлены Уставом Свердловской области, что, на наш взгляд, наглядно свидетельствует о социальном характере норм Устава, конкретизации в нем гарантий защиты прав и свобод граждан. Одним из таких примеров является обеспечение гарантий при осуществлении гражданами различных видов материального и духовного потребления и получения социальных и других услуг. Так, например, ч. 1 ст. 96 Устава определяет, что органы государственной власти и иные государственные органы Свердловской области в соответствии с федеральными законами и законами Свердловской области осуществляют поддержку и стимулирование развития предпринимательства в социально зна-

чимых сферах путем установления соответствующих приоритетов в финансовой, налоговой и бюджетной политике; ч. 2 ст. 96 Устава Свердловской области гарантирует интересы потребителей и поддерживает общественную деятельность по защите их прав.

Достаточно привести несколько последних решений Уставного Суда Свердловской области, касающихся защиты прав граждан в этой сфере<sup>1</sup>. Так, постановление Уставного Суда в части назначения и выплаты ежемесячного пособия на проезд по территории Свердловской области помогло защитить интересы нескольких тысяч жителей Свердловской области. Постановлением Уставного Суда от 22 ноября 2011 г. упорядочено правовое регулирование отношений в сфере оплаты жилищно-коммунальных услуг в г. Екатеринбурге, что является актуальным и важным для каждого жителя.

В то же время практика работы Уставного Суда Свердловской области выявила ряд проблем, которые являются общими для органов региональной конституционной юстиции. Одна из острых проблем, в т.ч. обсуждавшаяся на конференции председателей конституционных и уставных судов субъектов Российской Федерации, – это исполнение решений уставных (конституционных) судов, тем более когда они касаются неограниченно широкого круга лиц<sup>2</sup>.

В Уставном Суде имеется положительный опыт по решению данной проблемы. С целью безусловного исполнения решений Уставного Суда Свердловской области, в особенности связанных с выплатами соответствующих пособий и компенсаций гражданам, было налажено тесное взаимодействие с органами прокуратуры. Так, в ходе рабочих встреч с представителями прокуратуры

<sup>1</sup> Постановление Уставного Суда Свердловской области от 25 марта 2010 г. по делу о соответствии Уставу Свердловской области подпункта 4 пункта 9 Порядка и условий назначения и выплаты, индексации ежемесячного пособия на проезд по территории Свердловской области на всех видах городского пассажирского транспорта и на автомобильном транспорте общего пользования пригородных маршрутов, утвержденного постановлением Правительства Свердловской области от 30 декабря 2008 г. № 1428-ПП «О размере, порядке и условиях назначения и выплаты ежемесячного пособия на проезд по территории Свердловской области на всех видах городского пассажирского транспорта и на автомобильном транспорте общего пользования пригородных маршрутов и порядке его индексации».

<sup>2</sup> Вестник Конституционного Суда Республики Татарстан. Казань, 2010 (специальный выпуск).

<sup>1</sup> Собрание законодательства РФ. 2003. № 17. Ст. 1658.

<sup>2</sup> Исследование, проведенное в рамках проекта «Судебная реформа в России: институционально-социальный анализ трансформации, ревизия результатов, определение перспектив», осуществляемого Региональным общественным фондом «Информатика для демократии» (ИН-ДЕМ) и Центром содействия правосудию (ЦСП). См.: Кряжков В.А. Региональная конституционная юстиция в Российской Федерации: состояние и пути развития // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 3.

<sup>3</sup> Интервью Председателя Уставного Суда Санкт-Петербурга Н.Ф. Гуцан. Судебный конституционный контроль – необходимый элемент в организации государственной власти субъектов Российской Федерации // История. Право. Политика. 2011. № 3. С. 76.

<sup>4</sup> Демидов В.Н. Региональное конституционное (уставное) правосудие как фактор модернизации субъектов Российской Федерации // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства (выпуск VI): сборник научных трудов. Казань, 2011. С. 206.

Свердловской области была достигнута договоренность об осуществлении контроля с ее стороны за исполнением решений Уставного Суда. Проработан вопрос о привлечении к различным видам ответственности должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления, в т.ч. за нецелевое использование бюджетных средств, выделенных на реализацию прав граждан, защищенных решениями Уставного Суда. Учитывая, что Положение о Министерстве юстиции Российской Федерации<sup>1</sup> предусматривает проведение мониторинга правоприменения решений Конституционного Суда Российской Федерации, с Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Свердловской области проработан вопрос о взаимодействии по поводу исполнения решений Уставного Суда Свердловской области.

Только в 2011 г. в Уставный Суд поступило более двух десятков обращений граждан о неисполнении органами власти решений Суда, затрагивающих их права. Отвечая на обращения граждан, Уставный Суд не ограничивается разъяснением гражданину его права на защиту органами прокуратуры или судом общей юрисдикции. По каждому подобному обращению гражданина от имени Уставного Суда в соответствующие органы и прокуратуру направлялись письма по контролю за обеспечением надлежащего исполнения решений Суда и оказанию содействия гражданам в реализации их прав. Все это позволило добиться эффективного исполнения решений Уставного Суда, в т.ч. связанных с необходимостью реального выделения денежных средств гражданам для реализации социально значимых услуг.

С целью обязательного исполнения решений Суда возникла необходимость оказания юридической помощи гражданам, обратившимся в Суд с заявлениями, касающимися вопросов по уже принятым Судом решениям. И здесь основная роль по отслеживанию исполнения решений Суда, по разъяснению заявителям дальнейшего порядка их возможных действий и взаимодействия с государственными органами, ответственными за исполнение решений Суда, ложится на секретариат Суда, который уполномочен в предварительном порядке рассматривать обращения в адрес Уставного Суда в случаях, когда они не затрагивают вопросов, требующих изучения судьями, а также анализировать практику исполнения решений Уставного Суда Свердловской области (ст. 35 Областного закона «Об Уставе Свердловской области», ст. 41 Регламента Уставного Суда Свердловской области).

Предложенные Уставным Судом Свердловской области эти и другие меры по повышению эффективности деятельности органов региональной конституционной юстиции обсуждались в ходе работы Консультативного совета председателей конституционных и уставных судов субъектов Российской Федерации (3-5 ноября 2010 г.) и нашли отражение в итоговом решении Совета. Решение отмеченных проблем, на наш взгляд, не только повысит эффективность деятельности Уставного Суда Свердловской области, но и усилит эффективность и действенность защиты прав и свобод граждан.

<sup>1</sup> Пункт 4.1 ст. 7 Положения о Министерстве юстиции Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 13.10.2004 № 1313 «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации» (Собрание законодательства РФ. 2004. № 42. Ст. 4108).

УДК 340.111.57

**И.В. Филимонова**, канд. юрид. наук

Филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова в г. Пятигорске

Ставропольского края

e-mail: ifilim@yandex.ru

## МЕСТО ЮРИДИЧЕСКОЙ ФИКЦИИ В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

*Целью настоящей статьи является определение места юридической фикции в системе средств юридической техники. Анализ различных позиций ученых по данному вопросу позволяет выявить достоинства и недостатки предлагаемых ими подходов и выработать авторскую позицию относительно исследуемой проблематики.*

*Ключевые слова: юридическая фикция, юридическая техника, юридическая категория, юридическая конструкция, прием, средство, способ, метод юридической техники.*



**I.V. Filimonova**, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences)

Russian Economic University by G.V. Plekhanov, Pyatigorsk branch,

Stavropol Krai

e-mail: ifilim@yandex.ru

## PLACE OF A LEGAL FICTION IN THE SYSTEM OF LEGAL TECHNIQUES

*The purpose of this article is to determine the place of a legal fiction in the system of legal techniques. The analysis of the different positions of scientists on the subject reveals advantages and disadvantages of its use, helps develop approaches and define the author's point of view on study issues.*

*Key words: legal fiction, legal techniques, legal category, legal structure, techniques, tools, way, method of legal techniques.*

Юридическая фикция – это прием юридической техники, при помощи которого конструируется юридически неопровержимое относительно ложное положение, которым существующее признается несуществующим и наоборот, содержащееся в источниках права или соглашении сторон и влекущее определенные юридические последствия.

В современной правовой науке наблюдается разнообразие позиций ученых по поводу отношения фикций к приемам, средствам, способам, методам, категориям или конструкциям юридической техники. Так, Т.А. Батрова и Д.А. Ермоленко относят фикции к правовым конструкциям (Т.А. Батрова – наряду с аксиомами, презумпциями и преференциями)<sup>1</sup>. Г.И. Денисов говорит

<sup>1</sup> См.: Батрова Т.А. Гражданско-правовые конструкции // Юрист. 2006. № 11. С. 18; Ермоленко Д.А., Ковтун Н.Н.

о том, что в составе юридической техники выделяют специальные средства или нетипичные нормативные построения и предписания – правовые презумпции, фикции, аксиомы, юридические конструкции, правовые символы<sup>2</sup>. Е.Ю. Марохин, говоря о юридической фикции, пользуется различной терминологией. Он отмечает, что фикция представляет собой «правовую категорию», «метод правотворчества», «способ юридической техники», прием «законодательной техники»<sup>3</sup>. П.М. Резиньков именуется фикцию средством юри-

Фикции в уголовном процессе России. URL: <http://www.www.hse.ru/org/persons/140380>.

<sup>2</sup> См.: Денисов Г.И. Юридическая техника: теория и практика // Журнал российского права. 2005. № 8. С. 30.

<sup>3</sup> Марохин Е.Ю. Юридическая фикция в современном российском законодательстве: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. С. 13, 14, 15.



дической техники, конструкцией, правовой категорией, способом правового регулирования, приемом<sup>1</sup>. О.Ю. Скворцов определяет юридическую фикцию как «способ правового регулирования, при котором законодатель придает объекту правового регулирования те свойства, которыми данный объект не обладает. Использование правовых фикций освобождает от необходимости объяснять многие положения права, упрощает процедуру регулирования, будучи особым приемом, оптимизирует нормативную систему, исключает избыточность правового регулирования»<sup>2</sup>.

Полагаем, что нужно более осторожно использовать юридическую терминологию, совершенствовать и обогащать понятийно-категориальный аппарат правовой науки. Проблема «квалификации» юридической фикции связана с проблематикой юридической техники вообще.

Узкий подход к пониманию юридической техники (техника правотворчества) в настоящее время практически не встречается<sup>3</sup>. Другой, широкий подход (его придерживается большинство ученых), также имеет публично-правовую направленность, но значительно расширяет сферу применения юридической техники: помимо правотворчества, в нее включаются правоприменение, а также толкование права (официальное), т.е. юридическая техника трактуется как техника составления различных правовых актов (осуществления различных видов юридической деятельности) органами государства<sup>4</sup>. При этом наиболее исследованной остается законодательная техника. Третий подход является наиболее широким и носит ярко выраженную частноправовую направленность. В соответствии с этим подходом под юридической техникой понимают технику составления любых юридических документов, исходящих как от государства, так и от граждан и негосударственных организаций<sup>5</sup>. Итак, юридическая техника – это

<sup>1</sup> См.: Резиньков П.М. Юридическая фикция: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2012. С. 3, 9-10.

<sup>2</sup> Скворцов О.Ю. Сделки с недвижимостью в коммерческом обороте. М.: ВолгетерсКлувер, 2006. С. 116.

<sup>3</sup> См.: Венгеров А.Б. Теория государства и права. М.: Юрист, 1999. С. 424.

<sup>4</sup> См.: Воеводин Л.Д. Юридическая техника в конституционном праве // Вестник Моск. ун-та. Серия 11. Право. 1997. № 3. С. 4-7; Шутак И.Д. Теория и практика оговорок в праве: система понятий: терминологический словарь. СПб.: Алетей, 2001. С. 8.

<sup>5</sup> См.: Черданцев А.Ф. Толкование права и договора. М.: Юнити-Дана, 2003. С. 361-366.

*система профессиональных юридических правил и средств, используемых при составлении правовых актов и осуществлении иной юридической деятельности в сферах правотворчества, правоинтерпретации, властной и невластной реализации права, обеспечивающих совершенство его формы и содержания*<sup>6</sup>.

1. Прежде всего следует определиться с тем, является ли фикция юридической категорией. А.М. Васильев справедливо отмечал, что все знания о праве выражаются в специфических правовых понятиях и категориях<sup>7</sup>. Это инструмент познания, средство и результат мышления<sup>8</sup>. Научное понятие – это идеальное воспроизведение сущности познаваемого объекта, концентрация знаний о нем. Правовые понятия характеризуются относительной статичностью, завершенностью, они четко фиксируют строго определенный уровень (срез) знаний о наиболее общих и существенных признаках государственно-правовых явлений определенного вида (типа, класса). Понятия имеют тенденцию к развитию, совершенствованию (к примеру, понятие недвижимости).

**Юридические категории** максимально обобщают особенное, специфическое в объекте данной науки<sup>9</sup>. Это предельные по уровню обобщения *базисные, фундаментальные*, абстрактные понятия теории правоведения. Научные категории отражают наиболее существенные свойства и главные связи правовых явлений, это наиболее глубокие по содержанию и широкие по объему понятия в границах правовой науки<sup>10</sup>. Уплотняя юридические знания, правовые категории воспроизводят стороны и моменты правовой действительности в чистом от случайных проявлений виде. Они выражают сущность, качество, структуру, форму права<sup>11</sup>. Категории права выступают в качестве инструмента правового регулирования.

В российской юридической науке сложилось понятие «юридическая (правовая) фикция». В настоящее время оно продолжает развиваться,

<sup>6</sup> См.: Давыдова М.Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. С. 50.

<sup>7</sup> См.: Васильев А.М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юрид. лит., 1976. С. 41.

<sup>8</sup> См.: Там же. С. 43.

<sup>9</sup> См.: Васильев А.М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юрид. лит., 1976. С. 56.

<sup>10</sup> См.: Там же. С. 57.

<sup>11</sup> См.: Там же. С. 83.

совершенствоваться, и поэтому объем данного понятия не статичен. Это подтверждается тем, что существует множество определений понятия «юридическая (правовая) фикция». Данное понятие не относится к нормативным; оно доктринальное. Полагаем, что со временем, когда объем понятия «юридическая (правовая) фикция» будет зафиксирован, его можно будет отнести к **категориям** юридической науки<sup>1</sup>.

2. Необходимо определиться с тем, является ли фикция юридической конструкцией. Известный немецкий ученый-правовед Р. Иеринг впервые раскрыл сущность юридической конструкции как приема. Право и юриспруденция, по его мнению, чтобы стать подлинными, должны отказаться от идеи юридической нормы как структурного элемента права и носителя правового содержания. Норма генетически ситуативна. Первоначальным образованием является юридическая конструкция. На материале норм позитивного права строится абстрактное понятие, а затем оно выражается в минимально требуемом количестве правоположений<sup>2</sup>. Юридическая конструкция – это своего рода экстракт правовых положений<sup>3</sup>. Русский теоретик права и цивилист дореволюционного периода Г.Ф. Шершеневич отмечал, что юридическая

<sup>1</sup> Как отмечают В.А. Образцов, Л.В. Бертовский и Н.Л. Бертовская, в юридической науке уже сложилось понятие «уголовно-релевантная фикция» категориального уровня. Оно характеризует самые различные по природе, сущности, форме и содержанию проявления криминальной и антикриминальной активности. Уголовно-релевантные фикции делятся на три группы: 1) идеальные (мысленные), формируемые и существующие в сознании людей в виде мысленных моделей – мысленные модели ложных версий, клеветнических измышлений, тактическая легенда и т.д.; 2) материально-фиксированные фикции предметно-вещественного характера, существующие вне человеческого сознания, осязаемые и воспринимаемые как материальная реальность – поддельные предметы и вещества, средства маскировки внешности и т.п.; 3) фикции поведенческо-деятельностного, ситуационного, событийного характера – различные способы дезинформирования и др. См.: Образцов В.А., Бертовский Л.В., Бертовская Н.Л. Фикции в криминальной, оперативно-розыскной и следственной практике. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 33-41.

<sup>2</sup> См.: Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко., 1875. С. 31-32; Васильев А.М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юрид. лит., 1976. С. 58.

<sup>3</sup> См.: Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко., 1875. С. 31-32.

конструкция предполагает разложение рассматриваемого юридического явления, института на составные элементы и на основании этого определение по существенным признакам того места, которое ему принадлежит в системе права<sup>4</sup>.

Современная наука синтезировала научные взгляды на юридическую конструкцию. Так, А.Ф. Черданцев отмечает, что чаще всего юридическую конструкцию определяют как средство юридической техники (помимо таких технико-юридических приемов, как выделение общей и особенной части нормативно-правовых актов, классификации, исчерпывающего перечня и т.д.), т.е. она рассматривается как внешний технический прием формулирования и структурирования текста источника права. Юридическая конструкция служит проявлением применения метода моделирования<sup>5</sup> и создается в результате абстракции. Это гносеологическая категория, инструмент, средство познания правовых явлений; идеальная модель, отражающая сложное системно-структурное строение урегулированных или могущих быть урегулированными правом общественных отношений, юридических фактов или их элементов. Юридическая конструкция учитывает существенные признаки общественных отношений (вспомним конструкции состава правоотношения, правонарушения, преступления, сделки и т.п.). Она состоит из элементов<sup>6</sup>.

Д.Е. Пономарев акцентирует внимание на том, что юридическая конструкция – прием практической деятельности юристов. Результат действия юридической конструкции – построение таких юридических понятий (юридических категорий), которые напрямую воспринимаются и задействуются юридической практикой, системным образом организуют правовые средства в рамках механизма правового регулирования, обеспечи-

<sup>4</sup> См.: Шершеневич Г.Ф. Задачи и методы гражданского правоведения. Казань: Типолиотография Императорск. ун-та, 1898. С. 19.

<sup>5</sup> О модельном понимании юридической конструкции говорит Н.М. Коркунов. Он отмечает, что юридическая конструкция – общий, типичный для всех позитивных наук прием научного исследования. Это логический эквивалент юридических отношений, созданный для целей научного познания права. Так, конструкция юридических отношений – принословенное для целей юридического исследования идеальное построение. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. Переизд. 1896. / авт. предисл. И.Ю. Козлихин. М.: Юрид. центр Пресс, 2003. 430 с.

<sup>6</sup> См.: Васильев А.М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юрид. лит., 1976. С. 82.

вают системность действия позитивного права и эффективность правового регулирования<sup>1</sup>.

Все многообразие подходов к сущности юридической конструкции можно свести к двум основным: доктринальному (конструкция – это средство познания права, средство конструирования его идеальной структуры) и правотворческому (конструкция – это инструмент юридической техники, схема, наполняемая нормативным содержанием). *Юридическую конструкцию определяют как* разработанную доктриной и принятую юридическим научным сообществом идеальную модель, позволяющую теоретически осмыслить, нормативно закрепить, обнаружить в правовом тексте и в реальных юридических отношениях закономерную, последовательную, логичную взаимосвязь структурных элементов различных правовых явлений<sup>2</sup>.

Как отмечает М.Л. Давыдова, доктринальный и правотворческий подходы к понятию юридической конструкции вряд ли могут противопоставляться. И идеальная природа конструкции, и ее практическое (нормативное) значение признаются в обоих случаях. Основное различие состоит в том, какая из этих сторон рассматривается в качестве главной, определяющей<sup>3</sup>. По нашему мнению, предпочтение следует отдать доктринальной составляющей, т.к. именно ею обусловлена роль юридических конструкций не только в правотворчестве, но и в процессе толкования, реализации права и других видах юридической деятельности. Доктринальный подход, таким образом, позволяет рассматривать конструкцию как средство не только правотворческой, но и всей юридической техники, как практически значимый, «работающий» инструмент профессиональной деятельности юриста, опосредованной специфическим юридическим мышлением.

Особенность права как системы состоит в его динамизме, постоянной изменчивости. Содержание нормативно-правовых актов устаревает и обновляется так часто, что изучение его не имело бы практического значения, если бы не нали-

<sup>1</sup> См.: Пономарев Д.Е. Юридические конструкции: становление понятия в отечественном правоведеии // Российский юридический журнал. 2004. № 4. С. 46-53; он же. Генезис и структура юридических конструкций: подходы к пониманию // Академический юридический журнал. 2005. № 2. С. 4-8.

<sup>2</sup> См.: Давыдова М.Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. С. 152.

<sup>3</sup> См.: Там же. С. 151.

чие юридических конструкций. Эти устойчивые, стабильные элементы права, логические формы, условные схемы, в которые облекается правовое содержание, формируют базу, основу для познания права.

Полагаем, именовать юридическую фикцию **конструкцией** неверно. В данном случае смешивают разнопорядковые явления. Причины смешения заключаются в многозначности используемых юристами понятий, переживающих свое становление и развитие, – каждый ученый вкладывает в них свой смысл. Фикция как прием может применяться при построении юридических конструкций (вспомним конструкции юридического лица или «лежачего» наследства), но сама по себе она не является конструкцией.

3. Следует установить, можно ли именовать юридическую фикцию методом правового регулирования<sup>4</sup>. Вопрос о **методе** правового регулирования по-прежнему решается в науке неоднозначно. Как отмечает Ю.К. Толстой, для плодотворного решения проблем метода правового регулирования в общетеоретическом аспекте должен быть накоплен достаточный материал в отраслевых науках<sup>5</sup>. Ученые, тем не менее, достаточно активно пользуются понятиями «метод», «методология», «методика», несмотря на их неопределенность.

В широком смысле метод рассматривается как идеальная категория, реализующаяся через приемы и способы, а также правила и предписания о способах, приемах, операциях, процедурах. О методах в юриспруденции говорят как о формально-юридических способах и конструкциях подготовки и изложения правовых актов, общенаучных подходах познания природы приемов и принципов трех видов юридической деятельности<sup>6</sup>. По выражению П. Колмакова, это общий путь исследования для какой-либо цели. Система приемов (способов) образует методику. Прием же –

<sup>4</sup> О «методе криминалистической фикции» говорит, в частности, В.А. Образцов: «метод криминалистической фикции наиболее эффективен при проверке информации о приготовлении к совершению преступления и о незавершенных, продолжающихся преступлениях, ставших предметом оперативного реагирования на полученную о них ориентирующую и доказательственную информацию». См.: Образцов В.А., Бертовский Л.В., Бертовская Н.Л. Фикции в криминальной, оперативно-розыскной и следственной практике. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 6.

<sup>5</sup> См.: Толстой Ю.К. Метод правового регулирования и его исследователи // Правоведение. 1973. № 6. С. 112-119.

<sup>6</sup> См.: Межвузовская конференция о проблеме юридической техники // Правоведение. 2006. № 2. С. 182-198.

отдельное действие, законченный элемент деятельности, процесса. Методу отводится главное место, а приемы и средства ему подчинены<sup>1</sup>.

Заметим, что не все ученые различают методы, способы и приемы. Так, для В.М. Сырых это синонимы<sup>2</sup>. Кроме того, в метод он включает понятия и категории<sup>3</sup>. Н.И. Панов указывает, что метод равнозначен средству<sup>4</sup>.

Под методом в узком смысле традиционно понимают систему познавательных средств и приемов, организованных в определенном порядке для проведения исследования. При этом отмечается, что логические приемы (например, сравнение) никогда не выступают в чистом виде, а включаются в содержание метода. Выделяют конкретные методы (например, кибернетический) и методологические направления (сравнительное правоведеие)<sup>5</sup>.

Традиционные, устоявшиеся значения, в которых теория права использует термин «метод» («метод правового регулирования» и «метод юридической науки»), представляются нам вполне обоснованными. Поэтому под методом юридической техники, как нам кажется, следует понимать систему способов научного познания, с помощью которой наука юридической техники изучает свой предмет<sup>6</sup>. В такой трактовке метод не может и не должен включаться в состав юридической техники в ее инструментальном значении. Не следует смешивать научные методы юридической техники и собственно технико-юридические методы, т.е. приемы рационально практической деятельности в области права. Эти методы (правотворческие, методы толкования, реализации права, систематизации и учета правовых актов и т.д.) разрабатываются самой юридической техникой либо теми разделами общей теории права, которые можно отнести к предмету юридической техники, и имеют

<sup>1</sup> См.: Колмаков П. О теоретических основах систематизации методов, приемов и средств советской криминалистики // Правоведение. 1965. № 4. С. 115-122.

<sup>2</sup> См.: Сырых В.М. Метод правовой науки (структура методов теоретического познания государства и права): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1981. С. 28, 359.

<sup>3</sup> См.: Там же. С. 368.

<sup>4</sup> См.: Панов Н.И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность. Харьков: Вища школа, 1982. С. 36-38, 44.

<sup>5</sup> См.: Муромцев Г.И. Юридическая техника: некоторые теоретические аспекты // Правоведение. 2000. № 1. С. 9-20.

<sup>6</sup> См.: Давыдова М.Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. С. 33.

не столько теоретическое, сколько практическое значение – выступают научной основой совершенствования действующего права. По нашему мнению, использование термина «метод» в отношении данной группы условно и вряд ли удачно. Для обозначения профессионально-юридического инструментария, разрабатываемого юридической техникой, употребляется множество терминов: «прием», «средство», «правило», «способ», «требование» и т.п. Поэтому вполне допустимо рассматривать категорию «метод» исключительно в ее научно-исследовательском значении. Соответственно, юридическую фикцию нельзя именовать методом правового регулирования.

5. Термин «правовое средство» во многом является неопределенным. Он употребляется в самых различных значениях: его используют и применительно к праву в целом (Р.О. Халфина)<sup>7</sup>, и в отношении режимов правового регулирования, и элементов его механизма (С.С. Алексеев)<sup>8</sup>. Наряду с термином «правовое средство» как взаимозаменяемые используются термины «правовые явления», «правовые феномены» и т.д. С.С. Алексеев определял правовые средства как «юридические способы решения субъектами соответствующих задач, достижение своих целей, интересов»<sup>9</sup>. В правовые средства автор включает «... весь диапазон правовых феноменов различных уровней с той лишь особенностью, что они вычлениются и рассматриваются не с позиций нужд юридической практики, а с позиций их функционального предназначения, тех черт, которые характеризуют их как инструменты решения экономических и иных социальных задач»<sup>10</sup>. По мнению ученого, вопрос правовых средств не столько вопрос обособления в особое подразделение тех или иных фрагментов правовой действительности, сколько вопрос их видения в строго определенном ракурсе<sup>11</sup>. К.В. Шундинов для решения данной проблемы также предлагает обратиться к инструментальной теории права, которая позволяет рассмотреть правовую форму как специфическую систему

<sup>7</sup> См.: Халфина Р.О. Право как средство социального управления / отв. ред. М.И. Пискогин. М.: Наука, 1988. 256 с.

<sup>8</sup> См., например: Алексеев С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. 1987. № 6. С. 12-19.

<sup>9</sup> Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966. 188 с.

<sup>10</sup> Алексеев С.С. Теория права. М.: БЕК, 1995. С. 217.

<sup>11</sup> См.: Там же. С. 217.

юридических средств, объединяемых на отдельных участках правового регулирования в своеобразные механизмы и режимы, обеспечивающие эффективное решение социально-экономических, политических, культурных и прочих задач. Это институционные явления правовой действительности, воплощающие регулятивную силу права, его энергию, им принадлежит роль ее активных центров<sup>1</sup>.

Отметим, что понятие «средство» употребляется произвольно применительно к разным феноменам правовой сферы: не только к механизмам и режимам правового воздействия, но и к правовым инструментам, методам и способам. Перечисляя правовые средства, авторы расходятся во мнениях.

Так, А.В. Малько отмечает, что правовые средства в самом общем виде – это все те юридические инструменты, с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение поставленных целей. В узком смысле правовые средства – это юридические фикции, аксиомы, презумпции, правовые идеи доктринального характера; «средства о средствах», правовые инструменты. Система правовых средств, различных по природе и функциям, но увязанных общей целью, составляет механизм правового регулирования<sup>2</sup>.

Б.И. Пугинский различает основные правовые средства и вспомогательные. К основным он относит договорные и внедоговорные обязательства; к вспомогательным – вину, ответственность, презумпции, фикции, юридические конструкции (юридическое лицо)<sup>3</sup>.

Таким образом, юридические средства – это не просто абстрактная категория, но и реально существующие явления. Они обозначают при-

кладную, функциональную сторону правовой системы. Это универсальный строительный материал системы права<sup>4</sup>. Плохо то, что в понятие юридических (правовых) средств учеными включаются разнопорядковые категории, что не делает используемую ими терминологию определенной. Полагаем, юридическую фикцию можно именовать правовым средством (так же, как правовым феноменом или правовым явлением), но это не внесет ясности в понимание ее сущности.

6. Наиболее часто фикцию именуют приемом юридической техники. Значительную сложность представляет разграничение понятий «**средство**» и «**прием**». Абстрактные различия между этими категориями достаточно ясны. «Средство» показывает, с помощью чего достигаются определенные цели, а «прием» – как они достигаются. Условность различий становится понятна, когда мы переходим к конкретным примерам. Так, юридические конструкции, презумпции, аксиомы, фикции могут рассматриваться как приемы юридической техники, т.к. предполагают определенный способ формулирования воли законодателя, показывают, как можно урегулировать общественные отношения. Однако при более широком взгляде на данные правовые явления они предстают как средства регулирования общественных отношений, представляя собой своеобразные инструменты, показывая, с помощью чего эти отношения регулируются. Например, говоря о технике реализации нормы, содержащей презумпцию либо правовую фикцию (применении ее судьей), мы рассматриваем саму презумпцию или фикцию как средство, подлежащее использованию для достижения определенной цели. Средства (приемы) юридической техники в самом общем виде можно определить как специфические инструменты профессиональной юридической деятельности, обеспечивающие достижение ее целей. По мнению М.Л. Давыдовой, не настаивая на принципиальности разграничения понятий «средство» и «прием» юридической техники, предпочтительнее использовать термин «средство». Его смысловое значение представляется более универсальным и позволяет охватить такие явления, которые с трудом могут быть определены в качестве приемов юридической техники. К примеру, название «прием юридической техники» несопоставимо с масштабом такого феномена, как язык права, и не-

<sup>4</sup> См.: Шундикова К.В. Инструментальная роль права – перспективное направление научного исследования // Правоведение. 2002. № 2. С. 16-23.

избежно принижает его значение. С другой стороны, в отношении большинства традиционно выделяемых средств юридической техники термин «прием» вполне приемлем<sup>1</sup>.

Полагаем, по вышеозначенным причинам фикцию следует именовать приемом юридической техники, в этом случае акцентируется внимание на ее сути – на том, как именно с помощью фикции достигаются цели, поставленные субъектом ее применения (использования). Большинство исследователей, как уже отмечалось, придерживается именно этой точки зрения.

7. Порой юридическую фикцию именуют способом юридической техники. Известный криминалист Р.С. Белкин говорил о том, что **прием** – рациональный и эффективный способ действия или линия поведения, а способ – средство осуществления деятельности, система отношений между элементами деятельности (субъекта, средств и объектов). По мнению Д.П. Поташина, прием – это тоже способ, но квалифицированный, требующий особых знаний, опыта, мастерства. Ему вторит С.В. Кузьмин, указывая на то, что способ и прием – это практические действия. Способ – качественная характеристика деятельности<sup>2</sup>. Полагаем верным придерживаться этой точки зрения. Фикцию нельзя именовать способом юридической техники, поскольку применение фикции требует определенных познаний – это прием, используемый в различных сферах юридической деятельности. Он применяется дозированно, в специфических ситуациях, когда нельзя воспользоваться другим правовым инструментарием в силу того, что его применение не будет столь рациональным и эффективным.

Подводя итог, следует отметить, что понятие «юридическая (правовая) фикция» в настоящее время продолжает развиваться, совершенствоваться, и поэтому его объем не статичен. Это подтверждается тем, что существует множество

определений понятия «юридическая (правовая) фикция». Данное понятие не относится к нормативным, оно доктринальное. Полагаем, что со временем, когда объем понятия «юридическая (правовая) фикция» будет зафиксирован, его можно будет отнести к **категориям** юридической науки. Именовывать юридическую фикцию **конструкцией** неверно. В данном случае смешиваются разнопорядковые явления. Причины такого смешения заключаются в многозначности используемых юристами понятий, переживающих свое становление и развитие – каждый ученый вкладывает в них свой смысл. Фикция как прием юридической техники может применяться при построении юридических конструкций (вспомним конструкции юридического лица или «лежачего» наследства), но сама по себе она конструкцией не является. Категорию «метод» необходимо рассматривать исключительно в ее научно-исследовательском значении. Соответственно, юридическую фикцию нельзя именовать методом правового регулирования. Что касается отнесения фикции к юридическим (правовым) средствам, то ее можно именовать таковым, но это не внесет ясности в понимание ее сущности. Фикцию нельзя именовать способом юридической техники, поскольку применение фикции требует определенных познаний – это прием, используемый в различных сферах юридической деятельности. Он применяется дозированно, в специфических ситуациях, когда нельзя воспользоваться другим правовым инструментарием в силу того, что его применение не будет столь рациональным и эффективным. Кроме того, называя фикцию приемом юридической техники, исследователи акцентируют внимание на ее сути – на том, как именно с помощью фикции достигаются цели, поставленные субъектом ее применения (использования).

<sup>1</sup> См.: Шундикова К.В. Инструментальная роль права – перспективное направление научного исследования // Правоведение. 2002. № 2. С. 16-23.

<sup>2</sup> См.: Малько А.В. Механизм правового регулирования // Правоведение. 1996. № 3. С. 54-62; Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. Свердловск: Изд-во Свердловск. ун-та, 1972. С. 15. А.И. Процевский отмечает, что правовое регулирование включает в себя формы, механизм и методы регулирования. Правовое регулирование приравнивается автором к формам правового воздействия. Метод регулирования, по его мнению, равнозначен способу воздействия. См.: Процевский А.И. Метод правового регулирования трудовых отношений. М.: Юрид. лит., 1972. С. 104, 105-106.

<sup>3</sup> См.: Пугинский Б.И. Правовые средства регулирования хозяйственной деятельности // Советское государство и право. 1977. № 4. С. 115-119.

<sup>1</sup> См.: Давыдова М.Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. С. 111.

<sup>2</sup> См.: Процевский А.И. Метод правового регулирования трудовых отношений. М.: Юрид. лит., 1972. С. 104, 105-106.

## Административное право и административный процесс

УДК 378.634

**Ф.П. Васильев**, доктор юрид. наук

Академия управления МВД России

**С.В. Воротникова**

Договорно-правовой департамент МВД России

### ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ В ОБЛАСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

*В статье обозначены проблемы подготовки юридически грамотных специалистов юридическо-го профиля. Акцентировано внимание на так называемом раздвоении понятия о специализации, когда, имея ученое звание по одной специальности, человек преподает другие отраслевые предметы.*

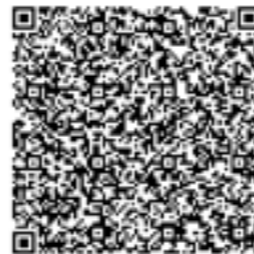
*Ключевые слова: юридическое правосознание, грамотность, юридические знания, правовое государство, качество подготовки юриста.*

**F.P. Vasilev**, Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences)

Academy of Management of the Interior of Russia

**S.V. Vorotnikova**

Legal department of the Interior of Russia



### PROBLEMATIC ASPECTS IN LEGAL EDUCATION IN MODERN RUSSIA

*The article deals with some problems of lawyers' training. Much attention is paid to the definition of specialization and its misuse. The author points out the problem of teaching subjects with scientific background to do it in different ones.*

*Key words: legal awareness, literacy, legal knowledge, law-governed state, quality of a lawyer's training.*

Необходимость наличия в обществе должно-го юридического правосознания и грамотности, наверное, как природное явление, возникает с момента образования или преобразования любого государства независимо от его политического строя. Подтверждением этому является современное развитие российского государства. Коренная, возможно, даже первичная причина, объясняющая возникновение и суть государства, позволяющая дать ему более полное определение, – это

необходимость создать для жизни и деятельности граждан правовой и общественный порядок и тем самым обеспечить их безопасность. Иначе говоря, происхождение и функционирование государства объясняются его правоохранительным назначением, потребностью общества (всех и каждого) жить в безопасности<sup>1</sup>. И все это невозможно рассматри-

<sup>1</sup> Бельский К.С. Полицейское право: лекционный курс / под ред. канд. юрид. наук А.В. Куракина. М.: Изд-во «Дело и Сервис», 2004. С. 17.

вать без толкования истоков возникновения права, его развития, модификации и перспектив совершенствования, т.е. без комплексного юридического образования.

С другой стороны, на современном этапе уровень юридических знаний в любом государстве (участников правоотношения и субъектов управления) выступает как барометр его правовой составляющей. Исследование данного аспекта имеет важное теоретическое и практическое значение для повышения эффективности государственного управления, поскольку позволяет оценить его результативность на современном этапе, выявить недостатки выбранных направлений общественного развития и определить пути совершенствования реализации полномочий государственных органов и правовой системы (механизма).

Толкуя о правах человека, его статусе в обществе, нельзя не отметить, что всякие права и свободы должны быть урегулированы государством и его властными органами, на которых возложены вопросы обеспечения безопасности и поддержания установленного правопорядка на местах, что направлено на защиту законных интересов граждан. И реализация этих мер невозможна без права и юридической грамотности.

Если мы говорим, что абсолютной демократии не бывает, то и в психологии личности не должны преобладать иждивенческие мотивы, то есть потребительские резоны и эгоизм правосознания. С юридической точки зрения быть потребителем социальных благ – значит быть потребителем прав и обязанностей через право.

Вместе с тем правовое государство – это гарантия продолжения демократизации общества, гарантия его обновления. В противном случае будет невозможно активизировать функционирование личности в политической системе, поднять ее творческий потенциал и инициативу, что повлечет за собой ослабление развития и становления гражданского общества, а также формирования культурных предпосылок власти.

В связи с этим все субъекты управления при разрешении вопросов, касающихся прав человека (правопорядка), должны подходить к этому с учетом следующих особенностей.

Во-первых, необходимо придерживаться проводимой государственной политики в интересах всего общества и верховенства права, а не власти и полномочий.

Во-вторых, обладая собственной компетенцией в разрешении тех или иных вопросов, надо

учитывать те основные юридические позиции (принципы), которые гарантируют защиту интересов личности как самого правонарушителя, так и потерпевшего. То есть нормотворчество, правоприменение и юридическое сознание – это основные тенденции юридического образования (грамотность) в общественном правоотношении.

В-третьих, разрешаемые субъектом правоприменения (контролирующим, надзорным органом) вопросы должны быть реализованы до конца. Только тогда мы сможем говорить о действии закона и обеспечении защиты личности в правовом государстве.

В большинстве случаев реализация обозначенных особенностей зависит от уровня практической профессиональной подготовки правоприменителей и качества их образования.

Вопросы повышения уровня образования как общества в целом, так и отдельного индивидуума всегда были и остаются проблематичными.

Еще российский ученый-юрист Н.М. Коркунов отметил, что в человеке невольно сказывается стремление по возможности расширить свое знание, предать ему характер общности так, чтобы всякий вопрос, выдвигаемый жизнью, находил себе надлежащее научное освещение и удовлетворяющее решение<sup>1</sup>.

Действительно, прививание и развитие правовой культуры и юридической грамотности начались еще во времена Петра I и Екатерины II.

При этом Петр I рассматривал вопросы образования, обучения и развития грамоты только среди государственных служащих и подготовки кадров в иноземных государствах, а Екатерина II в правилах управления государством выделила такие незаменимые идеи, которые продолжают оставаться актуальными и в настоящее время. Она отмечала, что если государственный человек ошибается, если он рассуждает плохо или принимает ошибочные меры, целый народ испытывает пагубные следствия этого. И в качестве управленческих рекомендаций она выдвинула прогрессивные для того времени наказы<sup>2</sup>: «Нужно просвещать нацию, которой должен управлять»; «Нужно ввести добрый порядок в государстве, поддерживать общество и заставить его соблюдать законы»;

<sup>1</sup> Коркунов Н.М. Лекции по общей теории и права. СПб., 2003. С. 19.

<sup>2</sup> О становлении и развитии юридического образования в дореволюционной России достаточно полно излагается А.В. Борисовым и Л.М. Колодкиным (Труды Академии управления МВД России. М., 1994).

«Нужно учредить в государстве хорошую и точную полицию» и т.д.<sup>1</sup>

В начале XXI в. юридическое образование сталкивается с весьма серьезными вопросами, которым, казалось бы, нет необходимости уделять внимание в государстве, которое в недавнем прошлом занимало одно из передовых мест в области подготовки кадров для государственных органов и силовых структур. При этом оно имело возможность оказать содействие в подготовке кадров и многим зарубежным странам. И неслучайно В.В. Путин в своем обращении к сотрудникам правоохранительных органов отметил о недопустимости утраты и необходимости повышения требовательности к вопросам их профессиональной подготовки<sup>2</sup>.

Также наиважнейшие кадровые и пока еще проблемные вопросы им были затронуты в конце 2012 г. в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации, где он сказал о недопустимости чиновникам страны иметь банковско-финансовые счета в зарубежных странах.

От сегодняшнего юриста, государственного служащего требуются всесторонняя подготовка, знание жизни, законов, тонкий анализ конкретных ситуаций, высокие моральные качества, четкая гражданская позиция в правоприменительной деятельности и наличие профессионально-этической культуры.

В настоящее время Минобрнауки России недостаточно учитывает эти особенности, в связи с чем имеют место фальсификации в области присуждения ученых степеней и званий, раздувание числа ученых советов.

Только высококвалифицированный юрист в состоянии разрешить вопросы по реализации конституционных гарантий правового статуса личности в России как с теоретических, так и практических позиций.

Сегодня же не является секретом тот факт, что в течение более 20 лет практика образовательных учреждений различных уровней и отраслей дает обществу кандидатов педагогических, юридических или социальных наук в лицах выпускников вузов в возрасте 23-25 лет. Это не приемлемо, потому как в силу своего юного возраста они априори не могли получить практического опыта исследуемой проблематики, не говоря уже о его анализе. А отсутствие опыта, в свою очередь, исключает главное – природу научного исследования

ния! Если, конечно, за основу не был взят чужой опыт.

При таких обстоятельствах можно ли говорить о развитии какой-либо гуманитарной науки и образования в целом в России? Пагубно также и то, что впоследствии эти «псевдоученые» диктуют обществу правила жизни и настроены управлять страной.

Подобная проблема присутствует сегодня и в области преподавания с раздвоенными понятиями о специализации, когда, имея ученое звание по одной специальности, человек преподает другие отраслевые предметы, а порой выступает и в качестве научного руководителя не по своей специализации. На что Минобрнауки, к сожалению, также «закрывает глаза».

В связи с этим возникает вопрос, закономерен ли вариант, при котором ученый, работая на кафедре административного права, представляется на соискание очередной ученой степени по уголовному процессу и праву, педагогическим наукам и т.д. Так, каких конкретно юристов он в состоянии готовить?

Причины очевидны. Где-то халатное отношение, где-то протекционизм или коррупция, а иногда и всё одновременно. В печальном же итоге российское государство и общество имеют понижение уровня образования, пассивность правового сознания учащихся, повальное стремление к получению ученых степеней с наименьшими трудозатратами, некачественную, искаженную науку.

Таким образом, качественного юриста (выпускника) может готовить только качественный юрист-педагог, а качество вуза зависит от научного персонала – наличия у него ученых званий и степеней по соответствующим специализациям с учетом предметной деятельности конкретных кафедр (специфики). Преподаватели и научные сотрудники должны создавать свои труды в соответствии с научной специализацией (в рамках кафедральной (цикловой) деятельности). И пора, наверное, прекратить практику искаженного научного развития преподавателей кафедр не по специфике их деятельности<sup>3</sup>.

На наш взгляд, наверное, всем федеральным органам исполнительной власти в целях приостановления подобных беспределов следует обра-

<sup>3</sup> Как известно, нередко, преподавая предметы кафедры, соискатель защищает диссертацию по другой специальности (предмету, кафедре). Отсюда возникает вопрос: что он может преподавать в дальнейшем и какую науку развить?

тить внимание на требование Президента России: «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» (утв. Президентом

РФ 28.04.2011 № Пр-1168)<sup>1</sup>, и с тех позиций выработать ведомственную концепцию о правовом воспитании граждан, учитывая общеобразовательные, общеобразовательные и научные позиции.

<sup>1</sup> Президентом определены принципы, основные направления и содержание государственной политики в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан. Главные задачи – формирование высокого уровня правовой культуры населения, традиции безусловного уважения к закону, правопорядку и суду, добропорядочности и добросовестности, а также преодоление правового нигилизма в обществе. На формирование правовой культуры влияют такие факторы, как характер воспитания и моральный климат в семье, законопослушное поведение родителей; качественный уровень обучения в образовательных учреждениях; понятность, доступность и эффективность законодательства. Существенное значение имеют строгое соблюдение чиновниками норм закона и профессиональной этики; доступность правосудия и квалифицированной юридической помощи. Начинать правовое воспитание следует с дошкольного возраста. Необходимо приобщать детей к общепринятым нормам и правилам взаимоотношений со сверстниками и взрослыми (внимательность к людям, готовность к сотрудничеству и дружбе, оказание помощи нуждающимся, уважение к окружающим). Следует развивать практику обучения основам права в образовательных учреждениях. Помочь в формировании позитивного правосознания должны СМИ, теле- и радиоканалы, учреждения культуры. Планируется распространять социальную рекламу правовой направленности; создавать творческие проекты по предоставлению базовых юридических знаний. Следует отказаться от популяризации криминальной культуры и перейти к демонстрации положительных примеров социального поведения. Предусмотрены меры по развитию системы правового просвещения и информирования граждан, в т.ч. через информационно-правовые ресурсы. Особое внимание уделяется повышению правовой культуры чиновников и сотрудников правоохранительных органов. Среди предусмотренных мер – повышение их квалификации, моральное и материальное поощрение образцового исполнения служебного долга. Текст документа опубликован в Российской газете от 14 июля 2011 г.

УДК 343.843

**И.А. Зайцев**, канд. юрид. наук

НИЦ № 4 ФГКУ «ВНИИ МВД России»

**Е.Ю. Ларина**

ООРУПыПДН УОООП УМВД России по Тульской области

## О ПРОБЛЕМАХ И ОПЫТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ МВД РОССИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ НАДЗОРЕ ЗА ЛИЦАМИ, ОСВОБОЖДЕННЫМИ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

*В статье рассмотрены проблемы реализации территориальными подразделениями МВД России законодательства об административном надзоре, устанавливаемом в отношении определенной категории лиц, и предложены изменения в действующее уголовное и административное законодательство.*

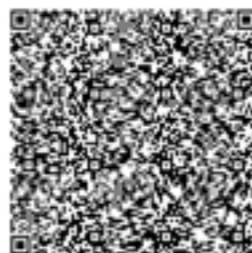
*Ключевые слова: административный надзор, исправительное учреждение, непогашенная судимость, социальная реабилитация, профилактические мероприятия, постановка на учет иностранных граждан, превентивный надзор.*

**I.A. Zaitsev**, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences)

All-Russian Scientific Research Institute of the Interior of Russia

**E.Y. Larina**

Department of the Interior of Russia of Tula Region



## PROBLEMS AND EXPERIENCE OF ENFORCING LAWS ABOUT ADMINISTRATIVE SUPERVISION OF RELEASED PEOPLE BY LOCAL POLICE AUTHORITIES ACCORDING TO RUSSIAN LEGISLATION

*The article deals with the problems of enforcing laws about administrative supervision of released people by local police authorities according to Russian legislation. Some amendments to current criminal and administrative legislation are offered.*

*Key words: administrative supervision, correctional institution, unserved term, social rehabilitation, preventive measures, registration of foreigners, preventive supervision.*

Принятие федеральных законов от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (далее – Федеральный закон об административном надзоре)<sup>1</sup> и от 6 апреля 2011 г. № 66-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы"»<sup>2</sup> фактически послужило

основой формирования нового законодательства об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.

Различные аспекты проблемных вопросов, которые могут возникнуть в деятельности правоохранительных органов Российской Федерации в сфере реализации законодательства об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, подробно рассматривались учеными-административистами<sup>3</sup>.

<sup>3</sup> См., напр.: Васильев Ф.П., Дугенец А.С., Миронов А.Н., Лавров В.А. Взаимодействие МВД и ФСИН России в процессе установления административного надзора // Административное право и процесс. 2011. № 8. С. 35-38;

<sup>1</sup> Сборник законодательства Российской Федерации. 2011. № 15. Ст. 2037.

<sup>2</sup> Сборник законодательства Российской Федерации. 2011. № 15. Ст. 2039.

Вместе с тем современная правоприменительная деятельность территориальных органов МВД России по установлению, продлению или прекращению административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, изучена не достаточно. Более того, встречающиеся на практике способы решения, казалось бы, однотипных вопросов во многом зависят от складывающейся судебной практики и скоординированной согласованной деятельности территориальных органов МВД России с территориальными органами ФСИН России и ФМС России конкретного субъекта Российской Федерации.

Представляется целесообразным осветить не только общие проблемы реализации законодательства об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, но и показать возможные варианты их решения.

Следует отметить, что реализация исполнения законодательства об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, в соответствии с требованиями приказа МВД России от 8 июля 2011 г. № 818 (в ред. приказа МВД России от 30 июня 2012 г. № 657) «О порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»<sup>1</sup> в территориальных органах МВД России возложена на подразделения по организации и осуществлению административного надзора или должностных лиц, которые исполняют обязанности по осуществлению административного надзора. Кроме того, в его осуществлении участвуют: участковые уполномоченные полиции, сотрудники патрульно-постовой службы полиции, вневедомственной охраны, дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации, подразделений, уполномоченных осуществлять оперативно-разыскную деятельность, сотрудники дежурных частей территориальных органов, а также сотрудники полиции линейных управлений, отделов Министерства внутренних дел Российской Федерации

Федерации на железнодорожном, водном и воздушном транспорте.

При этом обращают на себя внимание имеющиеся в некоторых территориальных органах МВД России проблемы взаимодействия сотрудников подразделений, уполномоченных осуществлять оперативно-разыскную деятельность, с сотрудниками подразделений по административному надзору и участковыми уполномоченными полиции, а также усматривается необходимость дополнительного совершенствования организации работы в осуществлении административного надзора с сотрудниками строевых подразделений ППС, ДПС ГИБДД и вневедомственной охраны<sup>2</sup>.

Как правило, в деятельности органов внутренних дел вызывают трудности установления административного надзора в отношении лиц, подпадающих под действие Федерального закона об административном надзоре, не имеющих регистрации и постоянного места жительства. Также в отношении них не представляется возможным установить такие ограничения, как запрещение пребывания вне жилого или иного помещения, являющегося местом жительства либо пребывания поднадзорного лица, в определенное время суток (п. 3 ч. 1 ст. 4 Федерального закона об административном надзоре).

Возникает обоснованный вопрос: «В каком месте жительства осуществлять наблюдение, если у поднадзорного лица его нет?»

Здесь следует обратить внимание на разработанный в УМВД по Тульской области порядок взаимодействия с исправительными учреждениями УФСИН России при установлении административного надзора в отношении лиц без определенного места жительства<sup>3</sup>.

Исправительное учреждение УФСИН России по Тульской области (далее – исправительное учреждение) не позднее шести месяцев до оконча-

<sup>2</sup> О недостатках в осуществлении административного надзора: информационное письмо ГУОООП МВД России от 28 июня 2012 г. № 1/5409.

<sup>3</sup> Об утверждении Временной инструкции о порядке взаимодействия территориальных органов МВД России на районном уровне с территориальными органами, исправительными учреждениями уголовно-исполнительной системы УФСИН России по Тульской области и с территориальными органами УФМС России по Тульской области при организации осуществления административного надзора: приказ УМВД России по Тульской области, УФСИН России по Тульской области, УФМС России по Тульской области от 14 мая 2012 г. № 201/228/105.

Васильев Ф.П., Миронов А.Н., Майдыков А.А. Правовое регулирование осуществления административного надзора // Административное право и процесс. 2011. № 10. С. 36-40; Васильев Ф.П., Майдыков А.А., Миронов А.Н. Что нам совершенствовать, чтобы исполнить Федеральный закон «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»? // Административное право и процесс. 2011. № 11. С. 31-35 и др.

<sup>1</sup> Российская газета. 2012. 8 авг.

ния срока отбывания наказания направляет в территориальный орган УМВД России по Тульской области запрос о возможности проживания по указанному осужденным адресу, его трудоустройстве и социальной реабилитации.

Сотрудник полиции, как правило, это участковый уполномоченный полиции, посещает указанный адрес и устанавливает возможность проживания по избранному осужденным месту жительства или пребывания. Если по указанному осужденным адресу его проживание невозможно, об этом информируется исправительное учреждение и учреждение социального обслуживания лиц без определенного места жительства с просьбой о бронировании места. В заявлении об установлении административного надзора исправительное учреждение указывает адрес учреждения социального обслуживания лиц без определенного места жительства, куда ему необходимо пребывать после освобождения из мест лишения свободы.

Пример из практики УМВД России по Тульской области.

При отбывании наказания в отношении гражданки С. по инициативе исправительного учреждения судом установлен административный надзор. При освобождении она указала адрес, по которому проживала до осуждения. Однако за время нахождения в местах лишения свободы родственники ее квартиру продали. Некоторое время после освобождения она жила у родных и знакомых. Неоднократно привлекалась к административной ответственности по ст. 19.24 КоАП РФ. Принятыми мерами и с ее согласия гражданка С. была направлена для временного проживания в Тульскую областную социальную гостиницу, где ей оказана помощь в трудоустройстве.

Тем не менее это всего лишь временное решение проблемы проживания поднадзорного лица. В соответствии со Стандартом качества государственной услуги «Предоставление временного приюта», утвержденного постановлением администрации Тульской области от 10 сентября 2008 г. № 560<sup>1</sup>, временный приют в социальной гостинице предоставляется бесплатно на срок не более десяти дней подряд и не более тридцати дней в году.

Встречается проблема установления административного надзора в отношении граждан других государств. Так, на территории Киреевского района Тульской области проживает ранее судимый К., подпадающий под действие Федерального закона

<sup>1</sup> Тульские известия. 2008. 18 сент.

об административном надзоре. При подготовке материалов в суд об установлении в отношении него административного надзора было установлено, что он не является гражданином Российской Федерации.

В Федеральном законе об административном надзоре не раскрыты вопросы установления административного надзора в отношении иностранных граждан. Вместе с тем после проведения необходимых консультаций, в т.ч. с представителями прокуратуры и судебных органов Тульской области, было принято решение о направлении материалов об установлении административного надзора в суд. В отношении К. установлен административный надзор.

Необходимо указать на необоснованную длительность процессуальных сроков установления и продления административного надзора. Так, с момента подачи органами внутренних дел в суд заявления по делу об административном надзоре и до его разрешения по существу проходит в среднем полтора-два месяца (ст. 154 ГПК РФ), а в случае обжалования судебного решения процессуальные сроки увеличиваются еще до двух месяцев (ст. 327.2 ГПК РФ).

Острота вопроса заключается и в том, что согласно требованиям ст. 261.7 ГПК РФ дело об административном надзоре рассматривается и разрешается судьей единолично с обязательным участием лица, в отношении которого подано заявление. При этом обязать лицо явиться в суд никто не имеет права. По причине неявки лица судебное заседание откладывается и, как правило, переносится на другой срок, что ведет к затягиванию производства по делу об административном надзоре. Имеется практика (например, в УМВД России по Липецкой области) оставления таких заявлений без рассмотрения (ст. 222 ГПК РФ – основания для оставления заявления без рассмотрения). В дальнейшем, как только лицо установлено и прибыло в суд, определение об оставлении заявления без рассмотрения отменяется и суд рассматривает первоначально поданное заявление.

Таким образом, лицо, освобожденное из мест лишения свободы и имеющее непогашенную либо неснятую судимость, подпадающее под действие Федерального закона об административном надзоре, находится без наблюдения со стороны органов внутренних дел от двух до четырех и выше месяцев.

Обращает на себя внимание низкая эффективность применения норм с так называемой ад-

министративной преюдицией, направленных на общую превенцию преступлений. Применение штрафных санкций в отношении поднадзорных лиц за несоблюдение административных ограничений и невыполнение обязанностей, устанавливаемых при административном надзоре (ст. 19.24 КоАП РФ), не всегда оказывает должное индивидуальное профилактическое воздействие, направленное на защиту государственных и общественных интересов.

Полагаем, что одним из способов решения этой проблемы является использование опыта реализации превентивного надзора Республики Беларусь<sup>1</sup>. Так, за несоблюдение требований превентивного надзора без уважительных причин предусмотрена административная ответственность (ст. 24.12 КоАП РБ), а в случаях совершения этим лицом в течение года двух административных правонарушений за такие же нарушения наступает уголовная ответственность с санкцией – арест на срок до шести месяцев или лишение свободы на срок до одного года (ст. 421 УК РБ).

Следует указать на отдельные пробелы в Федеральном законе об административном надзоре.

Так, требует расширения перечень административных правонарушений, совершение которых влечет установление административного надзора (п. 2 ч. 3 ст. 3 Федерального закона об административном надзоре).

Аргументы следующие. Если гражданин, подпадающий под действие Федерального закона об административном надзоре, в течение года дважды появляется в общественных местах в состоянии опьянения (ст. 20.20 КоАП РФ), то в отношении него должен быть установлен административный надзор. В то же время, если он управлял транспортным средством, находясь в состоянии опьянения, либо передал управление транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии опьянения (ст. 12.8 КоАП РФ), или совершил мелкое хищение (ст. 7.27 КоАП РФ), то административный надзор установить нельзя. Парадокс.

Вызывает затруднение у практических сотрудников реализация обязанности по проведению с поднадзорным лицом индивидуальной профилактической работы, направленной на предупреждение совершения им преступлений и других правонарушений (п. 4 ст. 12 Федерального закона об административном надзоре). Представляется необходимым дополнить эту норму, раскрыв содер-

<sup>1</sup> URL: <http://pravo.levonevsky.org/404.html>.

жание и формы деятельности органов внутренних дел в этом направлении.

Требует отдельного внимания проблема установления административного надзора лицу, которому осталось до погашения судимости менее года. Согласно п. 1 ч. 1 ст. 5 Федерального закона об административном надзоре, административный надзор устанавливается на срок от одного года до трех лет.

Несмотря на это, лицу, указанному в ч. 1 ст. 5 Федерального закона об административном надзоре, отбывшему уголовное наказание в виде лишения свободы, осталось до погашения судимости менее года (например, семь месяцев), а лицо совершило и продолжает совершать в течение одного года два и более административных правонарушений против порядка управления и (или) административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность и (или) на здоровье населения и общественную нравственность, то административный надзор не может быть установлен. В связи с этим представляется целесообразным внесение дополнения в ч. 1 ст. 5 Федерального закона об административном надзоре, направленного на закрепление возможности постановления на административный надзор указанных лиц.

Обозначив основные проблемы реализации территориальными органами МВД России законодательства об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, нами предлагается решить первоочередные:

- во-первых, дополнить Уголовный кодекс Российской Федерации статьей 314.2 УК РФ – Несоблюдение административных ограничений и невыполнение обязанностей, устанавливаемых при административном надзоре, изложив ее в следующей редакции:

«Несоблюдение административных ограничений и невыполнение обязанностей (за исключением случаев, предусмотренных статьей 314.1 настоящего Кодекса) лицом, в отношении которого установлен административный надзор, если это деяние совершено неоднократно,–

наказывается лишением свободы на срок до 1 года.

Примечание. Несоблюдение административных ограничений и невыполнение обязанностей лицом, в отношении которого установлен административный надзор, признается совершенным неоднократно, если это лицо ранее привлекалось

к административной ответственности за аналогичное деяние в течение ста восьмидесяти дней);  
 - во-вторых, внести изменения в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» в части сокращения сроков рассмотрения судом дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы;

- в-третьих, расширить перечень административных правонарушений, совершение которых влечет установление административного надзора;  
 - в-четвертых, разработать административный регламент по оказанию государственных услуг в сфере проживания поднадзорных лиц, освободившихся из мест лишения свободы и не имеющих жилья.

УДК 378.634

**А.В. Мельников**

ГУ ООП МВД России

## ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ПОЛИЦЕЙСКОГО В СИСТЕМЕ МВД РОССИИ

*В статье автор рассматривает проблемные вопросы подготовки сотрудников органов внутренних дел (полиции) с учётом современных требований, содержащихся в федеральных и ведомственных нормативных правовых актах, ориентирующих на обеспечение профессиональных качеств, навыков каждого полицейского.*

*Ключевые слова: правовое образование, правовое просвещение, правовая культура, правовое сознание, профессиональные качества.*



**A.V. Melnikov**

Chief Department of the Interior of Russia

## LEGAL EDUCATION OF A POLICE OFFICER IN THE SYSTEM OF THE INTERIOR OF RUSSIA

*The author considers some problematic questions of police officers' training according to modern requirements which are defined in federal and departmental legal documents. These papers ensure the development of police officer's professional skills and abilities.*

*Key words: legal education, juridical culture, legal consciousness, competencies.*

Рассматриваемая тема сегодня как никогда актуальна тем, что правовое воспитание и образование с учетом их важности требуют в некоторых случаях полного пересмотра как в широком смысле, так и с ведомственных точек зрения. В связи с этим Министром внутренних дел Российской Федерации (далее – Министр) в 2012 г. пересмотрены вопросы этапного и профильного юридического образования в системе МВД России. Так, в соответствии с ч. 18 ст. 76 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»<sup>1</sup> Министерством издан приказ от 3 июля 2012 г. № 663 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации»<sup>2</sup>. Тем более эти требования заложены и в Федеральном законе от 29

декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»<sup>3</sup>. Они выражаются по двум направлениям.

В первом случае направленность (профиль) юридического образования сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации (в т.ч. и внутренних войск МВД России) и прежде всего полицейских заключается в том, что ориентация образовательной программы на конкретные области знания или виды деятельности, определяющая ее предметно-тематическое содержание, преобладающие виды учебной деятельности обучающегося и требования к результатам освоения образовательной программы. Что осуществляется

<sup>3</sup> Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>; Российская газета. 2012. 31 дек. № 303. В соответствии со статьей 111 данный документ вступает в силу с 1 сентября 2013 г., за исключением части 6 статьи 108, вступившей в силу со дня официального опубликования, и ряда других положений, вступающих в силу в более поздние сроки (опубликован на «Официальном интернет-портале правовой информации» (<http://www.pravo.gov.ru>) 30.12.2012).

<sup>1</sup> СЗ РФ. 2011. № 49. Ст. 7020.

<sup>2</sup> Зарегистрировано в Минюсте России 3 августа 2012 г. № 25094. Далее – Порядок.



с учетом ведомственных интересов (отраслевых служб и подразделений).

Во втором – средства правового обучения и воспитания сотрудников ОВД РФ (полицейских): приборы, оборудование, включая спортивное оборудование и инвентарь, инструменты (в т.ч. музыкальные), учебно-наглядные пособия, компьютеры, информационно-телекоммуникационные сети, аппаратно-программные и аудиовизуальные средства, печатные и электронные образовательные и информационные ресурсы и иные материальные объекты, необходимые для организации образовательной деятельности.

Как мы знаем, вопросы обеспечения профессиональных качеств, навыков каждого полицейского должны быть направлены в рамках требований Президента и Правительства России. В данном случае следует учитывать как основной регламентирующий документ в области подготовки кадров для ОВД РФ (в т.ч. и полиции) Указ от 14 января 2013 г. № 21 «О подготовке кадров для органов внутренних дел Российской Федерации по договорам на обучение»<sup>1</sup>. В нем, в частности, имеются положения, в соответствии с которыми подготовка кадров для ОВД может осуществляться на основе заключения гражданами договора на обучение в ссузах или вузах, не входящих в систему МВД России. Договоры предусматривают обязательство последующего прохождения службы в ОВД на основании срочного контракта, заключаемого на срок не менее 5 лет, на должностях среднего или старшего начальствующего состава. Они заключаются между МВД России (его территориальным органом на окружном, межрегиональном или региональном уровне – работодателем) и отобранными на конкурсной основе совершеннолетними российскими гражданами. При этом граждане РФ должны соответствовать требованиям к состоянию здоровья, предъявляемым для службы в ОВД, они должны впервые и бесплатно получать среднее или высшее профобразование по очной форме обучения в федеральных учебных заведениях. Также определены сроки заключения договора. Так, если гражданин получает в вузе квалификацию (степень) «бакалавр» или «специалист», договор подписывается не ранее чем через 2 года после начала обучения и не позд-

<sup>1</sup> Текст опубликован в Российской газете от 16 января 2013 г., на «Официальном интернет-портале правовой информации» ([www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru)) 16 января 2013 г., в Собрании законодательства Российской Федерации от 21 января 2013 г. № 3 ст. 172.

нее, чем за 1 год до его окончания. Кроме того, приведен перечень документов, необходимых для участия в конкурсе на заключение договора, в их числе собственноручно написанная автобиография, уведомление или свидетельство о постановке на учет в налоговом органе, копия паспорта. А гражданину, с которым заключен договор на обучение, Министерством (его территориальным органом) производится дополнительная выплата<sup>2</sup>.

Как видим, казалось бы, все вопросы разрешены. Но вместе с тем сегодняшний полицейский должен быть не только профессионалом своего дела, но и сотрудником социального обслуживания (позиции доктора юридических наук Л.Л. Попова и Ф.П. Васильева, что ОВД РФ выступают как социальная служба), т.е. удовлетворять потребности граждан. Они выражаются в плане выдачи должных ответов, оказания помощи в различных ситуациях не только по совершенным преступлениям.

Тем самым понятие юридического образования и правового воспитания сотрудников полиции на современном этапе следует толковать в рамках проводимой государственной социальной политики. Так, если обратить внимание на деятельность патрульно-постовой службы полиции (ППСП) и участковых уполномоченных полиции (УУП), то они, являясь основными субъектами, осуществляющими охрану общественного порядка и обеспечивающими общественную безопасность, должны в пределах им дозволенного уметь оказать гражданам бесплатную юридическую помощь в рамках требований Федерального закона от 21 ноября 2011г. №324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»<sup>3</sup>

<sup>2</sup> При этом дополнительно следует учитывать и Указ Президента России от 13 декабря 2012 г. № 1653 «О федеральных кадровых резервах федеральных государственных органов, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации». Текст Указа опубликован в СЗ РФ от 17 декабря 2012 г. № 51 ст. 7170, на «Официальном интернет-портале правовой информации» ([www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru)) 14 декабря 2012 г.

<sup>3</sup> Законом установлены основные гарантии реализации права граждан на бесплатную квалифицированную юридическую помощь. Закон не касается уголовного судопроизводства. Предусмотрены следующие виды такой помощи: устное и письменное консультирование; составление заявлений, жалоб, ходатайств и других документов правового характера; представительство в судах, государственных и муниципальных органах, организациях. Бесплатную помощь могут оказывать лица с высшим юридическим образованием. Выделяются государственная и негосударственная системы бесплатной юридической

(см. статью 16). А что касается непосредственного субъекта управления и организации охраны общественного порядка и безопасности, то ими выступают территориальные органы внутренних дел районного уровня<sup>1</sup>.

Безусловно, с учетом данных позиций любой современный полицейский в состоянии реализовать в своей деятельности при наличии таких личных качеств, как правовая грамотность и воспитанность, в рамках президентских требований «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» (утв. Президентом РФ 4 мая 2011 г.)<sup>2</sup>. Так, Президентом России определены принципы, основные направления и содержание государственной политики в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан. Главные задачи юридического образования заключаются в формировании высокого уровня правовой культуры населения, уважения к закону, правопорядку и суду, добропорядочности и до-

помощи. Определено, когда можно получить бесплатную юридическую помощь в рамках государственной системы, например защита прав потребителей коммунальных услуг. Установление и оспаривание отцовства (материнства). Взыскание алиментов. Восстановление на работе и др. Перечислены категории граждан, которые вправе рассчитывать на такую помощь. Это малоимущие (доход ниже прожиточного минимума), инвалиды I и II групп, ветераны ВОВ, герои России, Советского Союза, Социалистического Труда, дети, являющиеся инвалидами, а также оставшиеся без попечения родителей, недееспособные и т.д. Иностранцам и лицам без гражданства бесплатная юридическая помощь предоставляется в случаях и в порядке, определенных федеральными законами и международными договорами России. Участниками негосударственной системы являются юридические клиники при вузах (студенческие консультативные и юридические бюро и др.) и центры бесплатной юридической помощи. Отвечать за возможные неблагоприятные последствия оказания гражданину юридической помощи негосударственным центром должны лица, предоставившие ее, центр и (или) его учредители. Вступил в силу с 15 января 2012 г. Текст опубликован в Российской газете от 23 ноября 2011 г., на «Официальном интернет-портале правовой информации» ([www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru)) 21 ноября 2011 г., в Парламентской газете от 24 ноября 2011 г., в СЗ РФ от 28 ноября 2011 г. № 48 ст. 6725.

<sup>1</sup> См.: Мельников А.В. Научно-теоретический взгляд на деятельность территориальных органов внутренних дел районных уровней в области организации охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности в современных условиях // Вестник Владимирского юридического института. 2012. № 4. С. 96-100.

<sup>2</sup> Текст документа опубликован в Российской газете от 14 июля 2011 г.

бросовестности, а также преодолении правового нигилизма в обществе. На формирование правовой культуры влияют такие факторы, как характер воспитания и моральный климат в семье, законопослушное поведение родителей; качественный уровень обучения в образовательных учреждениях; понятность, доступность и эффективность законодательства. Существенное значение имеют строгое соблюдение чиновниками норм закона и профессиональной этики<sup>3</sup>; доступность правосудия и квалифицированной юридической помощи.

Начинать правовое воспитание следует с дошкольного возраста. Необходимо приобщать детей к общепринятым нормам и правилам взаимоотношений со сверстниками и взрослыми (внимательность к людям, готовность к сотрудничеству и дружбе, оказание помощи нуждающимся, уважение к окружающим). Следует развивать практику обучения основам права в образовательных учреждениях. Помочь в формировании позитивного правосознания должны СМИ, теле- и радиоканалы, учреждения культуры. Планируется распространять социальную рекламу правовой направленности; создавать творческие проекты по предоставлению базовых юридических знаний. Следует отказаться от популяризации криминальной культуры и перейти к демонстрации положительных примеров социального поведения. Предусмотрены меры по развитию системы правового просвещения и информирования граждан, в том числе через информационно-правовые ресурсы. Планируется внедрить практику оказания адвокатами и нотариусами юридической помощи гражданам при получении ими государственных и муниципальных услуг. Особое внимание уделяется повышению правовой культуры чиновников и сотрудников правоохранительных органов, среди предусмотренных мер повышение их квалификации, моральное и материальное поощрение образцового исполнения служебного долга.

В связи с этим нельзя не отметить, что правовое образование и воспитание полицейского тесно взаимосвязаны между собой и что они выступают и должны выглядеть как постоянный процесс в их служебно-жизненной деятельности. Для чего

<sup>3</sup> При этом нельзя не согласиться с мнением А.С. Дугенца, М.Н. Дашко, Н.Ф. Бережковой, Ф.П. Васильева и др., что проблемы правосознания, психологического воспитания, соблюдения сотрудниками органов внутренних дел (ВВ МВД России) установленных этических норм (правил поведения) и данной ими клятвы (присяги) требуют отдельного подхода.

должны быть разработаны отдельные приказы, инструкции и внесены соответствующие изменения и дополнения в регламентирующие приказы деятельности определенных служб и подразделений полиции (ОВД РФ). Например, вопросы дистанционного образования в образовательных учреждениях и территориальных органах МВД России требуют изыскания новых подходов. Тем более системы индивидуальной первоначальной подготовки или прохождения стажировки в какой-то степени изжили себя, и тем более в них больше всего присутствует формализм. Так, обу-

чение данным способом пересмотреть в порядке дистанционного обучения, т.е. сотрудник полиции (водитель, участковый уполномоченный полиции, сотрудник дежурной части, ПДН и др.) на полученные задания должен дать ответы по электронной почте. Тем самым следует пересмотреть нормы приказа МВД России от 3 июля 2012 г. № 663 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации»<sup>1</sup> и увеличить перечень тем составления рефератов по каждому дисциплинам.

<sup>1</sup> Зарегистрировано в Минюсте России 3 августа 2012 г. № 25094 (далее – Порядок). Российская газета. 31 августа 2012 г., вступил в силу с 11 сентября 2012 г. Зарегистрирован в Минюсте России 3 августа 2012 г. № 25094.

## Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

УДК 343.97 (571)

**М.А. Бугера**, канд. юрид. наук

Волгоградская академия МВД России

**Р.А. Семенюк**, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

e-mail: ruslanbarnaul@mail.ru

### НАБЛЮДЕНИЕ ЗА БОЛЬНЫМИ АЛКОГОЛИЗМОМ ИЛИ НАРКОМАНИЕЙ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

*В представленной статье рассматриваются проблемы диспансерного и профилактического наблюдения за лицами, больными алкоголизмом или наркоманией. Авторами проанализированы формы взаимодействия подразделений участковых уполномоченных полиции с органами здравоохранения в наблюдении за лицами, страдающими алкоголизмом или наркоманией, сделаны соответствующие теоретические выводы. Изложенные положения имеют как научную, так и практическую значимость.*

*Ключевые слова: наблюдение, больные алкоголизмом или наркоманией, лица, представляющие опасность для окружающих.*

**М.А. Bugera**, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences)

Volgograd Academy of the Interior of Russia

**R.A. Semenyuk**, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences)

Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

e-mail: ruslanbarnaul@mail.ru



### THE PROBLEM OF MONITORING OF PATIENTS WITH ALCOHOLISM OR DRUG ABUSE

*In the article the problems of dispensary and preventive monitoring of individuals, patients with alcoholism or drug addiction are considered. The authors analyze the forms of cooperation between divisions of precinct police with the health authorities in the monitoring of people suffering from alcoholism or drug addiction. Some theoretical conclusions are made. Authors' findings have scientific and practical value.*

*Key words: observation, patients with alcoholism or drug addiction, individuals representing a danger to others.*

В соответствии с п. 35 ст. 12 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» на сотрудников органов внутренних дел возлагается обязанность участия в наблюдении за лицами,

больными алкоголизмом или наркоманией и представляющими опасность для окружающих, в целях предупреждения совершения ими преступлений и административных правонарушений.

Данное наблюдение сотрудники полиции осуществляют совместно с органами здравоохранения в случаях и порядке, предусмотренных ст. 30 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях граждан при ее оказании», где п. 3 закрепляет, что сотрудники полиции обязаны оказывать содействие медицинским работникам при осуществлении недобровольной госпитализации и обеспечивать безопасные условия для доступа к госпитализируемому лицу и его осмотра<sup>1</sup>.

Однако указанный порядок оказания содействия по смыслу закона не относится к такой категории граждан, как больные алкоголизмом или наркоманией. В данном случае речь идет о недобровольной госпитализации лиц, страдающих психическими расстройствами. Поэтому до настоящего времени отсутствует одинаковый для всех регионов России алгоритм действий участкового уполномоченного полиции по наблюдению за лицами, больными алкоголизмом или наркоманией. Отсутствует единый порядок применения и осуществления принудительного наблюдения в отношении лиц, нуждающихся в лечении от алкоголизма или наркомании.

7 апреля 2013 г. вступил в силу приказ МВД России от 31 декабря 2012 г. № 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции»<sup>2</sup>, в котором (п. 37.17) также предусмотрено, что участковый уполномоченный полиции при несении службы на административном участке обязан участвовать совместно с органами здравоохранения в наблюдении за лицами, больными алкоголизмом или наркоманией и представляющими опасность для окружающих, в целях предупреждения совершения ими преступлений и административных правонарушений; оказывать содействие медицинским работникам в осуществлении назначенной судом принудительной госпитализации лиц в медицинские организации.

Ранее в советский период всех больных наркоманией в обязательном порядке отправляли на медицинское освидетельствование, а в случае их отказа работники органов внутренних дел подвергали их принудительному приводу в медицин-

<sup>1</sup> О психиатрической помощи и гарантиях граждан при ее оказании: закон Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 // Российская газета. 2003. 15 янв. № 5.

<sup>2</sup> Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции: приказ МВД России от 31 декабря 2012 г. № 1166 // Российская газета. 2013. 27 марта. № 65.

ские организации. При установлении диагноза «наркомания», «токсикомания» или факта немедленного употребления наркотических и других средств, влекущих одурманивание, данных лиц (за исключением лечившихся добровольно и анонимно) ставили на профилактический учет в ОВД (приказ Минздрава СССР и МВД СССР от 20.05.1988 № 402/109, который с 2003 г. в МВД России не применяется<sup>3</sup>).

Сейчас медицинское освидетельствование и лечение больных алкоголизмом или наркоманией, их привод в медицинские организации осуществляются только с их согласия, а в отношении несовершеннолетних – с согласия их родителей или законных представителей. В итоге эффективное лечение больных алкоголизмом или наркоманией, их диспансерное и профилактическое наблюдение не обеспечивается.

По нашему мнению, уже давно назрела необходимость вернуться к принудительному лечению алкоголиков и наркозависимых лиц, а не ждать когда они совершат преступное деяние. В нашей стране и в странах СНГ (например, Республике Беларусь, Грузии, где до настоящего времени применяется принудительное лечение лиц, больных наркоманией) имеется богатая практика применения принудительных мер медицинского характера в отношении лиц, страдающих алкоголизмом или наркоманией, которую мы предлагаем использовать и сегодня.

При обеспечении должного наблюдения за алкоголиками и наркоманами на практике возникают такие проблемы, когда наркологическое учреждение не может в течение одного года обеспечить осмотр больного, несмотря на все принимаемые меры (в т.ч. обращения в полицию), при отсутствии объективных сведений о его месте нахождения данный больной, согласно приказу Минздрава СССР от 12 сентября 1988 г. № 704<sup>4</sup>, снимается с диспансерного учета. Из этого следует, что согласно п. 67.2 приказа МВД России

<sup>3</sup> О неприменении нормативных правовых актов МООП СССР, МВД СССР [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 30 июня 2003 г. № 492. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.04.2013).

<sup>4</sup> О сроках диспансерного наблюдения больных алкоголизмом, наркоманиями и токсикоманиями [Электронный ресурс]: приказ Министерства здравоохранения СССР от 12 сентября 1988 г. № 704. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

№ 1166 больной параллельно снимается и с профилактического учета<sup>1</sup>.

В итоге получается, что если больные алкоголизмом или наркоманией в течение одного года уклоняются от осмотра и лечения в наркологическом учреждении, то они снимаются как с диспансерного, так и с профилактического учета. Такое упущение в профилактической работе, на наш взгляд, требует основательной доработки, а именно внесения соответствующих изменений и дополнений в указы МВД России и другие нормативно-правовые акты.

Также, необходимо учитывать, что ст. 13 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323<sup>2</sup> предусмотрено соблюдение врачебной тайны о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи. Однако ст. 20 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323 предусматривает ряд оснований, когда медицинское вмешательство допустимо без согласия гражданина или иного законного представителя. Например, в отношении лиц, страдающих заболеваниями, представляющими опасность для окружающих.

Следовательно, если есть данные о наличии у лиц, зависимых от алкоголя или наркотиков, заболеваний, представляющих опасность для окружающих, то в отношении их допускается принудительное медицинское вмешательство. Например, допустимо их принудительное препровождение для проведения медицинского освидетельствования до решения суда. Также согласно ст. 13 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» заинтересованные сотрудники полиции имеют право на получение сведений о лицах, страдающих инфекционными заболеваниями, создающих угрозу их распространения, без их согласия. Данные мероприятия могут проводиться с целью постановки таких больных на профилактический учет.

До 7 апреля 2013 г. на профилактический учет ставились хронические алкоголики и лица, больные наркоманией, допускающие потребление наркотических средств и психотропных веществ без назначения врача, из числа состоящих на учете в учреждениях здравоохранения, а также систематически допускающие правонарушения<sup>3</sup>. В настоящее время основанием проведения профилактической работы с больными алкоголизмом или наркоманией является их учет в медицинской организации и опасность для окружающих<sup>4</sup>. Данное изменение оснований постановки на учет лиц, больных алкоголизмом или наркоманией, приведет, на наш взгляд, к снижению уровня состоящих на профилактическом учете алкоголиков и наркоманов, поскольку основание «систематически допускающий правонарушения» было более понятным, чем «представляющий опасность для окружающих». Кроме того, понятие таких лиц в законодательстве Российской Федерации не закреплено. Являются ли они опасными для общества или нет – это решают врачи-специалисты.

По нашему мнению, под лицами, больными алкоголизмом или наркоманией, представляющими опасность для окружающих, следует понимать не только алкоголиков и наркоманов, страдающих психическими расстройствами, но и больных алкоголизмом или наркоманией, которые были замечены в систематическом виновном совершении административных правонарушений либо совершили преступление, либо страдают заболеваниями, представляющими опасность для окружающих (туберкулез, инфекции, ВИЧ и др.). Данных лиц следует ставить на профилактический учет и проводить с ними индивидуальную работу.

В итоге практические работники полиции сталкиваются с рядом проблем, заключающихся в низком уровне выявления лиц, больных алкоголизмом или наркоманией, с целью постановки их на профилактический учет.

<sup>3</sup> О мерах по совершенствованию деятельности участковых уполномоченных милиции: приказ МВД России от 16.09.2002 № 900 // Российская газета. 2002. 27 нояб. № 225 (утратил силу).

<sup>4</sup> Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции: приказ МВД России от 31 декабря 2012 г. № 1166 // Российская газета. 2013. 27 марта. № 65.

УДК 343.236

**О.В. Ермакова**, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

e-mail: [ermakova\\_alt@mail.ru](mailto:ermakova_alt@mail.ru)**ПОНЯТИЕ МОМЕНТА ОКОНЧАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

*В статье автор разрабатывает понятие момента окончания преступления. Отдельное внимание уделяется его соотношению с понятиями оконченного преступления и временем совершения преступления.*

*Ключевые слова:* момент окончания преступления, оконченное преступление.

**O.V. Ermakova, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences)**

Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

e-mail: [ermakova\\_alt@mail.ru](mailto:ermakova_alt@mail.ru)**THE NOTION OF CRIME TERMINAL TIME**

*The author considers the notion of crime terminal time. Special attention is paid to its relation with notions of the completed crime and the crime terminal time.*

*Key words:* crime terminal time, completed crime.

Понятие «момент окончания преступления» принадлежит к числу тех уголовно-правовых понятий, которые не упоминаются в законодательстве, но активно используются в научной литературе, правоприменительной практике и актах официального толкования уголовного закона со стороны Верховного Суда РФ. Несмотря на столь широкое распространение исследуемого понятия в науке и практике, его содержание до настоящего времени четко не определено. Такое положение было бы объяснимо, если бы среди ученых и практических работников существовало предельно ясное, недвусмысленное представление о том, что следует считать моментом окончания преступления и какие значимые в уголовно-правовом плане явления надлежит с ним соотносить. Однако изучение юридической литературы показывает, что это не так. Исследователи затрагивают вопрос о моменте окончания преступления в связи с различными поднимаемыми ими теоретическими проблемами, среди которых проблемы стадий совершения преступления; добровольный отказ от доведения преступления до конца; соучастие в преступлении; перерастание менее тяжкого преступления в более тяжкое однородное преступле-

ние; исчисление сроков давности привлечения к уголовной ответственности; определение уголовного закона, подлежащего применению; установление временных границ существования права лица на необходимую оборону и т.д. При этом под моментом окончания преступления разные ученые понимают далеко не одно и то же, на что обращалось внимание еще в 70-е гг. прошлого века<sup>1</sup>.

Нельзя не заметить, что ситуация с интерпретацией рассматриваемого понятия осложняется еще двумя обстоятельствами.

Во-первых, наряду с термином «момент окончания преступления» в научном обороте находится несколько близких ему понятий, многие из которых к тому же фигурируют в уголовном законе: «оконченное преступление» (ст. 29 УК РФ), «доведение преступления до конца» (ст. 30, 31 УК РФ), «время совершения преступления» (ст. 9 УК РФ), «день совершения преступления» (ст. 78 УК РФ), «момент совершения преступления»<sup>2</sup>, при-

<sup>1</sup> Курс советского уголовного права. Часть Общая / отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. Л., 1970. Т. 2. С. 392.

<sup>2</sup> Термин «момент совершения преступления» использовался, в частности, Н.Д. Дурмановым, который употреблял его как понятие, равнозначное понятию «время

чем отдельные дефиниции непосредственно даны законодателем.

Во-вторых, некоторые современные исследователи используют понятие «момент окончания» не только по отношению к преступлению в целом, но и по отношению к отдельным его стадиям. Например, Л.Д. Гаухман упоминает о моменте окончания приготовления и его конкретных форм<sup>1</sup>.

Все это порождает потребность в достижении терминологической определенности, в выяснении содержания понятия «момент окончания преступления» и его соотношения со смежными понятиями. В конечном итоге от этого зависит значение момента окончания преступления в уголовном праве.

Следует констатировать, что всякое преступление имеет свою пространственно-временную характеристику, поскольку как явление реальной действительности оно локализовано во времени и пространстве. Любое, даже самое краткое преступление обладает некоторой временной протяженностью. Эта протяженность может быть большей или меньшей, может, исходя из целей ее анализа, соотноситься с внешними по отношению к ней временными параметрами, а может и не соотноситься с ними, характеризуя исключительно внутреннюю динамику преступления, процесс развития деяния относительно точки отсчета, расположенной в рамках самого преступления.

Из всех перечисленных выше терминов, которые используются для обозначения явлений, связанных с временной характеристикой преступления, только два обозначают явления, соотносимые с внешними по отношению к преступлению временными параметрами, – «время совершения преступления» и «день совершения преступления», и то при этом для нужд уголовного права приходится соотносить с «внешним временем» не всю временную протяженность преступления, а определенный момент его развития. Не случайно законодатель в ч. 2 ст. 9 УК РФ вынужден уточнять, что именно следует считать временем совершения преступления (время совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий), а по поводу толкования термина «день совершения преступления», употребляемого в ст. 78 УК РФ,

совершения преступления». См.: Курс советского уголовного права. Часть Общая / под ред. А.А. Пионтковского, П.С. Ромашкина, В.М. Чхиквадзе. М., 1970. Т. 1. С. 231.

<sup>1</sup> Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2003. С. 176-179.

в науке уголовного права ведутся давние споры<sup>2</sup>. Полная временная протяженность преступления в ее соотношении с внешними временными параметрами имеет, пожалуй, лишь уголовно-процессуальное значение, поскольку в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 69 УПК РФ среди обстоятельств совершения преступления подлежит доказыванию и время его совершения. В данном случае подразумевается именно конкретная дата или хронологические рамки совершения преступления, которые в совокупности с другими обстоятельствами позволяют идентифицировать событие преступления.

Понятия «оконченное преступление» и «момент окончания преступления» используются для обозначения явлений, связанных исключительно с динамикой самого преступления, с развертыванием во времени процесса преступного посягательства на объект уголовно-правовой охраны.

Согласно ч. 1 ст. 29 УК РФ преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом<sup>3</sup>. В соответствии со ст. 8 УК РФ совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ, является основанием уголовной ответственности. Следовательно, признание преступления оконченным в том смысле, который заложен в ч. 1 ст. 29 УК РФ, предопределяет возможность привлечения лица к уголовной ответственности с квалификацией содеянного по статье Особенной части УК РФ без применения статьи Общей части УК о предварительной преступной деятельности.

Оконченное преступление и момент окончания преступления – явления не тождественные. Отсюда и понятия «оконченное преступление» и «момент окончания преступления» обладают разным содержанием. Оба они связаны с развитием преступления во времени. Однако временная характеристика оконченного преступления заключается в том, что оно, как правило, занима-

<sup>2</sup> См., например: Курс уголовного права. Общая часть: учебник для вузов / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 2002. Т. 2. С. 189-190; Курс советского уголовного права. Часть Общая / отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. Л., 1970. Т. 2. С. 392-394.

<sup>3</sup> В данном случае подразумеваются составы, признаки которых, за исключением возраста уголовной ответственности и вменяемости, закреплены в статьях Особенной части УК РФ, иначе под такое понятие оконченного преступления попадали бы и приготовление, и покушение, составы которых включают в себя также признаки, отраженные в ч. 1 и 3 ст. 30 УК РФ.

ет определенный отрезок времени. Исключение составляют одномоментные преступления, продолжительность которых очень мала, например оскорбление посредством произнесения одного слова. Временная протяженность конкретных оконченных преступлений одного и того же вида, исчисленная в привычных единицах измерения времени (сутках, часах, минутах, секундах), может значительно различаться. Момент окончания преступления, напротив, характеризуется краткостью его протекания, ведь слово «момент» в русском языке означает «миг, мгновение, короткое время, в которое происходит что-нибудь»<sup>1</sup>.

В уголовно-правовом плане оконченное преступление включает в себя всю совокупность признаков деяния, тождественных признакам соответствующего состава преступления. Что же касается момента окончания преступления, то им является такой момент развития общественно опасного посягательства, в который в совершаемом деянии оказываются представлены все признаки состава преступления, предусмотренного Особенной частью УК РФ. В свою очередь, все признаки состава преступления оказываются представленными в совершаемом деянии тогда, когда в нем проявляется последний необходимый для привлечения лица к уголовной ответственности за преступление, предусмотренное статьей Особенной части УК РФ, признак состава<sup>2</sup>. Возникает вопрос о том, может ли таким признаком, играющим роль «последней капли», быть любой признак состава преступления, характеризующий любой из четырех элементов преступления (объект, объективную сторону, субъекта и субъективную сторону). Очевидно, нет. Это может быть лишь признак, который характеризует элемент преступления, подверженный изменениям во времени, причем эти изменения должны иметь уголовно-правовое значение.

С учетом этого никакого отношения к моменту окончания преступления не имеют признаки, характеризующие объект и субъекта преступления. Объект преступления, безусловно, претерпевает изменения в процессе осуществления пре-

<sup>1</sup> Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1990. С. 362.

<sup>2</sup> Нужно признать справедливость замечания Н.Ф. Кузнецовой, которая, критикуя определение оконченного преступления, указывает, что «оконченное преступление отличается от неоконченного не «всеми», а лишь одним признаком...» (Курс уголовного права. Общая часть / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 1999. Т. 1. С. 362).

ступного посягательства, однако, как известно, сам по себе он находится за пределами деяния, а происходящие в нем изменения, заключающиеся в причинении ему ущерба, зеркально отражаются в динамике объективной стороны преступления. Лицо, осуществляющее преступление (его субъект), с социальной точки зрения, конечно, находится в развитии и в процессе совершения преступления, однако это развитие не имеет уголовно-правового значения.

Отсюда момент окончания преступления, прежде всего, следует связывать с динамикой его объективной стороны, которая, по справедливому утверждению В.Н. Кудрявцева, является характеристикой самого механизма преступного посягательства на охраняемый объект, раскрывает структуру преступления и взаимодействие образующих его признаков<sup>3</sup>. В науке уголовного права объективная сторона преступления определяется как процесс общественно опасного и противоправного посягательства на охраняемые уголовным законом интересы, рассматриваемый с его внешней стороны, с точки зрения последовательного развития тех событий и явлений, которые начинаются с действия (бездействия) субъекта и заканчиваются причинением преступного результата<sup>4</sup>. Нетрудно заметить, что в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ момент окончания преступления практически всегда отождествляется с одним из признаков объективной стороны состава преступления, отражающих ее развитие во времени. Например, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 25 от 9 декабря 2008 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» сказано, что неправомерное завладение транспортным средством без цели хищения является оконченным преступлением с момента отъезда либо перемещения транспортного средства с места, на котором оно находилось (п. 20)<sup>5</sup>. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 6 от 10 февраля 2000 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» говорится, что дача взятки или незаконного вознаграждения при коммерческом подкупе, а равно их получение должностным лицом либо

<sup>3</sup> Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 11.

<sup>4</sup> Там же. С. 9.

<sup>5</sup> Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 2.

лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой организации, считаются оконченными с момента принятия получателем хотя бы части передаваемых ценностей (п. 11)<sup>1</sup>.

Учитывая, что «накопление» в совершаемом деянии признаков, идентичных признакам объективной стороны соответствующего состава преступления, происходит не в произвольном порядке, а в определенной логической последовательности, предопределяемой содержанием и типичными особенностями тех или иных преступлений, момент окончания преступлений одного и того же вида всегда одинаков и связывается с проявлением в деянии какого-то *определенного* признака объективной стороны состава, за исключением преступлений с альтернативными признаками<sup>2</sup>. Например, при любом убийстве, несмотря на множество частных, преступная деятельность лица в целом развивается по одному и тому же сценарию – от общественно опасного деяния, создающего опасность для жизни потерпевшего, к общественно опасному последствию в виде его биологической смерти. Иной последовательности во времени типичных для убийства признаков, входящих в объективную сторону состава преступления, быть не может.

Наконец, важно выяснить, как связаны с моментом окончания преступления признаки субъективной стороны, ведь, как обоснованно отмечает В.Н. Кудрявцев, субъективная сторона развивается во времени так же, как объективная сторона развивается во времени и пространстве, и является ее отражением<sup>3</sup>. При том, что объективная и субъективная стороны преступления находятся во взаимной зависимости друг от друга, именно объективная сторона преступления составляет предметное содержание субъективной стороны<sup>4</sup>. Поэтому каждому признаку объективной стороны

оконченного преступления должен соответствовать определенный признак субъективной стороны, вытекающий из характеристики состава. Если в конкретном совершенном деянии представлены все признаки объективной стороны определенного состава преступления, но характеристика субъективной стороны совершенного деяния не соответствует характеристике субъективной стороны соответствующего состава преступления, нельзя говорить об оконченном преступлении данного вида. Так, если в результате действий лица был причинен тяжкий вред здоровью потерпевшего, о квалификации действий лица по ст. 111 УК РФ можно вести речь только в том случае, если субъективная сторона совершенного преступления характеризовалась умыслом, охватывающим именно такое последствие, и при этом отсутствовал прямой определенный умысел на причинение смерти. Если же установлена неосторожность по отношению к причинению тяжкого вреда здоровью либо установлен прямой определенный умысел на причинение смерти, содеянное не может образовать оконченное преступление, предусмотренное ст. 111 УК РФ, несмотря на то, что, казалось бы, в развитии объективной стороны виновный достиг момента окончания данного преступления. Таким образом, момент окончания преступления – это не просто некая точка в развитии объективной стороны преступления, определяемая характеристикой объективной стороны соответствующего состава; это момент проявления в совершаемом лицом деянии строго определенного признака объективной стороны конкретного состава преступления, отражающего ее развитие во времени, когда данный объективный признак реального деяния сопровождается соответствующим ему и вытекающим из характеристики состава признаком субъективной стороны или несколькими такими признаками.

<sup>1</sup> Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4.

<sup>2</sup> В преступлениях с альтернативными признаками, характеризующими деяние или общественно опасные последствия, момент окончания нестабилен. Он может быть связан с совершением любого из альтернативных деяний или с наступлением любого из альтернативных последствий.

<sup>3</sup> Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 17, 20.

<sup>4</sup> Там же.

УДК 343.85

**И.Н. Заварыкин**

Барнаульский юридический институт МВД России

e-mail: criminal-man@mail.ru

## АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЙ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

*В статье на основе теоретического и эмпирического материала раскрываются актуальные проблемы общей виктимологической профилактики преступлений, а также предлагается комплекс мер по их устранению.*

*Ключевые слова: виктимологическая профилактика преступлений, жертвы преступлений, детерминанты виктимогенно значимого характера, комплекс мер общей виктимологической профилактики преступлений.*

**I.N. Zavarykin**

Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

e-mail: criminal-man@mail.ru

## RELEVANT PROBLEMS OF GENERAL VICTIMOLOGICAL PREVENTION OF CRIMES

*In the article the author discloses actual problems of general victimological prevention of crimes on the basis of sufficient theoretical and empirical materials. He also proposes the complex of goal-oriented activities for their elimination.*

*Key words: victimological prevention of crimes, victims of crimes, determinants of victimological type, complex of goal-oriented activities of general victimological prevention of crimes.*

Современная система предупреждения преступлений – это комплекс государственных и общественных мер воздействия на преступность, ее детерминанты, личность преступника, а также на лиц, склонных к правонарушениям, осуществляемых в соответствии с законодательством с целью недопущения совершения противоправных деяний. Это положение логически оправданно, ведь еще Цезаре Беккариа писал, что «лучше предупредить противоправное деяние, чем карать за него»<sup>1</sup>. Однако западная модель профилактики правонарушений предусматривает еще одну грань такой деятельности – виктимологическую. Подобная работа должна быть направлена как на потерпевших, участвующих в уголовном про-

цессе официально, так и на возможных или скрытых (латентных) жертв преступлений, а также на устранение виктимогенных детерминант (факторов, причин и условий виктимизации)<sup>2</sup>.

Следует отметить, что на сегодняшний день вопросы виктимологической профилактики рассмотрены большим количеством отечественных ученых-криминологов как теоретически, так и по конкретным видам преступлений. Однако в российской правоохранительной системе до сих пор нет единой политики, которая включала бы в себя весь комплекс соответствующих предупредительных мер.

Указанная проблема существует по ряду конкретных причин, таких, как: отсутствие должного законодательства в области виктимологической

<sup>2</sup> Полубинский В.И. Криминальная виктимология. 2-е изд. М.: ВНИИ МВД России, 2008. С. 162.

предупредительной работы; недостаточное финансирование институтов государства, работающих как с потенциальными, так и с реальными жертвами преступлений; неоднозначное отношение к виктимологической профилактике со стороны органов власти, отсутствие соответствующей подготовки среди сотрудников правоохранительных органов, работников образования и т.д.

На основе анализа выявленных факторов, причин и условий виктимизации населения в зависимости от субъектов виктимологической профилактики, мы предлагаем воплотить в жизнь определенный комплекс мероприятий.

В целях улучшения общей виктимологической профилактики преступлений<sup>1</sup> необходимо внести следующие изменения в работу правоохранительной системы Российской Федерации:

1. Приказы МВД России дополнить положениями, касающимися виктимологической профилактики преступлений. Обозначить в них цели, задачи и критерии оценки такой деятельности, а также конкретизировать права и обязанности сотрудников уголовного розыска, участковых уполномоченных полиции и инспекторов по делам несовершеннолетних по ее осуществлению.

2. На основании п. 7 ст. 17 Федерального закона «О полиции» систематизировать по количественным и качественным показателям, а также по группам и видам преступлений базы данных по потерпевшим. Все это позволит упростить деятельность соответствующих подразделений органов внутренних дел по анализу качественных и количественных характеристик виктимности населения на обслуживаемой территории, выявлению виктимоопасных групп, а также организации предупредительной работы с ними.

3. Под руководством полиции из числа совершеннолетних студентов вузов, сузов и других добровольцев создать в населенных пунктах Российской Федерации волонтерские движения и народные дружины для оказания помощи в охране общественного порядка, обеспечении общественной и личной безопасности граждан и борьбе с преступностью. Ввести соответствующие выплаты

<sup>1</sup> Общая виктимологическая профилактика преступлений – деятельность, направленная на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений, если они связаны с личностью и поведением потерпевших. См.: Окс Л.Е. Некоторые проблемы совершенствования правового обеспечения виктимологической профилактики преступлений // Российский следователь. 2009. № 5. С. 29.

ты способствовавшим раскрытию преступлений и задержанию лиц, их совершивших.

4. Для формирования умений и навыков по выявлению конкретных лиц с повышенной степенью виктимности, устранению и нейтрализации факторов, обстоятельств, ситуаций, формирующих виктимное поведение и обуславливающих совершение преступлений, а также умений и навыков разработки либо совершенствования уже имеющихся специальных средств виктимологической профилактики ввести курс криминальной виктимологической подготовки сотрудников правоохранительных органов.

Исходя из того, что в настоящее время семья неспособна полностью донести все правила безопасности до несовершеннолетних, а также в целях устранения иных причин и условий, способствующих виктимизации, необходимо внести следующие изменения в систему среднего, среднего специального и высшего образования в Российской Федерации:

1. Ввести курс криминальной и педагогической виктимологии при подготовке, повышении квалификации и переквалификации педагогов средних, средне специальных и высших учебных заведений.

2. Одним из показателей работы классных руководителей, кураторов групп и т.д. ввести знание окружения учащегося, его семьи, друзей, посещение по месту жительства, взаимодействие с родителями и законными представителями, а также правоохранительными органами.

3. Ввести дисциплинарную ответственность (вплоть до увольнения) педагогов за непринятие мер к устранению причин и условий противоправного поведения в учебных коллективах, а также скрывающих подобные факты и случаи и своевременно не сообщивших об этом в правоохранительные органы.

4. В целях организации нормального полового воспитания несовершеннолетних и подготовки школьников к семейной жизни ввести в программы обучения факультативные занятия по курсу «Этика семейной жизни», преподавать этот предмет начиная с начальных классов.

5. В рамках курса правовой подготовки и общественноназначения рассказывать обучаемым о преступлениях и наказаниях за их совершение. На занятиях по безопасности жизнедеятельности разъяснять им оптимальные линии поведения при различных противоправных посягательствах. Преподавать этот предмет начиная с начальных классов.

Организовать занятия по основам самообороны в рамках физической подготовки.

6. Ввести дресс-код в учебных заведениях, рекомендовать ношение делового стиля одежды. Ввести дисциплинарную ответственность за ношение чрезмерно открытой одежды.

Помимо указанных нововведений, очень важно разъяснить родителям учеников о необходимости контроля над детьми после занятий с целью недопущения общения с сомнительными компаниями, употребления алкоголя, наркотических средств, психотропных и иных одурманивающих веществ.

Следует сказать и о том, что психологам учебных учреждений необходимо проводить работу по выявлению повышенной агрессии в молодежной среде, случаев насилия и совершения иных противоправных деяний в отношении школьников и студентов.

В сфере связей с общественностью, телекоммуникаций и СМИ органам государственной власти и местного самоуправления совместно с правоохранительными органами, учреждениями образования и здравоохранения необходимо размещать информацию на улицах населенных пунктов, в школах, вузах, сузах, в общественном транспорте о недопущении преступлений, а также контактные номера телефонов правоохранительных органов, медицинских учреждений и «кризисных центров».

На наш взгляд, в Российской Федерации следует активизировать работу по пропаганде здорового образа жизни, нормальных семейных отношений, а также по антиалкогольной, антинаркотической пропаганде. С учетом состояния и динамики преступлений необходимо демонстрировать телепрограммы, посвященные способам организации личной безопасности и самообороны от преступных посягательств, доводить до населения оперативную информацию и статистические данные о совершенных на территории населенных пунктов преступлениях, рекомендовать носить с собой средства индивидуальной защиты и самообороны.

Способами «продвижения» и доведения вышеуказанной информации до населения, на наш взгляд, должны выступать:

1) социальная реклама, демонстрируемая по каналам телевидения, Интернет, СМИ и радио;

2) баннеры, постеры и растяжки в людных местах населенных пунктов, транспорте, учреждениях здравоохранения, образования и т.д.;

3) занятия с учащимися образовательных учреждений с привлечением медиков, психологов и сотрудников комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав;

4) беседы руководителей правоохранительных органов с гражданами в ходе телемостов или *on-line*, а также личного общения.

Реализация вышеуказанных мероприятий позволит сократить количество совершаемых преступлений и защитить население от преступных посягательств.

УДК 340.113

**А.В. Литвинова**

соискатель Южно-Уральского государственного университета

e-mail: aelita@mail.ru

## К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ТЕРМИНА «ПРАВООРЯДОК» В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

*В статье анализируются и систематизируются различные научные подходы к определению правового порядка.*

*Ключевые слова. Правовый порядок, законность, общественный порядок.*



**A. V. Litvinova**

doctoral candidate of South-Ural State University

e-mail: aelita@mail.ru

## ON THE CONCEPT OF THE TERM «LAW ORDER» IN RUSSIAN LAW

*Various scientific approaches to the definition of the rule of law are systemized and analyzed in this article.*

*Key words: law order, lawfulness, public order.*

В тексте Конституции Российской Федерации термин «правовый порядок» встречается лишь один раз, подп. «б» ч. 1 ст. 72 фиксирует положение, согласно которому защита прав и свобод человека и гражданина, прав национальных меньшинств, обеспечение законности, правового порядка, общественной безопасности находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. Единичное упоминание термина «правовый порядок» во всем не означает, что сама идея правового порядка в Основном законе страны отодвинута на задний план. Напротив, анализ конституционных норм и действующего законодательства позволяет утверждать, что вопросам правового порядка в современном российском обществе уделяется значительное внимание. По справедливому мнению О.П. Сауляк, практически любое теоретическое исследование, выполненное отечественными правоведом, прямо или косвенно затрагивает вопросы совершенствования правового порядка в Российской Федерации<sup>1</sup>.

Формирование гражданского общества и правового государства предполагает наличие ста-

бильности, устойчивости, должного правового порядка во всех важнейших сферах общественной и частной жизни членов общества. Только на такой основе действуют все механизмы, обеспечивающие реализацию прав, свобод, рациональных интересов и потребностей каждой личности. Правовый порядок как составная часть общественного порядка является стержневой основой полноценного функционирования государственных органов и институтов гражданского общества.

Будучи составной частью порядка<sup>2</sup>, правовой порядок представляет собой состояние (режим) правовой упорядоченности (урегулированности и согласованности) определенной части общественных отношений, складывающихся в условиях действия принципа законности, основанного на точном и полном осуществлении предписаний юридических норм всеми субъектами права<sup>3</sup>. Аналогичного подхода придерживается известный австрийский юрист Петерс в своем учебнике

<sup>2</sup> Рассматривать правовой порядок как элемент и составную часть порядка предлагает Н. Колоколов. См.: Колоколов Н. Законность и правовой порядок: в поисках новых парадигм // Мировой судья. 2009. № 10. С. 11.

<sup>3</sup> Скакун О.Ф. Теория государства и права: Энциклопедический курс. Харьков, 2005. С. 723-724.

административного права, где под правопорядком понимается «совокупность всяких правил поведения индивидуума в обществе, которые по господствующим взглядам характеризуются как непосредственные предпосылки упорядоченного сосуществования государства и граждан»<sup>1</sup>.

Однако, несмотря на значительное число работ по вопросам правопорядка, многие аспекты этого политико-правового и социально-культурного феномена все еще остаются малоисследованными или крайне дискуссионными.

При всей своей ключевой значимости и традиционно широком использовании термин правопорядок не имеет ни нормативного, ни общепризнанного научного определения. Словарь современного русского литературного языка трактует понятие «порядок» как «состояние благоустроенности, надежности и организованности», противопоставляя его «беспорядку, хаосу»<sup>2</sup>.

В отечественной юридической литературе существуют различные концепции в понимании и определении термина «правопорядок». Так, можно выделить следующие основные подходы.

Первый подход: правопорядок – система правоотношений. Этой концепции придерживаются, например, П.Е. Недбайло, Л.И. Спиридонов, Н.А. Стручков, И.Ф. Рябко<sup>3</sup>.

С подобным пониманием правопорядка как системы правоотношений можно было бы согласиться (действительно, основой правопорядка являются правоотношения как нормативно упорядоченная разновидность общественных отношений), однако правопорядок нельзя отождествлять только с правоотношениями даже в их системном выражении. Система правоотношений будет существовать, если определенный круг общественных отношений будет урегулирован правом. То есть достаточно, чтобы взаимные субъективные права и юридические обязанности участников отношений были предусмотрены в правовых нормах. Вместе с тем «для существования правопорядка этого недостаточно, необходимо наличие

гарантированной возможности осуществления субъективных прав, обеспечения исполнения юридических обязанностей»<sup>4</sup>. Правопорядок как правовая категория выходит за рамки правоотношений и обладает отдельными качествами, несвойственными правоотношениям. Правоотношения – это одна из граней правопорядка<sup>5</sup>, или, как отмечает Т.М. Шамба, правопорядок – это состояние отношений<sup>6</sup>.

В последнем случае понятие «состояние» не сводится к понятию «система» или «совокупность» и характеризует качество явления, а не его внешнюю сторону. С помощью категории состояния выражается процесс изменения и развития вещей и явлений, сводящихся к изменению их свойств и отношений. Характеристика состояния вещей важна для раскрытия их сущности<sup>7</sup>.

Второй подход: правопорядок – состояние урегулированности общественных отношений на основе права и законности. Указанный подход развивали, например, Б.Г. Баланик, А.М. Васильев, П.М. Рабинович, И.С. Самощенко, Ю.А. Соколов, Р.Т. Мухаев<sup>8</sup>. Правопорядок «неотделим от понятия права и можно утверждать, что там, где есть право, есть и правопорядок, и наоборот», – отмечает А.В. Поляков<sup>9</sup>.

Данное понимание правопорядка представляется нам слегка упрощенным. В частности, правопорядок не появляется «автоматически», а базируется на основе сложного взаимодействия участников правоотношений. В контексте комментируемых положений к таким участникам относятся органы публичной власти (деятельность которых выражена в нормативно-правовых ак-

<sup>4</sup> Александров Н.Г. Социалистическая законность // Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право. М., 1973. С. 130.

<sup>5</sup> Гильманова Л.З. К вопросу о понятии «правопорядок» // Российский следователь. 2009. № 7. С. 32.

<sup>6</sup> Шамба Т.М. Советская демократия и правопорядок. М., 1985. С. 46.

<sup>7</sup> Более подробно см.: Шамба Т.М. Советская демократия и правопорядок. М., 1985.

<sup>8</sup> Баланик Б.Г. Теория государства и права. М., 1963. С. 173; Васильев А.М. Правовые категории. М., 1976. С. 181; Рабинович П.М. Упрочение законности – закономерность социализма. Львов, 1975. С. 67-68; Самощенко И.С. Понятие правонарушения по советскому законодательству. М., 1963. С. 47-51; Соколов Ю.А. Участие трудящихся в охране советского общественного порядка. М., 1962. С. 12; Мухаев Р.Т. Теория государства и права. М., 2005. С. 508.

<sup>9</sup> Поляков А.В. Общая теория права: курс лекций. СПб., 2001. С. 631.

тах, правоприменительной деятельности органов государства, должностных лиц) и население, имеющее определенный уровень правосознания. Основной недостаток такого подхода в том, что правопорядок сводится лишь к упорядоченности, когда теоретически законодатель должен всего лишь упорядочить перечень субъектов, их правовой статус, отношения и состояния, связи между ними, правила правового поведения.

Третий подход: правопорядок – это упорядоченность общественных отношений, выраженная в правомерном поведении. Подобную концепцию поддерживают, например, В.Н. Казаков, Г.С. Котляревский, А.Б. Лисюткин, И.В. Тимошенко<sup>1</sup>.

При таком подходе характеризуется не сам правопорядок как таковой, а его нормативно закреплённая идеальная модель, за пределами которой остаются все противоправные явления. Правопорядок понимается как результат исключительно правомерного поведения субъектов. Но это вступает в прямое противоречие с объективной реальностью, с одной стороны, и с научными публикациями по проблемам охраны и поддержания правопорядка, с другой стороны. Злоупотребление правом, правонарушения, преступления – это вполне реальные явления правовой действительности, непосредственно влияющие на состояние правопорядка.

Четвертый подход: правопорядок – прочный и устойчивый режим законности. Этой точки зрения придерживаются, например, А.И. Денисов, М.С. Строгович<sup>2</sup>.

Иначе говоря, отдельные авторы уравнивают термины «законность» и «правопорядок».

Как нам представляется, режим законности – это условия, при которых функционирует закон, в то время как правопорядок – это результат, итог осуществления норм права в режиме законности. Одним словом, законность обеспечивает исполне-

<sup>1</sup> Казаков В.Н. Правопорядок в юридической теории и практике: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. С. 97; Котляревский Г.С., Назаров Б.Л. Проблемы общей теории права: учебное пособие по спецкурсу: вып. 1. М., 1973. С. 22; Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 1997. С. 522; Тимошенко И.В., Любашин В.Я., Мордочев А.Ю. Теория государства и права. Ростов-на-Дону, 2002. С. 484.

<sup>2</sup> См.: Денисов А.И. Развитие советской демократии и укрепление правопорядка на современном этапе. М., 1967. С. 9; Строгович М.С. Социалистическая законность, правопорядок и применение советского права. М., 1966. С. 27-28; Общая теория права: учебник для юридических вузов / под общ. ред. А.С. Пиголкина. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 1996. С. 262.

ние законов, а правопорядок является результатом такого исполнения. Конечно, нельзя отрицать роль законности в обеспечении правопорядка, которая значительна. Без режима законности не было бы и правопорядка<sup>3</sup>. В.В. Борисов правильно подчеркивает, что законность как нормотворческий и правореализационный процесс выступает основным и всеобъемлющим средством установления правопорядка<sup>4</sup>. После чего им предлагается триединая модель, включающая в себя право – законность – правопорядок, которые с учетом данной последовательности определяются следующим образом: «Право – оформление государственной воли... в закон... в обязательное правило, ее объективирование. Законность – реализующееся право, правовое качество воли, процесса ее реализации. Правопорядок – реализованная государственная воля, претворенная в жизнь право»<sup>5</sup>.

Приведенные выше разноплановые дефиниции правопорядка объединяет один общий момент. В каждой из них правопорядок предстает как некое идеальное образование, поскольку за его пределами остаются все противоправные явления. Он выступает как результат неукоснительной реализации юридических норм, исключительно правомерного поведения субъектов права, реализованная законность<sup>6</sup>. При подобном подходе правопорядок предстает идеальной моделью, которая не согласуется с объективной реальностью.

На реальность правопорядка обращает внимание С.С. Алексеев, который понимает под правопорядком состояние фактической упорядоченности общественных отношений, выражающее реальное, практическое осуществление требований законности. «Правопорядок, – пишет он, – результат законности, характеризующий степень осуществления ее требований. Если законность представляет собой режим общественно-политической жизни, который вводит известные требования, то правопорядок – это уже фактическое состояние упорядоченности общественных отно-

<sup>3</sup> Рабинович П.М. Упрочение законности – закономерность социализма. Львов, 1975. С. 68.

<sup>4</sup> Борисов В.В. О связи правопорядка и правоотношений // Вопросы теории государства и права: межвуз. сб. Саратов, 1983. С. 363.

<sup>5</sup> Там же. С. 362.

<sup>6</sup> Сауляк О.П. Конституция Российской Федерации и укрепление правопорядка // Российский судья. 2006. № 3. С. 23.



шений, та нормальная жизнь, которая наступает в результате реализации требований законности»<sup>1</sup>.

Н.Г. Александров<sup>2</sup>, В.В. Борисов<sup>3</sup>, М.И. Байтин<sup>4</sup>, О.П. Сауляк<sup>5</sup> и многие другие исследователи подчеркивают неразрывность законности и правопорядка.

Правопорядок, отмечает М.И. Байтин, представляет собой «порядок в общественных отношениях, регулируемых правом, при котором гарантируется реализация субъективных прав и юридических обязанностей участников правоотношений, обеспечиваются их правомерное поведение, осуществление законности»<sup>6</sup>.

Итак, реальное проявление правопорядка в жизнедеятельности членов общества естественно связывается с фактором проявления потенциала права и наличия режима законности. В свою очередь, законность опосредована наличием и функционированием соответствующих законов. Отсюда логически следует вывод, что от содержания и качества действующих законов зависят и режим законности, и состояние складывающегося в обществе правопорядка. Роль законодательного корпуса, т.е. «личность законодателя» в принятии законов, является решающей<sup>7</sup>.

Действующие в обществе законы – та первооснова, которая непосредственно отражает и затрагивает интересы и потребности, социальный и правовой статус большинства членов общества<sup>8</sup>.

Так, Л.С. Явич писал: «Полная и беспрепятственная реализация права может иметь место тогда, когда законы государства верно отражают объективные закономерности общественного развития и когда в стране существует режим законности. Под последним надо понимать такие экономические и политические условия..., при которых соблюдение законов государства, неприкосновенность прав граждан и добросовестное исполнение обязанностей являются принципом деятельности всех государственных органов и негосударственных (общественных) организаций, поведения должностных лиц и граждан»<sup>9</sup>.

Истинная сущность правопорядка проявляется лишь тогда, когда личность, ее права и свободы признаются высшей ценностью не декларативно, а практически повседневно, буднично. В этом случае можно говорить о весьма высокой стадии реально сложившегося в недрах общественной и частной жизни правового порядка. Такая высокая шкала правопорядка достижима лишь в условиях становления и функционирования гражданского общества и правовой государственности.

Именно в гражданском обществе «право вышестояет над властью (политикой), ставит в центр общественной жизни человека, его достоинство, высший статус и неотъемлемые права»<sup>10</sup>. Эти ценностные правовые начала пронизывают содержание правовых законов, обуславливают правопорядок в системе общественных отношений. Правовая основа гражданского общества и правового государства аккумулируется потенциалом правовых законов, которые призваны иметь системный характер, т.е. занимать господствующее положение во всей совокупности нормативно-правовых актов. Известно, что верховенство именно правового закона является одним из ведущих признаков правового государства и несомненной ценностью гражданского общества. Интегрированный правовыми законами порядок в системе сущностных общественных отношений становится истинно правовым<sup>11</sup>.

Таким образом, по мере созревания основ гражданского общества и правового государства

<sup>9</sup> Явич Л.С. Сущность права: социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической нормы. Л., 1985. С. 154.

<sup>10</sup> Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001. С. 692.

<sup>11</sup> Нехаева У.И. Правопорядок и правовые законы: соотношение в условиях формирования гражданского общества и правового государства // Юристы – Правоведь. 2009. № 4. С. 79.

постепенно усматривается наличие непосредственной взаимосвязи между расширяющейся системой правовых законов и позитивным совершенствованием и развитием правопорядка во всех ведущих областях жизнедеятельности членов общества.

Разумеется, качество правопорядка обусловлено не только потенциалом действующих законов. Именно поэтому парламенты всех стран как представительные органы наделены значительными контрольными полномочиями<sup>1</sup>, в т.ч. по вопросам поддержания правопорядка.

Подводя итог рассмотрению такого социально-правового явления, как «правапорядок», следует признать, что оно является многомерным.

«Реальное состояние правопорядка обусловлено не только юридическими, но и социальными факторами: экономическими, политическими, гуманитарными и др. Такое видение правопорядка диктует необходимость отказаться от так называемого юридического детерминизма, согласно которому решить все проблемы правопорядка возможно, опираясь лишь на арсенал юридических методов и средств»<sup>2</sup>. Именно при таком подходе появляется возможность максимально полно и системно проанализировать полномочия и функции любых органов власти (не только правоохранительных, но и иных исполнительных, судебных и даже законодательных) в сфере охраны правопорядка.

<sup>1</sup> Алексеев С.С. Общая теория права: учебник. 2-е изд. М., 2008. С. 164-165.

<sup>2</sup> Александров Н.Г. Социалистическая законность // Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право. М., 1973. С. 130.

<sup>3</sup> Борисов В.В. Некоторые актуальные вопросы развития правового порядка // Вопросы теории государства и права: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.И. Байтина. Саратов, 1998. Вып. 1 (10). С. 21.

<sup>4</sup> Байтин М.И. Сущность права. Современное нормативное правопонимание на грани двух веков. М., 2005. С. 416-421.

<sup>5</sup> Сауляк О.П. Законность и правопорядок: на пути к новым парадигмам. М.: Юрлитинформ, 2009.

<sup>6</sup> Байтин М.И. Сущность права. Современное нормативное правопонимание на грани двух веков. М., 2005. С. 420.

<sup>7</sup> Карасев А.Т., Савоськин А.В., Морозова А.С. Представительная власть как вид публичной власти // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 6. С. 136.

<sup>8</sup> Нехаева У.И. Правопорядок и правовые законы: соотношение в условиях формирования гражданского общества и правового государства // Юристы – Правоведь. 2009. № 4. С. 78.

<sup>1</sup> См., например: Еллинек Г. Право современного государства. Общее учение о государстве. СПб., 1903. С. 530; Авакьян С.А. Федеральное Собрание – Парламент России. М., 1999. С. 405-406; Автономов А.С. Парламентское право России: учебное пособие. М., 1999. С. 182-205; Гранкин И.В. Парламент России. М., 2001. С. 325-329; Карасев А.Т., Савоськин А.В. Представительная (законодательная) власть в России: конституционно-правовое исследование. Екатеринбург: Изд-во Уральского юридического института МВД России, 2008. С. 104-128; Коврякова Е.В. Парламентский контроль: зарубежный опыт и российская практика. М., 2005. С. 8-14; Корнилова А.А. Теория парламентского контроля в контексте принципа разделения властей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа 2002; Современный парламент: теория, мировой опыт, российская практика / под общ. ред. О.Н. Булакова. М.: Изд-во «Эксмо», 2005. С. 77-97.

<sup>2</sup> Сауляк О.П. Законность и правопорядок: на пути к новым парадигмам. М.: Юрлитинформ, 2009. С. 57.

УДК 343.97 (571)

Р.А. Семенюк, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

e-mail: ruslanbarnaul@mail.ru

## КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СИБИРСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

В представленной статье рассматриваются количественно-качественные характеристики основных составов насильственных преступлений. Автором проанализированы статистические данные преступлений насильственной направленности, детерминанты насилия, сделаны соответствующие теоретические выводы. Изложенные положения имеют как научную, так и практическую значимость.

Ключевые слова: насилие, насильственные преступления, Сибирский федеральный округ.



R.A. Semenyuk, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences)

Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

e-mail: ruslanbarnaul@mail.ru

## CRIMINOLOGICAL ANALYSIS OF VIOLENT CRIME IN THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT

The present article deals with the quantitative and qualitative characteristics of the main kinds of violent crimes. The author analyzes the statistics of violent crime, the determinants of violence and makes theoretical conclusions. The provisions of the article are both of scientific and practical value.

Key words: violence, violent crime, the Siberian Federal District.

В последние годы на территории России и Сибирского федерального округа (далее – СФО) наблюдается снижение преступности в целом и насильственных преступлений в частности, однако качественные изменения преступлений на-

сильственной направленности по-прежнему имеют негативную тенденцию: устойчивость криминальной среды, агрессивность, вооруженность.

Рассмотрим основные показатели наиболее распространенных насильственных преступлений. Эти сведения изложены в таблице 1.

Таблица 1

Состояние, динамика и структура основных составов насильственных преступлений на территории России за 2008-2011 гг.<sup>1</sup>

Преступление	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Убийство	20056	17681	15324	14091
Темп прироста, в %	-9,8	-11,8	-13,3	-8
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	45436	43112	39745	38512
Темп прироста, в %	-4	-5,1	-7,8	-3,1
Изнасилование	6208	5398	4907	4801

<sup>1</sup> Необходимо учитывать, что в таблице отражен удельный вес насильственных преступлений по отношению ко всем составам, предусмотренным главами 16, 17, 18 УК РФ, однако некоторые из них насильственными не являются.

Преступление	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Темп прироста, в %	-11,8	-13	-9	-2,2
Насильственные действия сексуального характера	4842	4726	4292	5047
Темп прироста, в %	-5,8	-2,4	-9,1	+17,6
Всего насильственных преступлений по России (главы 16, 17, 18 УК РФ)	426950	416034	354594	326735
Всего преступлений по России	3209862	2994820	2628799	2404807
Удельный вес насильственных преступлений по соотношению со всеми зарегистрированными преступлениями в России, в %	13,3	13,9	13,4	13,6

Из таблицы видно, что в группе опасных насильственных преступлений самым распространенным является умышленное причинение тяжкого вреда здоровью. Их удельный вес в структуре всех зарегистрированных преступлений в 2011 г. составил 1,6%, а в структуре насильственных преступлений – 12%. Удельный вес насильственных преступлений в структуре преступности в целом остается стабильным (более 13%).

К насильственным преступлениям против половой неприкосновенности и половой свободы личности относятся изнасилование и насильственные действия сексуального характера (ст. 131, 132 УК России). Суммарно в структуре зарегистрированной преступности в России в 80-х гг. XX в. они составляли 2-3%, в 2001-2005 гг. – около 1%. С

2007 по 2011 гг. удельный вес изнасилований составляет около 0,2%.

Доля изнасилований в структуре половых преступлений, по мнению различных ученых и специалистов, колебалась от 80-85% до 90-95%<sup>1</sup>. Однако данные уголовной статистики 2011 г. показывают, что изнасилования (по количеству и структуре) стали уступать насильственным действиям сексуального характера (см. таблицы 1, 2). Так, в 2011 г. удельный вес изнасилований в структуре насильственной преступности составил 1,5%, а удельный вес насильственных действий сексуального характера – 1,57%.

Похожая динамика на снижение насильственной преступности по всем показателям наблюдается и в Сибирском федеральном округе (см. таблицы 2, 3).

Таблица 2

Состояние и структура основных составов насильственных преступлений на территории Сибирского федерального округа за 2009-2011 гг., 6 мес. 2012 г.

Категории (составы) зарегистрированных преступлений	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	6 мес. 2012 г.
Преступления против жизни и здоровья	74783	72580	62711	59338	30581
Убийство	4070	3549	3155	3032	1542
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	11366	10751	9868	9321	4732
Побои	16184	16113	13515	12341	6455
Преступления против свободы, чести и достоинства личности	3049	2971	2557	1830	121
Изнасилование	1097	847	887	840	390
Насильственные действия сексуального характера	748	706	721	822	407
Всего насильственных преступлений по СФО (главы 16,17,18 УК России)	80424	77787	67553	63710	31805

<sup>1</sup> См.: Преступность и реформы в России. 2004. С. 155; Антонян Ю.М., Могачев М.И. Состояние и особенности сексуальной преступности: учебное пособие. М.: ВНИИ МВД России, 2004. 66 с.

Категории (составы) зарегистрированных преступлений	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	6 мес. 2012 г.
Всего преступлений по СФО	553160	516209	457773	418983	204250
Удельный вес насильственных преступлений по соотношению со всеми зарегистрированными преступлениями в СФО, в %	14,5	15	14,7	15,2	15,5

Из вышеуказанных таблиц видно, что удельный вес насильственной преступности в СФО (около 15%) превышает общероссийский показатель (чуть более 13%).

Таблица 3

**Количество выявленных лиц, совершивших насильственные преступления на территории Сибирского федерального округа, за 2009-2011 гг. и 6 мес. 2012 г.**

Выявлено лиц, совершивших:	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	6 мес. 2012 г.
Преступления против жизни и здоровья	52720	53020	47573	44761	23342
Убийство	3894	3553	3166	2716	1359
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	9235	9194	8645	8329	4278
Побои	9469	10046	8739	7980	4258
Преступления против свободы, чести и достоинства личности	2169	2198	1849	1616	141
Изнасилование	1094	921	857	826	380
Насильственные действия сексуального характера	607	548	549	529	234
Насильственные преступления по СФО (главы 16,17,18 УК России)	56841	56992	51065	48023	24219
Всего лиц по СФО	239368	231635	210618	198098	97945
Удельный вес лиц, совершивших насильственные преступления, по соотношению со всеми выявленными преступниками в СФО, в %	23,7	24,6	24,2	24,2	24,7

Исходя их таблиц, видно, что как минимум каждое шестое преступление, совершаемое в Сибирском федеральном округе, насильственное; каждый четвертый преступник совершает насильственное преступление. Насильственных действий сексуального характера в 2012 г. по СФО (по России в 2011 г.) стало регистрироваться больше, чем изнасилований. В 2010-2011 гг. наблюдается небольшой рост насильственных половых преступлений, остальные насильственные составы с 2006 г. снижаются, но, несмотря на это, их удельный вес остается стабильным и даже имеет незначительную тенденцию к росту в СФО. Так, в 2008 г. удельный вес насильственной преступности в СФО составил 14,5%, а в 2011 г. – 15,5%

(см. таблицы 2, 3). Также статистические данные за 6 месяцев 2012 года говорят об устойчивости рассматриваемых преступлений.

Актуальной проблемой сегодня остается насильственное поведение в семье, нередко сопровождающееся жестокостью (в 25,8% изученных случаев), садизмом (12,5%), издевательствами над потерпевшим (29,6%), особой дерзостью (39,8%), а также совершается с использованием беспомощного состояния потерпевшего (36,3%).

Совершение большинства насильственных преступлений сопровождается применением различных видов оружия и предметов (как правило, хозяйственно-бытового назначения – кухонный нож, посуда, иные кухонные принадлежности,

предметы домашней мебели и т.п.), используемых в качестве оружия (соответственно в 1,4% и 54,4% изученных случаев)<sup>1</sup>.

К детерминантам насильственного поведения в Сибирском федеральном округе относятся финансово-экономические трудности, невозможность достойно обеспечить жизнь при помощи законных способов деятельности. В последние годы по-прежнему высока доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума. Низкий материальный уровень значительной части населения и расслоение общества по объему доходов негативно влияют на восприятие людей молодого возраста, в котором земные блага, недоступные, но так широко представленные во владении богатых людей, на витринах магазинов и в средствах массовой информации,

имеют особую притягательность. Молодежь из необеспеченных и малообеспеченных семей особенно ярко чувствует разрыв в доходах, растет чувство зависти, неуверенности, ущемленности, что в качестве психологической компенсации порождает ожесточение и агрессивность.

Также одним из наиболее сильных социальных дестабилизирующих факторов является безработица. В Сибирском федеральном округе удельный вес безработных по-прежнему составляет более 8% (см. таблицу 4), в особенности безработица актуальна в далеких от городов сельских регионах. В семейных отношениях возрастает межличностное напряжение из-за неуверенности в материальном достатке.

Таблица 4

**Занятость и безработица в Сибирском федеральном округе**

Год	Экономически активные	Занятые	Безработные	Уровень безработицы
2011	10 207 000	9 370 000	837 000	8,20
2010	10 219 000	9 325 000	894 000	8,75
2009	10 175 000	9 105 000	1 070 000	10,52
2008	10 249 000	9 396 000	853 000	8,32

Естественно, что в обществе, где на первом месте стоит вопрос материального благосостояния, страдает духовная культура. Противоречия в духовно-нравственной сфере реализуются в насаждении идеологических догматов, националистических призывах отдельных общественных деятелей, конфликтах на национально-этнической почве, культе насилия, агрессивности, разнузданности.

Остается острой и проблема «пьяной» преступности. На территории Сибирского федерального округа почти треть преступлений (33%) совершается в состоянии опьянения. В целом по России количество лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения, возросло на 22,5%, по Сибирскому федеральному округу – на 13,7%. Состояние опьянения приводит к снижению самоконтроля за поведением, возникновению конфликтов, к разрыву семейных и других социально полезных связей. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что пьянство

тесно связано с насильственной преступностью. В подтверждение этого свидетельствуют показатели тотальной борьбы с пьянством и алкоголизмом в 1966, 1972, 1986, 1987 гг., которая приводила к сокращению убийств, причинения вреда здоровью, хулиганства (на 40-50%).

Еще более сильное негативное влияние на насильственную преступность оказывает наркомания. Согласно полученным в ходе мониторинга за 2011 год данным, наркоситуация в Сибирском федеральном округе продолжает оставаться напряженной. На учете с диагнозом «наркомания» состоит более 66 тыс. человек, 33 тыс. человек зарегистрированы в качестве потребителей наркотиков с вредными последствиями, около 30 тыс. наркопотребителей отбывают наказание в учреждениях пенитенциарной системы. В СФО в 2011 г. зарегистрировано более 37 тыс. наркопреступлений и 1383 человека умерло от отравления наркотиками.

Напряженность наркоситуации в СФО напрямую зависит от двух основных факторов: непрекращающегося наркодавления со стороны Афганистана и наличия собственной сырьевой базы

<sup>1</sup> Ильяшенко А.Н. Современные тенденции насильственной преступности в семье (по материалам правоохранительной практики в областях Центрально-Черноземного района). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

наркотиков каннабисной группы, сосредоточенной в основном в Республиках Бурятия и Тыва.

Подводя итог, отметим, что удельный вес насильственных преступлений в Сибирском федеральном округе, несмотря на их количественное снижение, в последние годы стабилен. Причем удельный вес насильственной преступности в СФО (около 15%) превышает общероссийский показатель (более 13%). Актуальными остаются

такие проблемы, как насильственное поведение в семье, финансово-экономические трудности, безработица населения СФО (более 8%), большая часть (почти треть) совершения преступлений в состоянии опьянения, наркотизация населения Сибирского федерального округа. Эти детерминанты необходимо учитывать при разработке мер предупреждения насильственных преступлений и планировании предупредительных мероприятий.

УДК 343.2

**А.Ф. Федоров**, канд. пед. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

e-mail: fedoroffaf@mail.ru

## ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В СВЕТЕ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ РЕФОРМИРОВАНИЯ УИС

*В статье дается анализ динамики рецидивной преступности, ее основных причин, приводятся аргументы о необходимости реформирования уголовно-исполнительной системы с целью снижения уровня преступного рецидива.*

*Ключевые слова: лишение свободы, рецидив преступлений, рецидивная преступность, уголовное наказание, уголовно-исполнительная система.*



**A.F. Fyodorov**, Ph.D. (Candidate of Pedagogic Sciences), assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

e-mail: fedoroffaf@mail.ru

## PREVENTION OF CRIME REPETITION IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS IN THE REFORMING CONDITIONS OF THE PENITENTIARY SYSTEM

*The author analyses the dynamics of crime repetition, its main causes. There are arguments about the penitentiary system reforming in order to reduce the level of criminal recidivism.*

*Key words: deprivation of liberty, the relapse of crimes, crime repetition, the criminal punishment, the penitentiary system.*

За последние двадцать лет в нашей жизни произошли, безусловно, глобальные изменения, которые привели к тому, что мы стали жить в новой стране с совершенно другими, чем были ранее, политическими и экономическими отношениями, нравственными и духовными ценностями. Эти преобразования коснулись практически всех сторон жизни общества, государства, граждан и породили множество проблем, в т.ч. значительный рост преступности, ее качественное изменение. Появились новые для наших граждан виды преступлений, некоторые из которых стали представлять реальную угрозу даже национальной безопасности страны. Однако, наряду с огромным количеством вновь возникших видов преступности, никуда не исчезли и многие имевшиеся ранее, которые по-прежнему не теряют актуальности и

к числу которых с полным правом можно отнести рецидивную преступность.

На заседании президиума Государственного Совета «О состоянии уголовно-исполнительной системы России» 11 февраля 2009 г. в г. Вологде Президент России Д.А. Медведев отмечал, что каждый год из мест лишения свободы освобождается в среднем до 300 тысяч человек и при этом, конечно, необходимо обращать внимание на так называемую повторность, или рецидив, в совершении преступлений.

Действительно рецидивная преступность была и остается серьезной проблемой нашего общества. Об остроте данной проблемы свидетельствуют статистические данные о преступности последних лет. В 2008 г. из выявленных 1256199 преступников 377401 человек ранее уже совершал преступления. В 2009 г. таких было уже 390549 из

1219789 человек, в 2010 г. – 397403 из 1111145, а в 2011 г. 401894 из 1041340 выявленных преступников.

Профессор Э.Ф. Побегайло считает преступный рецидив важным индикатором эффективности уголовной политики. По его мнению, «тенденции рецидивной преступности в России в течение уже длительного времени весьма неблагоприятны. Анализ статистической отчетности свидетельствует о росте как абсолютного числа, так и интенсивности преступлений, совершаемых рецидивистами. Растет специальный рецидив, что указывает на интенсивные процессы профессионализации преступной деятельности. Повышается удельный вес многократного, пенитенциарного, постпенитенциарного, опасного и особо опасного рецидива. Обращает на себя внимание рост рецидивной преступности лиц, находящихся под следствием и судом»<sup>1</sup>.

Такая неутешительная динамика преступного рецидива зависит от многих причин, наиболее значимыми из которых, на наш взгляд, являются отсутствие полноценной социальной реабилитации осужденных, освобождающихся из мест лишения свободы, широкое распространение «субкультуры осужденных», незанятость осужденных трудом. Это, конечно же, далеко не полный перечень причин, однако многие из них можно и необходимо начинать устранять уже с самого начала процесса отбывания наказания.

И в этом плане, по нашему мнению, важнейшим инструментом борьбы с преступным рецидивом должны стать органы уголовно-исполнительной системы, которые в настоящее время не в полной мере справляются с задачами, определенными им законом, т.к. совершение лицом, привлеченным к уголовной ответственности, в отношении которого вынесен обвинительный приговор суда, нового преступления свидетельствует о том, что меры воздействия на него не дали положительного результата. То есть, как совершенно верно отметил А.М. Яковлев, «рецидив означает фактическое отрицание, опровержение в данном конкретном случае государственных и общественных мер, применявшихся к данному субъекту и соответственно уголовно-правовых

институтов, построенных с единственной целью – пресечь преступление»<sup>2</sup>.

Однако применительно к уголовно-исполнительной системе исследования С.У. Дикаева свидетельствуют о том, что 94% лиц, отбывающих и отбывших уголовное наказание не испытывают и никогда не испытывали никакого воздействия, которое бы их облагораживало, возвышало духовно и нравственно, прививало им чувства справедливости, уважения к законам и т.д.<sup>3</sup>

Неблагоприятная обстановка в местах лишения свободы во многом связана с неудовлетворительным состоянием режима. В 2011 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы было совершено 799 преступлений, из которых 10 убийств, 36 случаев причинения тяжкого вреда здоровью, 222 побега.

Также не на должном уровне находится воспитательная работа, которая тоже относится к основным средствам исправления осужденных и представляет собой систему педагогически обоснованных мер, способствующих преодолению личностных деформаций осужденных, их интеллектуальному, духовному и физическому развитию.

Проведенные нами исследования показали, что сегодня среди значительной части населения нашей страны, в т.ч. и среди подавляющего большинства осужденных, серьезно ослабло уважение к таким, казалось бы, непререкаемым ценностям, как долг, самоотверженность, дисциплина, уважение к людям. На первое место выходят такие установки, которые помогают преуспеть в жизни и взять от нее все любой ценой. Нами не было выявлено ни одного осужденного-убийцы, который бы реально осознал свою вину, раскаялся и считал бы назначенное наказание справедливым. В таких условиях, когда у взрослого человека сложились уже достаточно устойчивые стереотипы поведения, конечно же, очень сложно найти пути и методы правильного корректирующего воздействия. Проблема осложняется еще и тем, что, несмотря на имеющиеся методики, далеко не каждый сотрудник имеет педагогические знания и способности, владеет навыками применения данных методик, и поэтому часто работа проводится лишь

<sup>2</sup> Яковлев А.М. Проблемы борьбы с рецидивной преступностью: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1965.

<sup>3</sup> Дикаев С.У. Кризис лишения свободы в контексте проблемы социальной адаптации лиц, отбывших и отбывающих наказание в виде лишения свободы // Российский криминологический взгляд. 2007. № 2. С. 197-202.

формально. Понятно, что от одной или нескольких формальных бесед мировоззрение осужденных не изменится, стремление к исправлению имеющихся личностных негативных качеств и саморегуляции своего поведения не появится. С другой же отрицательной стороны, осужденные постоянно (ежедневно) контактируют с представителями собственной среды, где подвержены массивному воздействию так называемой «криминальной субкультуры», являющейся, на наш взгляд, одной из основных причин преступности как в местах лишения свободы, так и на свободе, тем более что контингент, содержащийся сегодня в условиях изоляции, весьма запущен и сложен с педагогической и социальной точек зрения. Из 708,3 тысяч человек, находящихся в учреждениях УИС, на 1 ноября 2012 г. 140480 (19,8%) осуждены за убийство, 60932 (8,6%) – за причинение тяжкого вреда здоровью, 53621 (около 7,6%) – за грабеж, 61823 (8,7%) – за разбой.

Особое внимание хотелось бы уделить таким важнейшим средствам исправления, как общественно полезный труд, общее и профессиональное образование. На наш взгляд, ситуация с реализацией данных средств исправления крайне неудовлетворительная.

По данным ФСИН России, работой заняты около 160 тысяч осужденных. Не трудно подсчитать, что это только 22,6% от всех находящихся в учреждениях УИС, при том что всего 6443 осужденных из более чем 708 тысяч перешагнули пенсионный 60-летний возраст.

Как следствие, проблематично в таких условиях эффективное профессиональное и общее обучение, несмотря на то, что в уголовно-исполнительной системе действуют 333 ПТУ и 319 вечерних образовательных школ. Без реализации полученных знаний на практике они быстро забываются. Более того, получается, что даже имевшие профессию осужденные в большинстве своем при отсутствии работы теряют квалификацию и автоматически попадают в разряд потенциальных безработных после освобождения. При таком положении дел сложно говорить о каком-либо реальном исправлении. Общеизвестно, что безделье развращает, ведет к привычке паразитического образа жизни и в итоге к деградации личности, от которой до совершения преступления один шаг. При этом нужно еще учитывать, что большинство осужденных получили наказание на срок свыше 3 лет, что более чем достаточно для личностного падения. Наглядно это и подтверждает ранее

приведенная статистика преступности в стране, согласно которой более 66% лиц, совершающих преступления ежегодно, не имели постоянного источника дохода, т.е. не работали.

Поэтому в настоящее время в пенитенциарной системе России проводятся глубокие и коренные преобразования, связанные с дальнейшей гуманизацией условий отбывания наказаний. Наблюдается общее смягчение карательной политики в отношении несовершеннолетних, женщин, а также лиц, совершающих преступления небольшой общественной опасности. Законодателем взят курс на дальнейшее совершенствование деятельности уголовно-исполнительной системы, максимальное приближение условий в местах изоляции от общества к требованиям международных стандартов.

Реалии сегодняшнего дня уголовно-исполнительной системы ориентируют законодателя на изменение как общих подходов, так и идеологии исполнения наказания в местах лишения свободы. В их основу закладывается основополагающий принцип, задача которого – целенаправленная подготовка осужденных к жизни на свободе с момента их поступления в исправительное учреждение. Главными приоритетами здесь являются:

- гуманизация исполнения наказания с учетом принципа дифференциации и индивидуализации в местах лишения свободы;
- устранение социальной деформации личности;
- социальная реабилитация осужденных и подготовка к жизни на свободе.

В этой связи, выступая на расширенном заседании коллегии ФСИН России, 19 февраля 2010 г. директор службы отмечал, что для профилактики преступлений громадное значение также будет иметь соответствующий уровень правового воспитания в обществе, выработка необходимого понимания государственной цели вновь вводимых мер как решения основной задачи – воспитание осознанного отказа от совершения преступных деяний, а не формирование уверенности в безнаказанности и вседозволенности.

По его мнению, продолжая тему воспитания осознанного чувства необходимости отказа от совершения противоправных деяний, нужно остановиться на решении одной из важнейших задач пенитенциарной системы – перевоспитании преступника, реализация которой во многом зависит от тех условий и той обстановки, в которых будет находиться осужденный в исправительном уч-

<sup>1</sup> Побегайло Э.Ф. Современная криминологическая ситуация и кризис российской уголовной политики // Российский криминологический взгляд. 2005. № 1. С. 31.

реждении. Поэтому также на первый план должна выйти задача обеспечения раздельного содержания лиц, возможно случайно оступившихся и впервые попавших в места лишения свободы, от лиц, осознанно совершающих преступные деяния, рецидивистов.

С учетом этого директор службы обозначил, что в основу концепции реформирования пенитенциарной системы положен тезис об отказе современной уголовно-исполнительной системы от исторического наследия в виде исправительно-трудовых колоний, которые по большому счету остаются отретушированным вариантом исправительных лагерей с присущим им укладом жизни. Соответственно, по его утверждению, устаревшая система коллективного содержания осужденных в значительной степени способствует распространению криминальной субкультуры, сплочению криминально ориентированного спецконтингента.

Также директор службы обозначил, что в ходе реформы предусматривается замена существующей

системы исправительных колоний на два основных типа учреждений – тюрьмы и колонии-поселения – при сохранении лечебно-исправительных, лечебно-профилактических учреждений и следственных изоляторов. Воспитательные колонии будут реорганизованы в воспитательные дома либо воспитательные центры для несовершеннолетних правонарушителей.

Данные положения в итоге были реализованы в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р.

Таким образом, обобщая изложенное, мы полагаем, что проводимая сегодня политика реформирования уголовно-исполнительной системы должна существенным образом улучшить криминальную ситуацию в стране в целом и ситуацию с рецидивной преступностью в частности.

УДК 343.54

**О.М. Шаганова**

*Барнаульский юридический институт МВД России*

*e-mail: olga.shaganova@yandex.ru*

## ПРОБЛЕМА УСТАНОВЛЕНИЯ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ОБЪЕКТА СОСТАВА НЕИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ВОСПИТАНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

*В статье рассматриваются различные точки зрения ученых, касающиеся вопроса о непосредственном объекте состава преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ, предлагаются пути разрешения спорных позиций.*

*Ключевые слова: объект преступления, несовершеннолетний, неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего.*



**О.М. Shaganova**

*Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia*

*e-mail: olga.shaganova@yandex.ru*

## THE PROBLEM OF THE ULTIMATE ESTABLISHING OF THE BODY OF A MINOR'S UPBRINGING DUTY DEFAULT

*The article examines various viewpoints of the scientists on the direct object of the crime provided by the Art. 156 of Criminal Code of Russia. Some ways of solution of these disputable positions are offered.*

*Key words: object of the crime, minor, a minor's upbringing duty default.*

Анализ юридической литературы показывает, что в науке уголовного права отсутствует единообразный подход к содержанию непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ. Так, ряд авторов рассматривает в качестве объекта преступления нормальное физическое, психическое и социальное развитие несовершеннолетнего<sup>1</sup> или общественные отношения, создающие условия для нормального нравственного и физического развития несовершеннолетнего<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Игнатов А.Н., Красиков Ю.А. Курс российского уголовного права: в 2 т.; т. 2: Особенная часть. М.: Изд-во НОРМА, 2002. С. 192; Туктарова И.Н., Мордовец А.С. Уголовно-правовая характеристика преступлений против несовершеннолетних: учебное пособие / под ред. Р.Р. Галиакбарова. Саратов: СЮИ МВД России, 2002. С. 104.

<sup>2</sup> Боровиков В.Б. Преступления против семьи и несовершеннолетних: лекция. М.: ЦИИИМОКП МВД России, 2000. С. 27.

Проанализировав указанные точки зрения, можно найти их весьма дискуссионными, поскольку подобная трактовка не позволяет провести разграничение между непосредственными объектами ст. 150, 151, 156 УК РФ.

Другие исследователи выделяют в качестве непосредственного объекта нормальное психофизическое развитие несовершеннолетних в семье<sup>3</sup>. По нашему мнению, такая точка зрения является спорной, поскольку несовершеннолетний может проживать, кроме семьи, еще и в различных учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения и т.п.

Большинство авторов сходится во мнении, что непосредственным объектом преступления,

<sup>3</sup> Машинская Н.В. Насилие в семье: криминологические и уголовно-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 82.

предусмотренного ст. 156 УК РФ, являются права несовершеннолетнего. Например, А.Н. Красиков считает, что объектом рассматриваемого преступления являются права и свободы несовершеннолетнего на нормальное психофизическое и нравственное развитие<sup>1</sup>. На наш взгляд, подобный подход автора является неконкретизированным, поскольку не понятно, о каких правах и свободах несовершеннолетнего идет речь. В.М. Волошин относит к непосредственному объекту также «право несовершеннолетнего на защиту своих законных интересов со стороны родителей, лиц и государственных органов, их заменяющих. Данное право на защиту интересов несовершеннолетнего реализуется через процесс воспитания в семье и проведение государственной политики в отношении несовершеннолетних. Право несовершеннолетнего на защиту своих интересов носит комплексный характер, оно включает в себя защиту всех правовых интересов, как общих (присущих всем людям: права на жизнь, здоровье, честь, достоинство и пр.), так и специальных (присущих только несовершеннолетним...: право ребенка жить и воспитываться в семье; право на общение с родителями и другими родственниками; право на «безопасность окружения»; право ребенка выражать свое мнение; право ребенка на имя, отчество, фамилию; имущественные права ребенка...»)»<sup>2</sup>. Указанная позиция автора охватывает широкий круг прав ребенка, которые выходят за рамки охраны уголовно-правовой нормы ст. 156 УК РФ. Например, нарушение имущественного права несовершеннолетнего, в частности права на получение содержания от своих родителей, влечет ответственность по ст. 157 УК РФ.

Изложенное позволяет прийти к выводу, что непосредственным объектом исследуемого преступления должны выступать только те права несовершеннолетнего, которые характерны для состава неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего.

В этой связи мы придерживаемся точки зрения отдельных ученых, которые относят к непосредственному объекту общественные отноше-

ния, обеспечивающие право ребенка на воспитание и заботу<sup>3</sup>. Данное мнение основывается на нормативных документах, в которых закреплены важнейшие права несовершеннолетних, гарантирующие его нормальное развитие в процессе воспитания. К их числу относятся: Конвенция ООН «О правах ребенка» 1989 г.<sup>4</sup>, Конституция Российской Федерации<sup>5</sup>, а также Семейный кодекс Российской Федерации<sup>6</sup>.

На это же обращает внимание и Ю.Е. Пудовочкин, подчеркивающий, что «полноценная реализация права на воспитание и заботу – важнейшая предпосылка гармоничного развития личности ребенка, условие его социализации, залог его успешного будущего. Вот почему его охрана уголовно-правовыми средствами необходима и обоснована»<sup>7</sup>.

С учетом вышеизложенного полагаем, что основным непосредственным объектом состава преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ, являются общественные отношения, обеспечивающие право несовершеннолетнего на воспитание и заботу, необходимое для его нормального развития.

Рассматривая объект неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, необходимо затронуть вопрос о потерпевшем. Понятие потерпевшего – это понятие процессуальное. Так, согласно ст. 42 УПК РФ потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред. Если же рассматривать указанную дефиницию в уголовно-правовом значении, то из этого следует, что потерпевшим здесь выступает человек, пострадавший от преступления. В преступлении, предусмотренном ст. 156 УК РФ, таким потерпевшим является несовершеннолетний.

<sup>3</sup> Боровиков В.Б. Преступления против семьи и несовершеннолетних: лекция. М.: ЦИИИНОКП МВД России, 2000. С. 27.

<sup>4</sup> Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 45. Ст. 955.

<sup>5</sup> Конституция Российской Федерации: принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. // Собрание законодательства РФ. 2009. № 4. Ст. 445.

<sup>6</sup> Семейный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

<sup>7</sup> Цит. по: Пудовочкин Ю.Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву / научн. ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ Г.И. Чечель. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. С. 186.

Представляется необходимым раскрыть возрастную критерий понятия несовершеннолетнего.

В ст. 1 ФЗ РФ от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»<sup>1</sup> указано, что несовершеннолетний – лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет. Ряд других нормативных правовых актов подменяет понятие «несовершеннолетний» понятием «ребенок», сохраняя тот же возрастной признак.

Так, ФЗ РФ от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в РФ»<sup>2</sup> в ст. 1 определил, что ребенок – лицо до достижения им

возраста 18 лет (совершеннолетия). Согласно ч. 1 ст. 54 Семейного кодекса РФ ребенком признается лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет (совершеннолетия).

Таким образом, следует вывод, что понятия «несовершеннолетний» и «ребенок» по российскому законодательству являются идентичными. Под ними понимается лицо, не достигшее восемнадцатилетнего возраста. Следовательно, потерпевшим от преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ, может быть лицо, не достигшее восемнадцатилетнего возраста.

<sup>1</sup> Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.

<sup>2</sup> Об основных гарантиях прав ребенка в РФ: федеральный закон Российской Федерации от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3802.

УДК 343.211

**А.В. Шеслер**, доктор юрид. наук, профессор  
Томский государственный университет

## ВЛИЯНИЕ ЛИБЕРАЛИЗМА НА РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

*В статье автором обозначена дискуссионная проблема либерализации отечественного уголовного законодательства. С позиций либеральных ценностей можно судить о закреплении этих ценностей (демократия, гражданское общество, права человека) в качестве объектов уголовно-правовой охраны. Убрав карательный характер, уголовное наказание через призму либеральных ценностей начинает менять свою сущность. Попытки придать наказанию черты мер гражданско-правовой ответственности выхолащивают его уголовно-правовую сущность. Акцентировано внимание на углубляющихся тенденциях расширения частного интереса в уголовном законе, что приводит к недопустимому торгу в уголовных правоотношениях.*

*Ключевые слова:* либерализм, электорат, права человека, субъективное усмотрение, уголовно-правовая охрана, частный интерес в уголовном законодательстве, смягчение уголовной ответственности.



**A.V. Shesler, Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences), professor**  
Tomsk State University

## THE IMPACT OF LIBERALISM ON THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN CRIMINAL LEGISLATION ON THE MODERN STAGE

*The author defines a disputable problem about liberalization of domestic Criminal law. From the point of view of liberal values, democracy, civil society and citizen's rights can be considered as objects of criminal-legal security. Criminal punishment without its punitive character tends to change its nature due to liberal values. If a punishment acquires features of civil responsibility, it fails its criminal-legal nature. The tendency of a private interest spreading in criminal law leads to unacceptable conflict in legal relations.*

*Key words:* liberalism, body of electors, citizen's rights, subject discretion, criminal-legal security, private interest in criminal law, commutation of criminal responsibility.

Многочисленные изменения, вносимые в УК РФ 1996 г. с момента его принятия, на первый взгляд создают впечатление законодательного хаоса и отсутствия какой-либо логики. Однако анализ этих изменений с позиций либеральных ценностей позволяет сделать вывод о чётко выраженных тенденциях развития уголовного законодательства, в основе которых лежит закрепление этих ценностей в качестве объектов уголовно-правовой охраны.

Главная система ценностей современного либерализма – это теории демократии, гражданско-

го общества, прав человека<sup>1</sup>. Этими ценностями проникнут и действующий УК РФ, причём не как абстрактными идеями, а как их уродливым воплощением в реальной жизни.

Демократия в либеральном понимании означает технологический процесс в политике, прежде всего в избирательной системе, в которой результаты выборов не должны отражать интересы большинства населения. Такое возможно, если избирательными технологиями сделать электорат из народа, состоящий из индивидов, голосующих не

<sup>1</sup> См.: Панарин А.С. Народ без элиты. М., 2006. С. 214.

в соответствии с интересами своих социальных групп и нации в целом, а исходя из личных сиюминутных интересов, личной симпатии<sup>1</sup>. В правовой сфере это означает усложнение процедуры выборов, увеличение числа политических партий, участвующих в них, для раздробления социальных групп на электорат и манипулирование их голосами. Интересны в этом плане изменения в уголовном законодательстве. Если первоначально в УК РСФСР было только два состава преступления о нарушении избирательного законодательства, к моменту окончания его действия – три, то в УК РФ 1996 г. – уже четыре, которые предусматривают ответственность практически за любое нарушение, влекущее искажение результатов голосования. Причём эти нормы из недействующих при коммунистическом режиме превратились в действующие при режиме либеральной демократии, однако в отношении её политических оппонентов.

Гражданское общество – это общество, в котором социальные связи, основанные на глубинном исторически традиционном коллективном интересе народа, предполагающего иррационально-жертвенное начало индивида во имя народа, заменяются на социальные связи, основанные на конвенции интересов индивидов и отдельных групп, в основе которых лежит конъюнктурное, часто сиюминутное эгоистическое начало<sup>2</sup>. Для уголовного закона это означает прежде всего конвенционный, договорной характер понятия преступления и наказания. Исследователи либеральных воззрений утверждают, что необходимо отказаться от материального признака преступления, от его общественной опасности, что должно остаться только формальное понятие преступления<sup>3</sup>, что преступность проявляется только в деяниях, признаваемых преступными законодателем «здесь и сейчас»<sup>4</sup>. Это означает произвольное изменение круга преступных деяний в соответствии с сиюминутными потребностями правящей эли-

<sup>1</sup> Панарин А.С. Народ без элиты. М., 2006. С. 215-219.

<sup>2</sup> Панарин А.С. Указ. соч. С. 218, 224, 227.

<sup>3</sup> См.: Понятовская Т.Г. Концептуальные основы уголовного права России: история и современность. Ижевск, 1994. С. 76-86. Идея сама по себе не нова, т.к. подобные взгляды высказывались ранее. В частности, П.А. Сорокин утверждал, что «...какой-нибудь акт является преступлением не по своей «извечной» природе, а просто потому, что он оскорбляет и нарушает чьи-то шаблоны...» (см.: Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда. М., 2006. С. 209).

<sup>4</sup> См.: Гишинский Я.И. Девиантность, преступность, социальный контроль. СПб., 2004. С. 242.

ты, а не в связи с представлениями о преступлении как о грехе, как о преступлении (нарушении) заповедей, содержащихся ещё в Ветхом Завете («не убивай», «не прелюбодействуй», «не кради» и т.д.). Не в этом ли состоит смысл криминализации неисполнения приказа именно сотрудниками органов внутренних дел (ст. 286-1 УК РФ)? Не в том ли, чтобы превратить полицию в послушную дубину власти для борьбы с собственным населением? В этой связи уместно привести слова К. Маркса из статьи «Дебаты по поводу кражи леса»: «Вам ни в какой мере не удастся заставить нас поверить в наличие преступления там, где нет преступления... Народ видит наказание, но не видит преступления...»<sup>5</sup>. Не потому ли законодатель оценочный материальный признак преступления, его общественную опасность фактически заменил на формализованный признак – вид и размер наказания (ст. 15 УК РФ), который может быть назначен за преступление, что посчитал понятие преступления конвенционным? А как понимать право суда на изменение категории преступления на менее тяжкую (ч. 6 ст. 15 УК РФ)? Получается, что в основе отнесения преступления к категории определенной тяжести лежит не его материальный признак – общественная опасность, превращающийся в некоторую условность, а субъективное усмотрение правоприменителя.

Уголовное наказание также через призму либеральных ценностей начинает менять свою сущность. Прежде всего, это касается понятия наказания, из законодательного определения которого убрали его указание на карательный характер (ст. 43 УК РФ). На первый взгляд кажется, что это не принципиально. Однако в соответствии с таким определением наказания порождено положение ч. 2 ст. 88 УК РФ о том, что штраф, назначенный несовершеннолетнему осуждённому, по решению суда может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия. Это ни что иное, как проникновение в уголовное законодательство гражданско-правового института субсидиарной ответственности, являющейся по своей сути восстановительной, компенсационной мерой. Такое «инородное тело» в уголовном законе отнимает у штрафа карательную, наказательную сущность, т.к. штраф применяется не к лицу, совершившему преступление, и не за совершенное преступление. Попытки придать наказанию черты мер гражданско-правовой ответственности

<sup>5</sup> См.: Карл Маркс. Социология. М., 2000. С. 70.



выхолащивают его сущность, изменяют его юридическую природу<sup>1</sup>.

Конфискация имущества как вид уголовного наказания вообще была исключена из УК РФ в 2003 г., затем восстановлена в 2006 г., однако не как наказание, а как иная мера уголовно-правового характера, носящая в основном компенсационный характер. Откровенно компенсационной мерой является освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности в случае возмещения виновным в полном объеме ущерба бюджетной системе, причинённого преступлением (ст. 76-1 УК РФ). Вместе с тем наказание не может выполнять восстановительную роль. В силу своей карательной сущности наказание материально, физически или статусно ничего и никому не может компенсировать и восстановить, оно может только лишить или ограничить личность в каких-то социальных благах, утверждая тем самым справедливость нормативно-правовых требований и удовлетворяя карательные притязания населения. Вновь уместно процитировать слова К. Маркса из указанной статьи о том, что «...наказание из публичного наказания превращается в денежное возмещение...»<sup>2</sup>.

В гражданском обществе частный интерес выше общественного. Вместо иерархии интересов – интересы общества, интересы общественных групп, частные интересы – выстраивается иерархия интересов в обратном порядке<sup>3</sup>. Эта иерархия лежит в основе конструкции УК РФ. В ст. 2 УК РФ приоритеты уголовно-правовой охраны выстроены в следующей последовательности: личность, общество (в либеральном понимании гражданское общество), государство. В соответствии с этими приоритетами Особенная часть УК РФ открывается разделом VII «Преступления против личности», затем идут раздел VIII «Преступления в сфере экономики», раздел X «Преступления против государственной власти», раздел XII «Преступления против мира и безопасности человечества». Получается, что более приоритетной является уголовно-правовая охрана жизни отдельных личностей, предусмотренная главой 16 УК РФ, чем уголовно-правовая охрана жизни целых национальностей, этнических, расовых

или религиозных групп, которая предусмотрена ст. 357 главы 34 УК РФ<sup>4</sup>. В обратном порядке выстраивалась система приоритетов уголовно-правовой охраны в УК РСФСР 1960 г.: первые две главы УК РСФСР предусматривали наказуемость за государственные преступления и преступления против социалистической собственности, затем шла глава о преступлениях против личности, правах и свободах граждан и т.д. Частный интерес откровенно проглядывает в возрождении в новых социально-экономических условиях института «химии» (условного осуждения с обязательным привлечением к труду) в виде принудительных работ. Наверное, понадобилась дешёвая рабочая сила, не обременяющая работодателя социальными гарантиями, для «строек капиталистического хозяйства» (ст. 53-1 УК РФ).

Углубляющаяся тенденция расширения частного интереса в уголовном законе привела к недопустимому торгу в уголовных правоотношениях. В частности, об этом свидетельствует смягчение наказания при досудебном соглашении о сотрудничестве (ч. 2 ст. 62 УК РФ), возможность уголовного преследования при злоупотреблении полномочиями по заявлению или согласию организации, интересам которой причинен вред (ч. 2 примечания к ст. 201 УК РФ). Последнее положение особенно парадоксально, т.к. в реальности преступления, предусмотренные главой 23 УК РФ, совершаются руководством коммерческой организации (например, её генеральным директором), которое представляет интересы этой организации, выступает от её имени. Разумеется, что эти лица не будут заявлять на самих себя для привлечения их к уголовной ответственности. От такой позиции законодателя опосредованно через ущемление преступлением интересов исключительно самой коммерческой организации страдают интересы иных лиц, в частности учредителей или акционеров.

Права человека в реальности – это права агрессивного маргинального меньшинства (гомосексуалистов, наркоманов, алкоголиков, феминисток, сторонников эвтаназии и т.п.) на утверждение своего образа жизни как социальной нормы. Лишение советского человека реальных социально-экономических прав (на труд, образование и т.д., в целом на достойную жизнь) произошло

<sup>4</sup> На подобную нелепость обращают внимание и другие исследователи (см., например: Голик Ю.В. Социалистическая идея и необходимость её отражения в уголовном законе и в уголовном праве. СПб., 2007. С. 40).

в обмен на чувственность, на право иметь собственную индивидуалистическую мораль взамен традиционной<sup>1</sup>. Уголовный закон живо откликнулся на ценности новой морали. В частности, первоначально уголовно наказуемым по ст. 121 УК РСФСР 1960 г. было любое мужеложство, затем только квалифицированное, т.е. совершенное с применением физического насилия, угроз или в отношении несовершеннолетнего, либо с использованием зависимого положения потерпевшего. В соответствии со ст. 132 УК РФ 1996 г. мужеложство, как и иные действия сексуального характера, является уголовно наказуемым, если оно совершено с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшему или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшего. Изменившаяся позиция законодателя в отношении мужеложства обусловлена постепенным отходом общества от традиционных норм морали, осуждавших гомосексуализм. Безусловно, такую либерализацию общественной морали и уголовного закона по отношению к гомосексуализму следует считать положительной, т.к. в основе крайне отрицательного отношения общества к этому явлению первоначально лежало не табу (запрет как самоцель, нарушение которого влечет кару сверх естественных сил), а стремление к такому укладу отношений между полами, которое будет способствовать нормальному биологическому и социальному воспроизводству человека. Гомосексуализм – это смертный грех, т.к. общество, поверженное этому греху, не имеет будущего, обречено на вымирание<sup>2</sup>.

Поощрением такого маргинального поведения, как наркомания, является законодательная новелла в виде отсрочки отбывания наказания больным наркоманией, которые впервые совершили преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231, ст. 233 УК РФ, изъявили желание добровольно пройти курс лечения от наркомании, а также медико-социальную реабилитацию (ст. 82-1 УК РФ). Такими благими пожеланиями будет «моститься дорога в ад», т.к. практически вся категория лиц, занимающихся розничным сбытом наркотиков, будет уходить от уголовной ответственности. Механизмы и субъекты контроля за добровольным лечением и медико-социальной реабилитацией, которые являются условиями такой отсрочки, представляются весьма неопреде-

<sup>1</sup> См.: Панарин А.С. Указ. соч. С. 236-238.

<sup>2</sup> См.: Майоров Д.Н. Смертный грех гомосексуализма // Сибирская православная газета. 2006. Январь-февраль.

лёнными. Законодатель и ранее допускал смягчение уголовной ответственности за наркопреступления. Иллюстрацией данного утверждения является изменение, внесённое в УК РФ Федеральным законом от 8 декабря 2003 г., в соответствии с которым сегодня нет самостоятельного состава преступления в виде незаконного приобретения или хранения наркотических средств в целях сбыта. Такие действия можно квалифицировать лишь как приготовление к сбыту и назначить максимальное наказание в соответствии с ч. 2 ст. 66 УК РФ и ч. 1 ст. 228-1 УК РФ в виде абсолютно определенной санкции – четыре года лишения свободы. В соответствии с ранее действовавшей редакцией ч. 2 ст. 228 УК РФ такие действия образовывали самостоятельный состав преступления и влекли максимальное наказание до 7 лет лишения свободы.

В заключение отметим, что наши выводы носят предварительный характер, нуждаются в более развернутой аргументации, послужат предметом острой научной полемики. Возможно, что такая полемика уже началась<sup>3</sup>. Пока не определился чётко предмет полемики, позиции оппонентов, да и сами оппоненты почти не выходят за рамки дискуссии о собственно научных проблемах, рассуждая о том, что научные исследования криминального цикла утратили свою глубину и практическую эффективность<sup>4</sup>. Однако уже сейчас можно прогнозировать, что предстоящая жесткая полемика со сторонниками либерализма во всех общественных науках будет носить не только характер сугубо научного спора, но и, несомненно, перейдет в плоскость идеологической борьбы за будущий выбор России.

<sup>3</sup> См.: Бойко А.И. Репетиториум по Общей части уголовного права. СПб., 2005. С. 3-10; Открытое письмо профессора А.В. Наумова академику В.Н. Кудрявцеву // Уголовное право. 2006. № 4. С. 135-138; Кудрявцев В. Науку уголовного права пора модернизировать // Уголовное право. 2006. № 5. С. 130-131; Лунев В.В. Наука криминального цикла и криминологические реалии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2007. № 1-2. С. 6-24; Лунев В.В. Проблемы юридических наук криминального цикла // Государство и право. 2007. № 5. С. 39-58.

<sup>4</sup> Такая ситуация не является случайной, т.к. идеологии либерализма онтологически присуща поверхностность суждений (См.: Панарин А.С. Указ. соч. С. 236-238), меняющихся в направлении деградации самой идеологии: «по возможности» – «в пределах» – «хоть что-нибудь» – «применительно к подлости» (См.: Салтыков-Щедрин М.Е. «Либерал»).

## Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза, оперативно-разыскная деятельность

УДК 343.131

Д.А. Воронов, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

e-mail: voronius@yandex.ru

### ИНЫЕ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ КАК СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

*В статье рассматриваются принудительный потенциал и основания применения иных мер уголовно-процессуального принуждения как средств государственной защиты участников уголовного судопроизводства. При этом предлагаются варианты совершенствования действующего законодательства в целях повышения эффективности обеспечения безопасности участников уголовного процесса.*

*Ключевые слова: меры безопасности, государственная защита, меры принуждения, временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество, удаление из зала суда.*



D.A. Voronov, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences)

Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

e-mail: voronius@yandex.ru

### OTHER MEASURES OF CRIMINAL PROCEDURE ENFORCEMENT AS A MEANS OF PROVIDING SECURITY OF CRIMINAL TRIAL PARTICIPANTS

*The article is about forced capacity and base of application of other measures of criminal procedure enforcement as a means of state protection of criminal trial participants. Different options for improving the current legislation in order to improve security of criminal trial participants are offered.*

*Key words: security measures, state protection, measures of protection, enforcement measures, temporal suspension of a post, seizure of property, removal from the courtroom.*

В систему мер уголовно-процессуального принуждения, предназначенных для обеспечения безопасности, помимо мер пресечения (п. 3 ч.1 ст. 97 УПК РФ), следует включать и иные меры

уголовно-процессуального принуждения, в частности временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество и воздействие на нарушителей порядка в зале судебного заседания.

*Временное отстранение от должности.* В теории уголовного процесса временное отстранение от должности рассматривается как мера, цель которой «в принудительном порядке предупредить противоправное или нежелательное с точки зрения достижения задач процесса поведение соответствующих участников уголовного судопроизводства»<sup>1</sup>. Указанная мера относится к числу иных мер процессуального принуждения (гл. 14 УПК РФ), которые согласно ч. 1 ст. 111 УПК РФ применяются «в целях обеспечения установленного... порядка уголовного судопроизводства». Полагаем, что воздействие на свидетелей или иных участников уголовного судопроизводства является частным случаем нарушения установленного порядка. Поэтому основание, сформулированное законодателем в п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, охватывается ч. 1 ст. 111 УПК РФ и может служить общим основанием для применения иных мер процессуального принуждения, в частности для временного отстранения от должности. Однако это не стирает границ между временным отстранением от должности и мерами пресечения. Как указывал Р.Х. Якупов, отстранение от должности близко примыкает к мерам пресечения, но выступает при этом самостоятельным видом мер процессуального принуждения, т.к. ограничивает не свободу и личную неприкосновенность, а конституционное право на выбор рода деятельности и профессии<sup>2</sup>.

Статья 114 УПК РФ, непосредственно регламентирующая рассматриваемую меру, указывает, что временное отстранение от должности возможно только «при необходимости». Для исключения ошибок целесообразно было бы непосредственно в законе раскрыть содержание этого выражения<sup>3</sup>. Попытки конкретизировать указанный термин предпринимались в юридической литературе неоднократно<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985. С. 81.

<sup>2</sup> См.: Якупов Р.Х. Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. В.Н. Галузо. М., 1998. С. 188.

<sup>3</sup> См.: Булатов Б.Б., Николюк В.В. Меры уголовно-процессуального принуждения (по главе 14 УПК России). М., 2003. С. 81; Булатов Б.Б. Временное отстранение от должности как мера процессуального принуждения // Вопросы правовой теории и практики: межвуз. сб. науч. тр. Омск, 2007. Вып. 4. С. 148.

<sup>4</sup> См., напр.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под ред. А.М. Рекунова, А.К. Орлова. М., 1985. С. 266; Уголовный процесс: учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. К.Ф. Гуценко. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2000. С. 188; Комментарий

Ф. Н. Багаутдинов предложил указать в законе конкретные случаи, обуславливающие необходимость отстранения от должности: 1) преступление, за которое привлекается должностное лицо, совершено по месту работы либо связано с деятельностью предприятия или организации, где он работает; 2) по уголовному делу, по которому привлекается должностное лицо, в качестве обвиняемых, подозреваемых либо свидетелей участвуют подчиненные ему по работе лица; 3) должностное лицо, используя свое служебное положение, препятствует производству по уголовному делу<sup>5</sup>.

В целом поддерживая мысль о детализации в законе оснований для временного отстранения от должности, считаем, что предложенный Ф. Н. Багаутдиновым вариант не вполне последователен. Два первых случая сами по себе не могут свидетельствовать о необходимости отстранения от должности, т.к. не содержат указания на то, что приведенные в них обстоятельства препятствуют установленному порядку судопроизводства. Факт совпадения места работы подозреваемого (обвиняемого) с местом работы свидетеля, например, или с местом, где находятся на хранении или могут находиться доказательства преступной деятельности, не должен расцениваться как обстоятельство, априори достаточное для отстранения от должности. Указанные факты свидетельствуют о вероятности воспрепятствования процессу, но вывод о той или иной ее степени может быть сделан только по результатам оценки всей имеющейся информации.

На наш взгляд, вполне логичным является только третий случай. Однако глаголом «препятствует» отрицается превентивная сущность временного отстранения от должности. Кроме того, в анализируемом подходе к основаниям временного отстранения от должности неоправданно ограничен круг участников уголовного процесса – не уделено должного внимания потерпевшему, понятым, эксперту и т.д.

Необходимость временного отстранения от должности должна определяться возможностью

к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.И. Радченко; науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006. С. 333; Чистякова В.С. Указ. соч. С. 43; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.П. Верина, В.В. Мозякова. М., 2004. С. 284 и др.

<sup>5</sup> См.: Багаутдинов Ф.Н. Обеспечение имущественных прав личности при расследовании преступлений. М., 2002. С. 194.

обвиняемого (подозреваемого) с использованием своего должностного положения «продолжать заниматься преступной деятельностью, уничтожить следы преступления, фальсифицировать документы, воздействовать на подчиненных – потерпевших, свидетелей, соучастников, мешать возмещению причиненного преступлением ущерба или иным способом препятствовать производству по уголовному делу»<sup>1</sup>.

Учитывая то, что ст. 97 УПК РФ оперирует оценочной категорией «иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу» и предусматривает превенцию широкого спектра деяний, посягающих на безопасность, можно заключить, что ссылка на нее в статье, регламентирующей временное отстранение от должности, позволит охватить все варианты поведения, для предупреждения которого применяется данная мера. Предлагаем в ч. 1 ст. 114 УПК РФ слова «при необходимости временного отстранения от должности подозреваемого или обвиняемого» заменить словами «при наличии достаточных оснований полагать, что подозреваемый или обвиняемый, используя свое должностное положение, может совершить действия, указанные в статье 97 настоящего Кодекса»<sup>2</sup>.

Временное отстранение от должности, будучи продуктивной мерой безопасности, обладает достаточно внушительным принудительным потенциалом. Ее применение должно сопровождаться соблюдением процессуальных правил, гарантирующих защиту личности от необоснованного ограничения ее прав и свобод. Одними из таких гарантий являются четко сформулированные основания применения меры принуждения. Используемый прием, отсылающий к ст. 97 УПК РФ, не требует дополнительно акцентировать вни-

<sup>1</sup> Булатов Б.Б. Временное отстранение от должности как мера процессуального принуждения // Вопросы правовой теории и практики: межвуз. сб. науч. тр. Омск, 2007. Вып. 4. С. 148-149.

<sup>2</sup> Ранее аналогичную, по сути, редакцию оснований рассматриваемой меры принуждения предлагали Б.Б. Булатов и В.В. Николок. Авторы посчитали необходимым перечислить в ч. 1 ст. 114 УПК РФ деяния, возможность совершения которых указывает на наличие оснований временного отстранения от должности. Соглашаясь с тем, что все указанные учеными деяния влекут необходимость временного лишения обвиняемого (подозреваемого) права осуществлять свои должностные полномочия, полагаем, в данном случае более целесообразно использовать ссылку на ст. 97 УПК РФ (см.: Булатов Б.Б., Николок В.В. Меры уголовно-процессуального принуждения (по главе 14 УПК РФ. М., 2003. С. 166).

мание правоприменителя на защитной функции временного отстранения от должности непосредственно в ст. 114 УПК РФ. Такой подход исключает дублирование сходных по сути положений закона и вместе с тем нисколько не умаляет силы рассмотренной меры при использовании ее в качестве средства, обеспечивающего безопасность.

*Наложение ареста на имущество.* Наличие у подозреваемого (обвиняемого) оружия повышает риск того, что воздействие в отношении участников уголовного процесса может быть осуществлено с его использованием. Это свидетельствует не только о высокой вероятности противоправного поведения, но и о тяжести вреда, который может наступить. Указанные обстоятельства вызывают необходимость изъятия у подозреваемого (обвиняемого) принадлежащего ему оружия, в случаях, когда имеются основания полагать, что оно может быть применено в целях воздействия на участников процесса.

В рамках какой процедуры следует производить отчуждение из собственности подозреваемого (обвиняемого) оружия, которое может быть использовано для посягательства на безопасность? На наш взгляд, наиболее подходящей правовой платформой является такая мера уголовно-процессуального принуждения, как наложение ареста на имущество (ст. 115 УПК РФ). Сущность ее «состоит в описании имущества и запрещении пользоваться им лицу, в чьем владении оно находится. По своему целевому назначению эта мера процессуального принуждения призвана обеспечить как надлежащее поведение подозреваемого и обвиняемого..., так и исполнение судебного приговора»<sup>3</sup>. Все это и позволяет наиболее оптимально осуществить изъятие у подозреваемого (обвиняемого) оружия, которое может быть использовано им для оказания воздействия на участников уголовного судопроизводства. Полагаем, наделение властных субъектов уголовного процесса полномочиями по изъятию указанного выше имущества соответствует конституционному положению, согласно которому «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ... нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц» (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ).

Наложение ареста на имущество для обеспечения безопасности участников уголовного про-

<sup>3</sup> Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность. Казань, 1981. С. 95.

цесса требует разработки специального основания.

В первую очередь основание наложения ареста на имущество должно предполагать возможность его применения до того момента, когда оружие уже использовано для воздействия на участников уголовного процесса. Идея превенции поведения, препятствующего назначению уголовного процесса, находила свое развитие в рамках применения наложения ареста на имущество и в традиционных целях – для обеспечения имущественных взысканий. Однако единства мнений среди ученых по данному вопросу нет.

Некоторые процессуалисты считают, что основанием наложения ареста на имущество должно быть «обоснованное предположение, что подлежащее взысканию имущество может быть сокрыто или отчуждено»<sup>1</sup>. Причем обоснованность такого предположения связывается с конкретными фактами – попытками спрятать вещи и иным образом воспрепятствовать реализации назначения судопроизводства<sup>2</sup>. На наш взгляд, такая позиция излишне ограничивает превентивный потенциал рассматриваемой меры принуждения.

Поддерживаем ученых, считающих, что для применения наложения ареста на имущество «не обязательно доказывать, что обвиняемый, подозреваемый предпринимает конкретные действия по сокрытию имущества... Наложение ареста на имущество... превентивное процессуальное принудительное средство, преследующее цель – предупредить противоправное или нежелательное с точки зрения достижения задач судопроизводства поведение соответствующих участников»<sup>3</sup>. Отдельного внимания заслуживает мнение о том, что основание наложения ареста на имущество должно связываться не только с уже заявленным гражданским иском, но и с вероятностью поступления требования о возмещении имущественного вреда<sup>4</sup>. Только такой подход способен обеспечить реализацию предупредительной функции наложения ареста на имущество. Таким образом, для наложения ареста на имущество не обязательно, чтобы запрещенное законом деяние уже

<sup>1</sup> Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А.В. Смирнова. СПб., 2003. С. 321.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Булатов Б.Б., Николок В.В. Меры уголовно-процессуального принуждения (по главе 14 УПК РФ). М., 2003. С. 101.

<sup>4</sup> См.: Там же. С. 99-100; Кальницкий В.В. Следственные действия. Омск, 2001. С. 59.

было совершено<sup>5</sup>. Этот вывод приобретает особое значение в рамках деятельности по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства, т.к. от своевременного применения защитных мер порой зависит здоровье и жизнь человека.

Кроме превентивной сущности наложения ареста на имущество, основание применения данной меры в целях обеспечения безопасности должно учитывать требование о достаточности данных, подтверждающих возможность противоправного поведения подозреваемого (обвиняемого). Поэтому при формировании оснований наложения ареста на имущество как средства обеспечения безопасности целесообразно использовать формулировку ч. 1 ст. 97 УПК РФ – «наличие достаточных оснований полагать». Именно с ее помощью обеспечивается необходимый уровень обоснованности процессуального решения.

Учитывая вышеизложенное, представляется необходимым дополнить УПК РФ новой статьей 116<sup>1</sup> «Особенности наложения ареста на имущество в целях обеспечения безопасности» следующего содержания:

«При наличии достаточных оснований полагать, что находящееся в собственности подозреваемого (обвиняемого) оружие может быть использовано для оказания воздействия на участников уголовного процесса, на указанное имущество может быть наложен арест в порядке, предусмотренном статьей 115 настоящего Кодекса». Такая формулировка позволит своевременно и законно изымать предметы, повышающие вероятность посткриминального воздействия и тяжелых последствий при его осуществлении. Дополнительно потребуются урегулировать порядок изъятия и хранения арестованного оружия, а также боеприпасов к нему.

*Воздействие на нарушителей порядка в зале судебного заседания.* Основание применения данной меры – нарушение лицом порядка в судебном заседании (ст. 258 УПК РФ). Покушение на безопасность участников уголовного процесса представляет собой частный случай нарушения установленного порядка судебного заседания. Рассматриваемая мера является уголовно-процессуальной и применяется только уполномоченным субъектом – судьей. Нарушенное спокойствие восстанавливается удалением из зала суда с привлечением судебных приставов. Нормативная ос-

<sup>5</sup> См.: Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. С. 85.

нова деятельности судебных приставов относит удаление нарушителей из зала суда к одному из мероприятий по обеспечению безопасности, основанием применения которых является «наличие достаточных данных, свидетельствующих о реальности угрозы безопасности защищаемых лиц, а также непосредственные действия, посягающие на их жизнь и здоровье»<sup>1</sup>. Как видно, указанное основание рассчитано и на превенцию посткриминального воздействия. Рассматриваемая же мера применяется только в случае состоявшегося нарушения, поэтому основание ее применения – действия, посягающие на безопасность.

Изучив понятие безопасности, мы пришли к выводу, что ее объектом является не только жизнь и здоровье, но и психологическая составляющая – свобода реализации процессуального статуса. Отсюда заключаем, что основанием применения воздействия на нарушителей порядка в судебном заседании в целях защиты участников уголовного процесса будет осуществление лицом, находящимся в зале суда, действий, направленных на

психологическую, физическую или имущественную сферы участников уголовного процесса в целях воспрепятствования производству по уголовному делу, а также из мести за участие в уголовном процессе.

Рассмотрев меры уголовно-процессуального принуждения через призму обеспечения безопасности участников уголовного процесса, подведем итоги: основания и условия их применения имеют некоторую специфику, которая в ряде случаев нуждается в нормативном закреплении. Правовая регламентация защитных мер, обеспеченных принуждением, должна основываться на сочетании двух начал – эффективности обеспечения безопасности и недопущении незаконного и необоснованного ограничения прав и свобод личности. Законность применения мер принуждения в качестве средств обеспечения безопасности зависит не только от нормативного закрепления оснований их избрания, но и от правовой регламентации порядка их применения.

<sup>1</sup> См.: Об утверждении инструкции о порядке исполнения судебными приставами распоряжений председателя суда, судьи или председательствующего в судебном заседании и взаимодействия судебных приставов с должностными лицами и гражданами при исполнении обязанностей по обеспечению порядка деятельности судов и участия в исполнительской деятельности: приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 3 августа 1999 г. № 226 // Российская газета. 1999. 15 окт.

УДК 343.98.067

**Ю.П. Гармаев**, доктор юрид. наук, доцент  
Бурятский государственный университет  
e-mail: [garmaeff@yandex.ru](mailto:garmaeff@yandex.ru)

## ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ ПРОТИВ НЕДОБРОСОВЕСТНЫХ ДОЛЖНИКОВ

*В статье анализируются типичные и широко распространенные криминалистические ситуации злостного невозврата долгов и неисполнения судебных решений недобросовестными должниками. В случае наличия признаков соответствующих преступлений (ст. 159, 177 УК РФ и другие) автором предлагается использование ряда криминалистических средств и методов восстановления нарушенных прав добросовестных граждан и организаций-кредиторов и потерпевших.*

*Ключевые слова:* криминалистическая ситуация, невозвращение долгов, кредитор, недобросовестный должник, мошенничество, расследование преступлений, прогнозирование, судебная перспектива.



**Y.P. Garmaev**, Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor  
Buryat State University  
e-mail: [garmaeff@yandex.ru](mailto:garmaeff@yandex.ru)

## USAGE OF CRIMINALISTIC KNOWLEDGE AGAINST DEFAULTING DEBTORS

*This article deals with typical and widely spread criminalistic cases of duties and court's decisions breach. The author offers to use some criminalistic means and methods to restore law-abiding citizens' and creditors' broken rights according to Art. 159,177 of Criminal code of Russia.*

*Key words:* the criminological situation, creditor, fraud, prognosis, judicial perspective.

Ведущие криминалисты страны на протяжении многих лет постоянно подчеркивают необходимость изучения закономерностей использования криминалистики в гражданском и арбитражном процессе, в производстве по делам об административных правонарушениях, в других видах судопроизводства и шире – правоотношений<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> См., например: Россинская Е.Р. Проблемы криминалистического обеспечения гражданского судопроизводства // Проблемы гражданского судопроизводства: мат-лы межвуз. науч.-практич. конф. М., 1994. С. 56-60; Жижина М.В., Ищенко Е.П. История развития и современные представления об объекте и предмете криминалистики // Библиотека криминалиста. 2012. № 3(4). С. 14-26; Яблоков Н.П. Некоторые взгляды на криминалистику как науку и учебную дисциплину XXI в. // Криминалистика XXI столетия. Харьков, 2010. С. 72-73 и др.

Критерии актуальности такого использования – удовлетворение насущных нужд практики, прежде всего практики защиты прав и законных интересов добросовестных, законопослушных граждан и организаций. Результаты изучения правоприменения по уголовным делам, а также соответствующих гражданских и арбитражных дел показывают широкую распространенность двух типичных криминалистических ситуаций<sup>2</sup> правоприменения.

<sup>2</sup> В контексте настоящей статьи полагаем вполне резонным использовать категорию «криминалистические ситуации» в значении проверочной, следственной и разнообразных судебных ситуаций. См., например: Ким Д.В. Проблемы теории и практики разрешения криминалистических ситуаций в процессе раскрытия, расследования и

Ситуация № 1. Очень часто потерпевшие по уголовному делу, которым причинен материальный и иной ущерб, не могут получить его компенсацию от осужденного, причем даже в случаях, когда виновный платежеспособен.

Ситуация № 2. Кредитор после вступления в силу судебного решения и начала исполнительного производства фактически не может взыскать долг и привлечь должника к какой-либо юридической ответственности, несмотря на опять-таки явные признаки платежеспособности недобросовестного должника.

В результате широкой распространенности такого рода криминалистических ситуаций в обществе давно сформировалась, хоть и во многом гипертрофированное, но все-таки небезосновательное и притом весьма негативное впечатление о качестве работы судебных и правоохранительных органов, о тотально распространенном бюрократизме и волоките, неэффективности законов. В этой связи все шире распространяется мнение о коррумпированности всей власти, которая якобы потакает недобросовестным гражданам, мошенникам, иным преступникам, а честным людям только создает проблемы. Ведь в подобных ситуациях, как порой рассуждают многие граждане, даже законный интерес можно защитить только незаконными средствами (взятки судебным приставам-исполнителям, обращение «к бандитам для выбивания долга» и т.п.). Конечно, проблема здесь отчасти в правовом нигилизме населения, а также в не всегда надлежащей межотраслевой квалификации тех юристов, кто консультирует граждан по описанным типичным ситуациям<sup>1</sup>.

Как бы то ни было, перед добросовестными гражданами и организациями, их юридическими советниками возникает и требует разрешения нетривиальный вопрос: как не столько заставить платить (это порой в действующих правовых реалиях просто невозможно), сколько, так сказать, сформировать мотивацию должника к добровольному возмещению ущерба, оплате долга? Ответ на этот вопрос, как видно из названия тезисов, имеет не только гражданско-правовую, но и уго-

судебного рассмотрения уголовных дел: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. 2009. С. 15.

<sup>1</sup> Широко известен феномен перекрестной некомпетентности, излишне узкой специализации коллег, когда юрист-цивилист и юрист-криминалист плохо разбираются в смежных вопросах законодательства и правоприменения, а потому консультируют граждан без учета возможностей малоизвестной ему системы знаний.

ловно-правовую<sup>2</sup>, криминалистическую составляющую. Кратко остановимся на последней.

Черпая информацию из соответствующей ситуации криминалистической характеристики мошенничества, а также из методики их расследования, есть основания для составления следующего прогноза: если будет начата предварительная проверка, будет возбуждено уголовное дело по признакам преступлений, предусмотренных ст. 159 или 177 УК РФ и др., то сторона защиты, т.е. должник и его адвокат (иной представитель), вероятнее всего выберут позицию защиты, заключающуюся в том, что неисполнение договорных обязательств, если и было, то произошло, например, в связи с нагрянувшим уже после заключения сделки безденежьем (т.е. из-за отсутствия возможности исполнить обязательство), форс-мажорными обстоятельствами и т.п. Любой из подобных аргументов при надлежащей работе названного профессионального советника переводит конфликт в сферу гражданско-правовых отношений.

Соответственно, кредитору, его юристу-представителю, консультанту следует с применением криминалистического прогнозирования оценить, доступны ли в данное время либо будут ли доступны в дальнейшем доказательства, подтверждающие, в частности, умысел должника на совершение хищения, на присвоение денежных средств и его корыстную цель (см. примечание 1 к ст. 158 УК РФ).

Далеко не всегда такого рода доказательства (возможность их получить в дальнейшем) имеются в распоряжении кредитора. Однако предложить такого рода версию дознавателю, следователю для ее проверки следственным путем кредитор, его представитель, безусловно, могут. Это можно сделать, например, путем квалифицированного и тщательного составления заявления о возбуждении уголовного дела, собственноручного составления объяснений и далее проекта протокола допроса свидетеля, потерпевшего. Очевидно, что такого рода документы должны составляться с помощью высококвалифицированного юриста, имеющего соответствующий опыт и знания по уголовной специализации. По обозначенной выше причине (перекрестная некомпетентность), быть

<sup>2</sup> Об уголовно-правовых нормах, призванных помочь в решении названных проблем, правда, при этом не всегда эффективно работающих, см., например: Скобликов П.А. Как мотивировать преступников возместить ущерб // ЭЖ-Юрист. 2012. № 9. С. 1, 7.

может, стоило бы подключить к составлению таких документов сразу двух юристов – цивилиста и криминалиста.

Обратим внимание на важность использования как потерпевшим (ситуация № 1), так и кредитором (ситуация № 2), их представителями (далее для краткости – заинтересованные лица) самого подхода – составление юридически грамотных и при том тактически выверенных текстов соответствующих документов, вплоть до предложения следователю проекта постановления о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительного акта, обвинительного заключения (далее для краткости – обвинительные документы). Этот подход в дальнейшем реализуется путем применения ряда тактических приемов взаимодействия с недобросовестным должником и его адвокатом, представителем.

Очень важно доказать умышленное неисполнение судебного решения (умысел на хищение, сформировавшийся до или во время получения денег или имущества кредитора). Например, если бывший руководитель, должник посещал коллекторское агентство, привлеченное кредитором, высказал намерение не платить долг, заявил о совершении ряда действий<sup>1</sup>. Хорошо, если эти фразы были бы кем-то зафиксированы, например записаны на диктофон, хотя бы тот, что имеется в любом мобильном телефоне.

С учетом изложенного заинтересованным лицам рекомендуется:

- установить конструктивные деловые отношения с должностными лицами – представителями стороны обвинения. Эти отношения должны включать договоренность о том, что заинтересованные лица в пределах, предусмотренных либо не запрещенных законодательством, могут взаимодействовать с должностными лицами по вопросам установления и доказывания обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, в том числе:

- до дознавателя, следователя, а чаще всего и «параллельно» в ходе проводимой ими следственной проверки и далее – расследования по возбужденному уголовному делу – собирать и передавать сведения, которые могут быть в дальнейшем преобразованы в доказательства;

- находить и представлять опубликованную судебную практику высших судов, иные судебные решения, в т.ч. с использованием интернет-ресур-

<sup>1</sup> Косихин Д., Галимов М., Асрянц С., Качкова А. Как наказать мошенника // ЭЖ-Юрист. 2011. № 49. С. 13.

сов<sup>2</sup>, документы обвинения, которые можно оценить как прецеденты для рассматриваемого дела. Причем желательно чтобы судебные решения и иные документы были из данного региона. Также рекомендуем даже при разноречивой практике по данному вопросу заинтересованным лицам продемонстрировать должностным лицам лишь прецеденты, подтверждающие их позицию;

- как уже отмечалось, составлять и предлагать дознавателю проекты текстов обвинительных документов, подробно обосновывая собственную правовую позицию. В беседах с дознавателем и иными представителями стороны обвинения нужно быть готовым к возможно недостаточной профессиональной квалификации последних, волоките, неэффективности, а иногда и полному нежеланию работать по делу. Часто встречаются не всегда полезные личностные и ведомственные стереотипы мышления и поведения: отказ от уголовного преследования по мотиву «наличия гражданско-правовых отношений»; преобладание в сознании дознавателя, следователя защитительных позиций и установок; ссылки на отсутствие в данный момент судебной перспективы по делу при полном нежелании инициативно и наступательно искать, собирать и использовать новые доказательства (культивирование принципа: «принесите нам все на блюде, а там мы посмотрим...»); опасение дальнейшего прекращения дела по реабилитирующему основанию и связанные с этим неблагоприятные последствия: снижение показателей отчетности и вероятность реабилитации и т.п. Не редки и намеки на то, что дознаватель хотел бы иметь личный, в т.ч. и корыстный, интерес в расследовании, т.е. попытки склонения к коррупционным правонарушениям.

Уверены, что большинство дознавателей и следователей честные и порядочные люди, однако изложенное все же имеет место в отдельных случаях. Заинтересованным лицам необходимо учитывать это и все же последовательно, настойчиво, а главное юридически грамотно обосновывать и настаивать на своей правовой позиции (позиции обвинения) как на уровне бесед, так и на уровне составления документов;

<sup>2</sup> Вступивший в законную силу с 1 июля 2010 г. Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» позволяет в короткие сроки найти и скачать самую разнообразную судебную практику.

- при необходимости активно использовать права на обжалование (глава 16 УПК РФ), отводы (глава 9 УПК РФ) и т.д.

В ходе либо по результатам реализации этих рекомендаций многое зависит от конкретной криминалистической ситуации по делу, личностных качеств должника, его представителя, следует тщательно спланировать и реализовать переговоры с процессуальными противниками. Для успеха переговоров следует изучить разработанные криминалистикой рекомендации, в частности, по организации расследования, тактике допроса и очной ставке. Здесь необходимо использовать:

- доводы собственной правовой позиции;
- предъявление проектов процессуальных документов, в т.ч. документов обвинения;
- предлагать совместное моделирование, прогнозирование будущих неблагоприятных послед-

ствий отказа или уклонения от возмещения ущерба, уплаты долга.

Цель заинтересованных лиц при этом вполне очевидна – мотивировать должника выплатить средства, возместить ущерб, при том что первые заинтересованы именно в этом, а не в заключении под стражу вторых, не в уголовном наказании, иных неблагоприятных последствиях. Тактическая комбинация, основанная на тезисе (принципе): «Давайте лучше договоримся «по-хорошему», во избежание следующих, предусмотренных законом неблагоприятных для вас последствий...», должен быть подкреплен не только гражданско-правовыми, гражданско-процессуальными аргументами, но и разнообразными уголовно-правовыми, и что особенно важно – криминалистическими средствами и методами.

УДК 343.9.024:336.7

*С.И. Давыдов, доктор юрид. наук, доцент  
Алтайский государственный университет*

*Ю.Л. Бойко, канд. юрид. наук, доцент*

*Барнаульский юридический институт МВД России*

*e-mail: boiko@buimvd.ru*

## О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ПРИЗНАКАХ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ КОРРУМПИРОВАННОСТЬ – НЕОБХОДИМОСТЬ ВВЕДЕНИЯ В УК РФ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОРРУМПИРОВАННОСТЬ

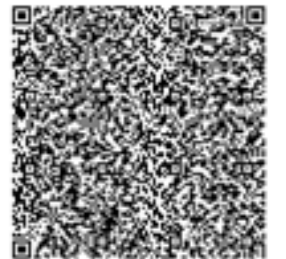
*При совершении коррупционных преступлений должна наступать дополнительная ответственность, наличие которой возможно при доказывании следующих обязательных признаков: организованность; систематичность; наличие должностного положения у лица, выполнение или невыполнение им должностных обязанностей и полномочий, инструкций; получение вознаграждения в различной форме в интересах дающего.*

*Ключевые слова: понятие коррумпированности, коррупция, дополнительная уголовная ответственность, криминалистически значимые, уголовно-правовые признаки.*

*S.I. Davydov, Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor  
Altay State University*

*Y.L. Boiko, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor  
Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia*

*e-mail: boiko@buimvd.ru*



## ON THE NECESSITY OF INTRODUCTION THE ADDITIONAL LIABILITY FOR CORRUPTION INTO CRIMINAL CODE OF RUSSIA

*The author states that corruption crimes must bring some additional responsibility if there are obligatory grounds to prove such kind of a crime. The features as organized and systematic character, high position, execution or non-execution of one's duties and instructions, any reward to a giver's benefit are to be taken into consideration.*

*Key words: the term of corruption, corruption, additional criminal responsibility, criminalist significant, criminal legal features.*

В настоящее время коррупция в России одно-значно представляет собой большую социальную угрозу и является одним из наиболее серьезных условий, препятствующих эффективному развитию российского государства. Исторический анализ практики решения важнейших государственных задач позволяет более зримо определить пути развития государства, более широко взглянуть на существующие проблемы, оценить их на фоне глубоких преобразований, увидеть как их истоки, так и перспективы решений.

Очередной виток борьбы с коррупцией фактически начался в 2008 г. с принятием Федераль-

ного закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», в котором сказано: «Граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства за совершение коррупционных правонарушений несут уголовную, административную, гражданско-правовую и дисциплинарную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации»<sup>1</sup>.

Ни для кого не является секретом, что на протяжении последних 20 лет борьба с коррупцией не

<sup>1</sup> О противодействии коррупции: федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ.

представляет собой опасности, поскольку является производной от поведения высших властей. На сегодняшний день коррупция «поразила» органы власти как на региональном, так и на федеральном уровнях. Общеизвестным фактом является бездействие тех институтов, которые заложены в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве и призваны обеспечивать борьбу с коррупцией. Однако, к сожалению, следует отметить, что все попытки законодателя, правоприменителей и теоретиков направлены, прежде всего, на определение понятия коррупции и выделение ее основных видов в общественно-социальном, политическом, экономическом и криминологическом значении.

Так, участники круглого стола, который проводился в Совете Федерации еще в марте 2008 г., пришли к выводу, что в России главным препятствием для борьбы с коррупцией является несовершенство существующего законодательства либо его полное отсутствие<sup>1</sup>. В частности, отмечалось отсутствие дефиниции «коррупция», соответствующей статьи в УК РФ и другие пробелы в законодательстве.

Анализируя имеющиеся понятия коррупции, следует отметить, что среди существующих определений коррупции наиболее лаконичная и в то же время точная характеристика этого сложного социального явления дана в справочном документе ООН: «Коррупция – это злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных целях». При этом опасны не отдельные случаи данного явления, а существование коррупции как системы – системы, которая создает свои «правила игры», заменяющая конституцию, законы, мораль, религию и т.д.

Под коррупцией следует понимать использование субъектом управления своих властных полномочий вопреки интересам службы как из личной заинтересованности, так и в интересах других лиц. А под коррупционными преступлениями понимают предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния, субъектом которых являются служащие органов государственной власти, коммерческих и иных организаций, которые совершаются посредством использования должностных полномочий из корыстной заинтересованности и в целях личного обогащения.

П.Г. Пономарев формулирует дефиницию коррупции как посягающие на нормативно установленные общественные отношения в сфере публичной службы действия физических и юри-

<sup>1</sup> Крестовый поход против коррупции // Российская газета. 2008. 25 марта.

дических лиц по подкупу публичных служащих, вызванное подкупом действие или бездействие публичных служащих в пользу подкупающих лиц, осуществляемое путем злоупотребления своими служебными полномочиями как служебным положением, вымогательство публичными служащими за свое действие или бездействие в пользу заинтересованных лиц незаконного материального или иного вознаграждения, а равно действия по посредничеству в подкупе<sup>2</sup>.

В УК РФ 1996 г. можно выделить две главы Особенной части, в которых предусмотрены преступления, в полной мере отвечающие вышеуказанным критериям (гл. 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях» и гл. 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах государственного управления»). Выделяют следующие виды коррупционных преступлений:

- ст. 285 (злоупотребление должностными полномочиями);
- ст. 286 (превышение должностных полномочий);
- ст. 290 (получение взятки);
- ст. 292 (служебный подлог);
- ст. 201 (злоупотребление полномочиями лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации);
- ст. 204 (коммерческий подкуп).

Анализируя российское законодательство, следует отметить, что оно не содержит исчерпывающего перечня коррупционных деяний, но в то же время закрепляет критерии, посредством которых можно выделить такие, как:

1) в процессе совершения деяний незаконно используются полномочия, представленные виновным лицам по службе, а обстоятельствами, характеризующими этот критерий, могут быть:

- лицо, совершающее коррупционное преступление, должно находиться при исполнении своих служебных функций, т.е. на службе;
- в процессе его совершения должны быть использованы права, представленные виновному по службе, либо не выполнены возложенные на него служебные обязанности;
- служебные полномочия используются виновным вопреки интересам службы, т.е. вопреки установленному конкретными нормативными актами порядку их реализации;

<sup>2</sup> Пономарев П.Г. Понятие коррупции и уголовно-правовые средства ее сдерживания // Правовые и организационные проблемы борьбы с коррупцией: сб. научн. тр. М.: Академия МВД РФ, 1993. С. 49.

2) они совершаются из корыстной заинтересованности<sup>1</sup>.

Сложно представить, что коррумпированное чиновничество станет добровольно предпринимать эффективные меры, направленные на борьбу с коррупцией. Власть предпринимает определенные меры в плане ограничения масштабов коррупции, но медленно, не настойчиво, с оглядкой. В России пока отсутствует однозначно выраженная, свободная от двойных стандартов и нелогичных действий политическая воля государства противодействовать коррупции. Это и понятно, наши законы пишутся далеко не «святыми» законодателями, отдельные положения этих законов, касающиеся жестокой борьбы с ее проявлениями, прежде всего, самими законодателями «размываются», излагаются нелогично, с отсылками к действующему законодательству, которое располагается в различных законодательных актах и документах, в которых они при формулировании понятий и определений, а также квалифицирующих признаков коррупции, стараются избегать точных формулировок. Такие нормы закона дают широкие возможности развитию произвола чиновников и угрожают ростом коррупционных проявлений, т.е. создают благоприятную почву для соблазна в получении и даче взятки и совершении коррупционных преступлений.

При этом на второй план искусственно отодвигается решение основной проблемы – каким образом и с использованием каких инструментов необходимо осуществлять борьбу с коррупцией, направленную именно на устранение этого пагубного для общества явления. Коррупционная деятельность в силу пробелов и издержек уголовного и уголовно-процессуального законодательства, сложности легализации оперативной информации часто бывает объективно недоказуемой, а значит полученных данных недостаточно для предъявления обвинения. Кроме того, нам представляется ошибочным мнение отдельных ученых, которые считают, что пресечение «смежных» правонарушений может повлечь за собой прекращение либо частичное ограничение коррупционных преступлений. Так, отстранение чиновника, совершающего коррупционные преступления, от должности обязательно будет влечь за собой прекращение подобных преступлений<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Малиновский И.Б. Коррупция и уголовный закон // Российский следователь. 2009. № 15. С. 17.

<sup>2</sup> Бакунин В., Савицкий А. О межотраслевой методике пресечения коррупционных преступлений // Законность. 2009. № 7. С. 22.

Нам представляется, что имеющиеся в распоряжении правовых наук (уголовного права, уголовного процесса и криминалистики) средства и методы способны разрешить поставленную проблему, но при условии если законодатель проявит разумную инициативу в ее разработке и принятии. Если посмотреть Уголовный кодекс РФ, то увидим, что путь разрешения ее довольно широк. Так, ст. 209 УК РФ предусматривает ответственность за бандитизм, как самостоятельный состав он вменяется только при доказывании уголовно-правовых и криминалистических критериев – организованности, устойчивости и вооруженности. Как правило, бандитизм выступает в качестве дополнительного состава, утяжеляющего ответственность за совершение ряда преступлений.

На наш взгляд, применяя метод аналогии, законодатель мог бы определить в УК России статью «Коррупционность», указав такие криминалистические критерии (признаки) коррупционности, которые характеризовали бы систему коррупции, а не отдельные ее проявления, в отдельных случаях незначительные по своей тяжести. Таким определением коррупционности в УК РФ могло бы быть:

**Коррупционность – это организованное, систематическое выполнение должностным лицом каких-либо действий или бездействие в сфере его должностных полномочий, осуществляемое путем злоупотребления своим служебным положением или служебными полномочиями как с нарушением должностных инструкций, так и без их нарушения за вознаграждение в любой форме в интересах дающего такое вознаграждение, а равно совершение аналогичных действий путем вымогательства либо оказания посредничества в подкупе.**

При выявлении многочисленных фактов злоупотреблений, системы в получении взяток или организованного вымогательства должностным лицом состав «коррупционность» шел бы в качестве дополнительного, ужесточал ответственность виновных, налагал бы определенные ограничения на это лицо в будущем после отбытия наказания.

Нам представляется, что с понятием «коррупция» в обиход юристов должно войти понятие «коррумпированность». Коррумпированность – это вовлеченность должностного лица в незаконное обогащение путем использования должностных полномочий, зараженность стремлением к незаконному обогащению посредством использования возможностей занимаемого служебного положения<sup>3</sup>.

<sup>3</sup> Аленкин С.В. Механизм противодействия коррупции (теоретико-правовое исследование). М., 2008. С. 36.

При таком понятии коррумпированности и раскладе ее криминалистически значимых признаков лесник Орловской области, продавший елку оперативным работникам, представившимся ему коммерсантами, не стал бы по закону коррупционером, а стал бы обычным расхитителем и срок, назначенный ему, наверно, снизился бы в два раза. В свою очередь, руководитель фонда медицинского страхования России, организовавшая поборы с руководителей таких же фондов в областях и краях России за сверхлимитное, излишнее выделение денежных средств на нужды медицинского страхования в эти регионы и присвоившая таким образом 35 млн долларов (с ее слов), получила лишь девять лет лишения свободы, а по решению суда так и не стала коррупционером.

Несмотря на достаточно широкий спектр воззрений на коррупцию и коррупционность, тем не менее большинство ученых почти единодушно сходятся в том, что:

а) они всегда связаны с государственной властью и в силу этой зависимости неизбежно оказывают в большей или меньшей степени воздействие на характер и содержание власти, ее репутацию в обществе;

б) злоупотребление властью может осуществляться для получения выгоды не только в целях личного, но и корпоративного, кланового интереса<sup>1</sup>.

Важным моментом в криминалистических исследованиях коррупции выступает создание принципиальной криминалистической модели функционирования коррумпированных связей. Конструирование такой модели, протекающее в рамках системно-деятельностного подхода, должно исходить из положения, что любая форма преступности так или иначе в своем развитии и функционировании решает текущие задачи по воспроизводству преступной деятельности, не только оказывает влияние на окружающую социум среду, но и осуществляет длительное целенаправленное воздействие на сам социум, создает нужную обстановку для реализации этой преступной деятельности. Иными словами, изменять окружающую социум среду для наиболее эффективного существования его в ней и его преступной деятельности – несомненно, преобразовательная деятельность. «Организованные преступники не просто используют удобные для совершения преступлений условия, но и преодолевают встречающиеся препятствия, целенаправленно при-

способливают социальную среду для совершения преступлений»<sup>2</sup>.

Вышеназванные уголовно-правовые и криминалистически значимые признаки этого состава выходят из самого определения «коррупционность»:

- организованность;
- систематичность;
- должностное лицо, выполнение или невыполнение им должностных обязанностей и полномочий, инструкций;
- получение вознаграждения в различной форме в интересах дающего.

От дискуссионных идей и законодательных решений пора переходить к действиям, которые обеспечат положительные результаты в интересах российских граждан и нашей страны. Сложно представить, что коррумпированное чиновничество станет добровольно предпринимать эффективные меры, направленные на борьбу с коррупцией. Власть предпринимает определенные меры в плане ограничения масштабов коррупции, но медленно, не настойчиво, с оглядкой. Наши законы пишутся далеко не «святыми» законодателями, а поэтому некоторых положений, которые касаются жесткой борьбы с этим злом, законодатели стараются избежать либо пытаются усложнить сам управленческий процесс, внося в нормы закона такие положения, как «вправе», «может», а не «обязан» и «должен»<sup>3</sup>.

В юридическом смысле слова коррупция рассматривается как совокупность составов правонарушений, предусмотренных в законодательстве и отличающихся таким важным квалифицирующим признаком, как использование должностным лицом своего публичного статуса в корыстных целях для личного обогащения или в групповых интересах, т.е. должностное злоупотребление.

Коррупция – серьезный вызов для любого государства и общества. В современную эпоху ее характерной чертой стала универсальность: она существует повсеместно, вне зависимости от уровня социально-экономического развития государств; проникает во все сферы жизни; приобретает транснациональные формы. Коррупция, существующая в какой-либо одной стране, может негативно сказываться на развитии и других стран.

<sup>2</sup> Организованная преступность: проблемы, дискуссии, предложения. Круглый стол издательства «Юридическая литература». М.: Юридическая литература, 1989. С. 9.

<sup>3</sup> Акимов Н.В. Коррупция в России: история и современность // Юридический мир. 2008. № 12. С. 11.

<sup>1</sup> Кузьмин Н.А. К вопросу о понятии и природе коррупции // Российский следователь. 2009. № 24. С. 26.

УДК 343.236

**С.В. Ермаков**

Барнаульский юридический институт МВД России

e-mail: ermakov\_alt 22@mail.ru

## ПРОБЛЕМА ПРИЗНАНИЯ СУБЪЕКТОМ ПОЛУЧЕНИЯ ВЗЯТКИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

*В статье автор рассматривает вопрос о признании должностными лицами отдельных категорий медицинских работников. Отдельное внимание уделяется понятию организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций медицинских работников.*

*Ключевые слова: должностное лицо, получение взятки медицинским работником.*



**S.V. Ermakov**

Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

e-mail: ermakov\_alt 22@mail.ru

## THE PROBLEM OF RECOGNIZING THE SUBJECT OF BRIBE TAKING OF HEALTH CARE PROFESSIONAL

*The article the author considers the question of the recognition of official of certain categories of the health care professional. Special attention is paid to the notion of organization and administrative functions of the health care professional.*

*Keywords: official, bribe taking, of health care professional.*

Вопрос о субъекте получения взятки в сфере здравоохранения целесообразно начать с анализа понятия «должностное лицо», закрепленного в примечании 1 к ст. 285 УК РФ. Формулировка указанного понятия позволяет выделить три категории должностных лиц:

- представители власти;
- должностные лица, выполняющие организационно-распорядительные функции;
- должностные лица, выполняющие административно-хозяйственные функции в соответствующих органах<sup>1</sup>.

Рассмотрим обозначенные категории более подробно:

1. Медицинские работники, обладающие организационно-распорядительными функциями.

<sup>1</sup> Приведенные категории должностных лиц выделяются большинством представителей науки уголовного права. См.: Гармаев Ю.П. Квалификация и расследование взяточничества: учебно-практическое пособие. М., 2009. С. 18-20.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» от 10.02.2000 № 6 указывается, что организационно-распорядительные функции включают в себя, например, руководство коллективом, расстановку и подбор кадров, организацию труда или службы подчиненных, поддержание дисциплины, применение мер поощрения и наложение дисциплинарных взысканий<sup>2</sup>. С учетом этого в юридической литературе в качестве должностных лиц сферы здравоохранения обоснованно называются: главные врачи, их заместители, заведующие отделением<sup>3</sup>.

Однако указанными полномочиями содержание организационно-распорядительных функций не ограничивается. Следует отметить, что постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 ок-

<sup>2</sup> Бюллетень Верховного Суда. 2000. № 4.

<sup>3</sup> Крылова Н.Е., Павлова Н.В. Субъект преступлений, совершаемых в сфере медицинской деятельности // Современное право. 2006. № 4.



тября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и их превышении»<sup>1</sup> к организационно-распорядительным функциям относит полномочия лиц по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия (например, выдача листка временной нетрудоспособности, установление факта наличия у гражданина инвалидности).

Так, например, участковый врач-терапевт одного из муниципальных учреждений здравоохранения г. Барнаула Алтайского края Ф. судом Ленинского района г. Барнаула Алтайского края была признана должностным лицом, выполняющим организационно-распорядительные функции, «поскольку наделена полномочиями по оформлению документов, удостоверяющих временную нетрудоспособность и подтверждающих временное освобождение от работы, влекущих обязанность работодателей назначать и выплачивать денежные пособия по временной нетрудоспособности граждан». Суд квалифицировал действия гр-ки Ф., выразившиеся в получении взятки за выдачу С. фиктивного листка временной нетрудоспособности, по ч. 2 ст. 290 УК РФ<sup>2</sup>.

Другой пример, Ш. – врач-невропатолог одного из муниципальных учреждений здравоохранения с. Бея Республики Хакасия, входящий в состав врачебной комиссии указанного учреждения здравоохранения, Бейским районным судом Республики Хакасия был признан должностным лицом, поскольку обладал организационно-распорядительными функциями, в т.ч. принимал решения о направлении гражданина на медико-социальную экспертизу, устанавливающую группу инвалидности. Группа инвалидности дает право гражданину получать пенсию по инвалидности, право на дополнительное лекарственное обеспечение, технические средства реабилитации, санаторно-курортное лечение и льготы по коммунальным услугам, которые гарантированы государством. Суд квалифицировал действия Ш., выразившиеся в покушении на получение взятки за оформление Ф. направления на медико-социальную экспертизу, по ч. 3 ст. 30 – ч. 1 ст. 290 УК РФ<sup>3</sup>.

Однако проблема заключается в том, что в процитированном нами постановлении Пленума

Верховного Суда РФ приведен только примерный, открытый перечень полномочий врачей по принятию решений, влекущих определенные юридические последствия. Соответственно, некоторые авторы либо воспринимают постановление Пленума буквально и ограничиваются в спектре полномочий только теми, которые представлены для примера в постановлении, либо необоснованно выходят за рамки представленной формулировки. Так, например, в некоторых работах мы встречаем утверждение, что к получению взятки следует относить принятие лечащим врачом незаконного денежного вознаграждения за проведение операций на надлежащем уровне, выписку рецептов, досрочную выписку пациента из больницы либо, наоборот, продление его нахождения в больнице и т.д.<sup>4</sup>

Бесспорно, авторы подобных работ заблуждаются, относя к взяточничеству те действия, которые в УК РСФСР 1960 г. попадали под признаки незаконного вознаграждения от граждан за выполнение работ, связанных с обслуживанием населения, иначе говоря, за выполнение своих профессиональных функций. В настоящее время данное деяние декриминализовано, и привлечь к уголовной ответственности указанных лиц не представляется возможным<sup>5</sup>.

Так, врач акушер-гинеколог одного из муниципальных учреждений Аскизского района Республики Хакасия А. получил денежные средства от Н. за процедуру прерывания беременности. Как указано в постановлении о прекращении уголовного дела, А. выполнял свои профессиональные функции, а следовательно, должностным лицом не являлся<sup>6</sup>.

Обратившись к анализу Основ, можно прийти к выводу, что перечень полномочий по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия может быть расширен путем включения в него полномочий:

- по проведению патологоанатомического вскрытия трупа, по результатам которого установ-

<sup>4</sup> Новак Б. Взятка и откат. СПб.: Питер, 2008. С. 41-42.

<sup>5</sup> Об отграничении профессиональных функций и полномочий должностного лица неоднократно подчеркивалось в научной литературе. См.: Абдулина Е.В. Проблемы отграничения получения взятки от получения незаконного денежного вознаграждения лицом, выполняющим профессиональные функции в сфере здравоохранения // Закон и право. 2009. № 7. С. 97-98.

<sup>6</sup> Архив СО СУ СК при прокуратуре РФ по Республике Хакасия. Д. № 312441/2009.

ливается причина смерти, формулировка которой может повлечь за собой возбуждение уголовного дела (например, по ст. 105 УК РФ);

- проведению судебно-медицинской экспертизы, определяющей наличие у гражданина телесных повреждений, а также степень тяжести вреда здоровью, что также имеет юридическое значение и может повлечь за собой определенные юридические последствия;

- проведению судебно-психиатрической экспертизы, определяющей степень вменяемости лица во время совершения преступления, по результатам которой лицо может быть освобождено от уголовной ответственности;

- проведению военно-врачебной экспертизы, позволяющей получить отсрочку или освобождение от службы в армии.

Так, например, М. – врач-специалист военного комиссариата одного из районов г. Барнаула Алтайского края (председатель военно-врачебной комиссии) Индустриальным районным судом г. Барнаула Алтайского края был признан должностным лицом в силу того, что был наделен организационно-распорядительными функциями, а именно был обязан организовывать работу военно-врачебной комиссии военного комиссариата и участвовать в ней в качестве председателя. Суд квалифицировал действия М., выразившиеся в получении взятки за действия, связанные с оформлением медицинского заключения, незаконно предоставляющего К. отсрочку от призыва на военную службу, по ч. 2 ст. 290 УК РФ<sup>1</sup>.

Непосредственное изучение правоприменительной практики СФО РФ позволяет дополнить вышеуказанный перечень полномочий следующими их разновидностями:

- прием зачетов и экзаменов в образовательных учреждениях сферы здравоохранения.

Так, например, Д., работавшая по основному месту работы врачом-кардиологом, была принята на должность преподавателя-совместителя в ГОУ СПО «Рубцовский медицинский колледж», Рубцовским городским судом Алтайского края признана должностным лицом, обладающим организационно-распорядительными функциями. Последние, как указано в приговоре, проявлялись в том, что «работая преподавателем-совместителем, была наделена правами и обязанностями по принятию зачетов и экзаменов от студентов по учебным дисциплинам. Несдача студентом экза-

<sup>1</sup> Архив Индустриального районного суда г. Барнаула Алтайского края. Д. № 1-446/2005.

мена, зачета, т.е. получение неудовлетворительной оценки, влечет правовые последствия: он не допускается к следующей сессии, не переводится на следующий курс, кроме того, может быть отчислен из колледжа». Суд квалифицировал действия Д., выразившиеся в получении взятки за проставление К. и Р. оценок за зачет без установленной процедуры их приема, по ч. 2 ст. 290 УК РФ и ст. 292 УК РФ<sup>2</sup>;

- оформление и выдача санаторно-курортных карт, а также санаторно-курортных путевок.

Так, например, Т. – районный врач-педиатр одного из муниципальных учреждений здравоохранения г. Болотное Новосибирской области, федеральным судом общей юрисдикции Болотнинского района Новосибирской области была признана должностным лицом, выполняющим организационно-распорядительные функции, поскольку в ее обязанности входило оформление и выдача санаторно-курортных карт, а также санаторно-курортных путевок, порождающих у граждан право санаторно-курортного лечения за счет средств федерального бюджета. Суд квалифицировал действия Т., выразившиеся в получении взятки за оформление и выдачу санаторно-курортной карты, а также санаторно-курортной путевки Ш., по ч. 1 ст. 290 УК РФ, ч. 1 ст. 285 УК РФ;

- проведение медицинского освидетельствования лиц, направленных на экспертизу алкогольного, наркотического и токсического опьянения.

Так, например, Т. – врач психиатр-нарколог одного из муниципальных учреждений г. Черногорска Республики Хакасия, Черногорским городским судом Республики Хакасия был признан должностным лицом, обладающим организационно-распорядительными функциями, поскольку осуществлял производство освидетельствования на наличие состояния опьянения. Результаты медицинского освидетельствования излагаются в акте, являющимся обязательным для должностных лиц органов, применяющих решение о привлечении лица к административной ответственности, которым предоставлено право государственного надзора и контроля за безопасностью дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Нарушение указанных правил влечет за собой административную ответственность и лишение права управления транспортным средством. Суд квалифицировал действия Т., выразившиеся в получении взятки за выдачу Н. заведомо

<sup>2</sup> Архив Рубцовского городского суда Алтайского края. Д. № 1-394/06.

подложного акта медицинского освидетельствования на состояние опьянения, по ч. 2 ст. 290 и ст. 292 УК РФ<sup>1</sup>.

На основании изложенного приходим к выводу, что перечень полномочий по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия, применительно к сфере здравоохранения в настоящее время значительно шире, чем тот, который представлен для примера в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и их превышении», в связи с чем в целях конкретизации и единообразия в вопросе о субъекте взятничества в сфере здравоохранения указанное в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, на наш взгляд, в части данного вопроса нуждается в детализации.

2. Медицинские работники, обладающие административно-хозяйственными функциями, т.е. полномочиями по управлению и распоряжению имуществом и (или) денежными средствами, находящимися на балансе и (или) банковских счетах организаций, учреждений, воинских частей и подразделений, а также по совершению иных действий (например, по принятию решений о начислении заработной платы, премий, осуществлению контроля за движением материальных ценностей, определению порядка их хранения, учета и контроля за их расходом)<sup>2</sup>.

Так, например, Ч., являясь главным врачом одного из муниципальных учреждений здравоохранения г. Барнаула Алтайского края, Центральным районным судом г. Барнаула Алтайского края был признан должностным лицом, наделенным административно-хозяйственными функциями, а именно: проведение анализа и составление

отчетов о финансово-хозяйственной деятельности, изыскание новых источников финансирования. Суд квалифицировал действия Ч., выразившиеся в получении взятки от индивидуального предпринимателя Р. за содействие в предоставлении в аренду помещения столовой возглавляемого им учреждения здравоохранения, по ч. 1 ст. 290 УК РФ<sup>3</sup>.

Таким образом, для правильной квалификации действий медицинских работников при получении ими незаконного вознаграждения крайне важно установить, обладает ли медицинский работник признаками должностного лица, а для этого необходимо четко отграничить его должностные функции от сугубо профессиональных. При этом для признания в каждом конкретном случае работника сферы здравоохранения должностным лицом необходимо наличие следующих признаков:

1) медицинский работник должен обладать организационно-распорядительными или административно-хозяйственными функциями в учреждениях здравоохранения;

2) данные функции должны составлять должностные, а не профессиональные обязанности медицинского работника.

Внесение предлагаемых изменений в постановление Пленума Верховного Суда РФ позволит снять проблему неоднозначной на сегодняшний день оценки сотрудниками подразделений ЭБ и ПК первичных оперативно-разыскных данных о взятничестве в сфере здравоохранения на предмет наличия в действиях проверяемых и разрабатываемых лиц признаков состава преступления, предусмотренного ст. 290, 291, 291.1 УК РФ, а также значительно уменьшит количество прекращенных преступлений.

<sup>1</sup> Архив Черногогорского городского суда Республики Хакасия. Д. № 1-659/06.

<sup>2</sup> Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 12.

<sup>3</sup> Архив Центрального районного суда г. Барнаула Алтайского края. Д. № 1-371/2009.

УДК 379.98.067

*Д.В. Ким, доктор юрид. наук, профессор  
Барнаульский юридический институт МВД России  
e-mail: kimklo@mail.ru*

## КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК ИНФОРМАЦИОННАЯ БАЗА МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ

*С учетом анализа понятия и структуры криминалистической характеристики преступлений утверждается, что, наряду с криминалистической характеристикой расследования и криминалистической характеристикой судебного рассмотрения уголовных дел, она является не только одним из блоков полноструктурной криминалистической методики, но и выступает в качестве ее информационной базы.*

*Ключевые слова: криминалистическая характеристика преступлений, преступная деятельность, преступник, криминальная ситуация, криминалистическая методика расследования.*



*D.V. Kim, Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences), professor  
Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia  
e-mail: kimklo@mail.ru*

## CRIMINALISTIC DESCRIPTION OF CRIMES AS AN INFORMATION BASE OF INVESTIGATIVE METHODS

*Criminalistic description of crimes is considered to be not only one of the units of investigative methods, but it is its information base as well taking into consideration its structure.*

*Key words: criminalistic description of crimes, criminal activity, a criminal, criminal situation, criminalistic methods of investigation.*

Рассматривая различные виды деятельности, интересующие криминалистику с позиции системного подхода, можно увидеть определенные закономерности как в процессе совершения преступления, так и его расследования, судебном рассмотрении, а элементам криминалистической характеристики преступлений присуща амбивалентность (полярность) по отношению к элементам криминалистических характеристик расследования и судебного рассмотрения уголовных дел.

Так, преступнику противопоставлен субъект доказывания; действиям преступников по подготовке, совершению и сокрытию преступления противопоставлены действия субъектов доказывания в соответствии с этапами расследования и судебного рассмотрения уголовного дела и т.д. Анализ научных исследований в этих областях

показывает, что хотя вопросам, касающимся криминалистической характеристики преступления и ее структуре уделялось достаточно внимания, в то же время ряд вопросов требует своего дальнейшего изучения. В частности, остались «в тени» такие вопросы, как соотношение структуры деятельности субъектов доказывания с ее объектом – поведением преступника, а также соотношение деятельности преступника и криминальной ситуации, хотя известно, что именно деятельность лежит в основе взаимодействия человека с окружающим его миром и направляет его (человека) на преобразование этого мира для удовлетворения своих потребностей и целей<sup>1</sup>.

В самом общем виде деятельность понимается как динамическая система взаимодействия

<sup>1</sup> Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестник Моск. ун-та. 1979. № 2. С. 3-11.

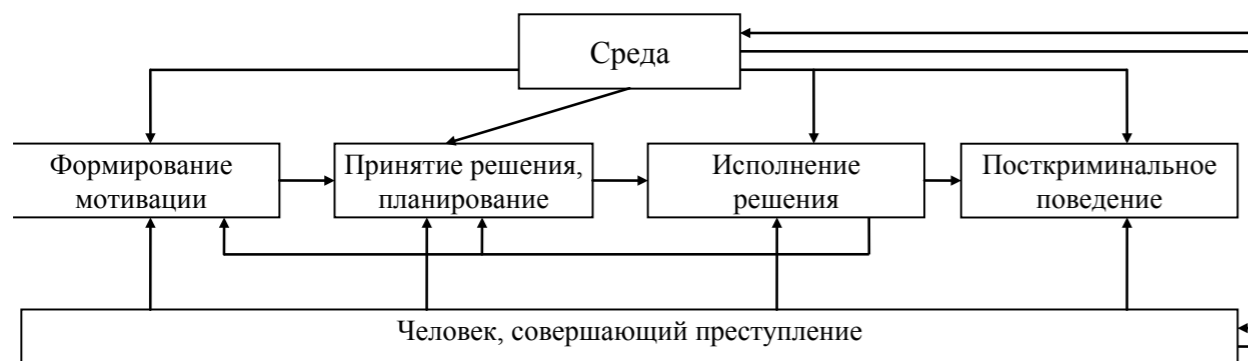
субъекта с миром, специфически человеческая, регулируемая сознанием внутренняя и внешняя активность<sup>1</sup>.

Саму же преступную деятельность в криминалистическом аспекте ученые определяют неоднозначно. Так, В.Е. Корноухов под преступной деятельностью понимает «форму преступного поведения, которая состоит из совокупности действий, объединенных общим мотивом и целью»<sup>2</sup>.

Т.С. Волчецкая полагает, что это «непрерывный процесс возникновения, разрешения и взаимоперехода предкриминальных, собственно криминальных и посткриминальных ситуаций»<sup>3</sup>. На наш взгляд, преступная деятельность (как, впрочем, и любая другая) должна включать в себя не только действующего субъекта, но и внешнюю среду, взаимодействие которых ведет к мотивации, а от мотивации – к планированию и совершению преступления. Кроме этого, преступная

деятельность тесно связана с ситуациями подготовки, совершения и сокрытия преступления, что позволяет рассматривать ее и вышеперечисленные ситуации как взаимосвязанные блоки одной системы, именуемой в криминалистике криминалистической характеристикой преступлений. Преступник действует (взаимодействует с окружающим миром) не хаотично, не бездумно, а выбирает такую систему действий для достижения преступного результата, которая адекватна его личностным свойствам, исходя из сложившейся на тот или иной период времени ситуации.

Этой проблеме уделялось достаточно много внимания в криминологии<sup>4</sup>, а академиком В.Н. Кудрявцевым была разработана и обоснована схема механизма преступного поведения, которая впоследствии была дополнена А.И. Долговой<sup>5</sup>. В схеме удачно показано взаимодействие человека с учетом его личностных качеств и среды на этапах криминального поведения, и выглядит она следующим образом:



<sup>1</sup> Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М., 1997. С. 59.

<sup>2</sup> Корноухов В.Е. Курс криминалистики. Красноярск, 1996. Т. 1. С. 29.

<sup>3</sup> Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия. М. – Калининград, 1997. С. 85.

<sup>4</sup> См.: Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации. М., 1984; Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика, поведения, ответственность. М., 1989; Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. М., 1991. С. 122-125 и др.

<sup>5</sup> Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. М., 1968; Курс советской криминологии. М., 1985. Т. 1. С. 360; Криминология / под общ. ред. А.И. Долговой. М., 1997. С. 60-68.

Из приведенной схемы видно, что порождаемое в результате взаимодействия само начинает определять последующее развитие преступной деятельности, а значит и всю цепь последующих взаимодействий. В криминалистике такая целостная динамическая система, объединяющая в себе личность, деятельность и ситуацию, получила название «криминалистическая характеристика преступлений». Именно в криминалистической характеристике преступлений проявляются закономерности целостного движения уголовно значимой информации по делу, взаимосвязанной, взаимозависимой, возникающей в результате преступной деятельности лица по совершению преступления.

Анализ научных исследований показывает, что в литературе существует более сорока определений этой категории. Несмотря на их изобилие, принципиальных расхождений в позициях авторов по этому вопросу нет. Большинство из них определяют криминалистическую характеристику преступления как модель криминальных ситуаций и сопутствующих им обстоятельств, а также последствия преступлений определенных категорий в форме материальных и идеальных следов, механизма преступления и способа совершения преступления, предмета преступного посягательства, позволяющих выдвигать версии о расследуемом событии в целом или об отдельных его обстоятельствах и видеть тактическую перспективу расследования<sup>1</sup>.

В последнее время в научной литературе появились взгляды относительно анализируемого понятия, отличающиеся по своей форме и содержанию. Так, А.Ф. Лубин говорит о криминалистической характеристике преступной деятельности<sup>2</sup>, на что отчасти обратили внимание авторы некоторых учебников по криминалистике<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Подробнее об анализе понятия «криминалистическая характеристика преступлений» см., напр.: Князьков А.С. Криминалистика: курс лекций / под ред. проф. Н.Т. Ведерникова. Томск: Изд-во «ТМЛ-Пресс», 2008. С. 859-907; Яблоков Н.П. Криминалистическая характеристика преступлений // Криминалистика: учебник / под ред. Н.П. Яблокова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА-М, 2010. С. 62-76 и др.

<sup>2</sup> Лубин А.Ф. Методология криминалистического исследования преступной деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 1997. С. 11. См. также: Смахтин Е.В. Криминалистика в системе юридических наук уголовно-правового цикла: теория и практика: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тюмень, 2010. С. 12-13 и др.

<sup>3</sup> Криминалистика: учебник для вузов / отв. ред. Н.П. Яблоков. М., 1997. С. 45; Криминалистика: учебник /

Ситуацию вокруг понятия «криминалистическая характеристика преступлений» усугубило высказывание Р.С. Белкина, который указал на то, что «криминалистическая характеристика преступления, не оправдав возлагавшихся на нее надежд и ученых, и практиков, изжила себя, превратилась в иллюзию, в криминалистический фантом»<sup>4</sup>.

Полагаем, что данное высказывание спорно. Р.С. Белкин прав лишь в одном – большинство существующих криминалистических характеристик оказалось малопригодными с практической стороны. Они чаще всего перегружены ненужной (частной) информацией, которая не позволяет выявить корреляционные связи между ее элементами, выявить и диагностировать типовые ситуации, складывающиеся в процессе подготовки, совершения и сокрытия преступления, а самое главное – не позволяют создать ту информационную базу, которая бы позволила выдвинуть типовые версии и создать предпосылки для успешного расследования и судебного разбирательства уголовных дел той или иной категории. Именно эти обстоятельства повлияли на введение в категориальный аппарат криминалистики таких понятий, как «механизм преступной деятельности» и «криминалистическая характеристика преступной деятельности»<sup>5</sup>. Однако кажущиеся на первый взгляд существенными отличия между ними и криминалистической характеристикой преступления приводят к одному и тому же выводу: все эти категории выступают в качестве информационного средства единой криминалистической методологии, а структура преступной деятельности и ее этапы соответствуют структуре и этапам деятельности по раскрытию, расследованию и судебному разбирательству уголовных дел.

Поэтому не случайно, развивая учение о криминалистической характеристике преступления, В.К. Гавло впервые пришел к выводу о том, что криминалистические характеристики преступления содержат понятия разной степени абстракции и, соответственно, имеют различные уровни содержания информационной модели, что должно найти наиболее полное отражение в методике

отв. ред. Н.П. Яблоков. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999. С. 36-37.

<sup>4</sup> Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: НОРМА ИНФРА-М, 2001. С. 223.

<sup>5</sup> См.: Лубин А.Ф. Механизм преступной деятельности. Методология криминалистического исследования. Н. Новгород, 1997.

расследования преступлений<sup>1</sup>. По его мнению, рассматриваемое понятие соответствует трем уровням абстракции. Это предложение поддержал Р.С. Белкин, но высказал сомнение по поводу выделения криминалистической характеристики конкретного преступления<sup>2</sup>.

Полагаем, что учет различных по содержанию уровней данного понятия позволяет в методике расследования более дифференцированно и точно классифицировать и изучать их главные свойства и признаки на единичном, особенном и общем уровнях<sup>3</sup>. По этому пути пошли также и другие авторы, достаточно убедительно отстаивая свою позицию<sup>4</sup>.

Поэтому трудно согласиться с позицией тех ученых, которые отрицают необходимость выделения криминалистической характеристики конкретного преступления<sup>5</sup>, т.к. это и есть отрицание связи трех уровней сущности изучаемого явления. Полная криминалистическая характеристика конкретного преступления складывается на момент вступления приговора в законную силу. Она служит источником формирования типовых криминалистических характеристик других уровней – общего и особенного.

Многие авторы говорят о системности криминалистической характеристики, т.е. о связях между ее элементами. Именно с системностью криминалистической характеристики связан вопрос о ее новизне и практическом значении. Представляется, что правы Р.С. Белкин, И.Е. Быховский,

А.В. Дулов и другие ученые, которые утверждают, что «криминалистическая характеристика как целое, как единый комплекс имеет практическое значение лишь в тех случаях, когда установлены корреляционные связи и зависимости между ее элементами, носящие закономерный характер и выраженные в количественных показателях. Данные об этих зависимостях могут служить основанием для построения типичных версий по конкретным делам. Только в этом заключается практическое значение криминалистической характеристики как целого»<sup>6</sup>.

На этом построены почти все методики отдельных видов и групп преступлений. Исследования, проводимые в этих областях, наглядно демонстрируют не только тесные связи между элементами криминалистической характеристики преступлений, но и отражают статистические показатели, которые имеют для субъекта доказывания вероятное, ориентировочное значение при выдвигании и проверке версий<sup>7</sup>. В теории игр этот прием получил название «рандомизированное поведение», которое означает признание наилучшим некоторое среднее, «смешанное», компромиссное решение, считающееся в данном случае оптимальным<sup>8</sup>. В практической деятельности следственных органов это обстоятельство целесообразно иметь в виду<sup>9</sup>.

В структуру криминалистической характеристики преступлений, полагаем, следует включать систему типичных сведений, раскрывающих основные черты способа, механизма и обстановки совершаемых преступлений, слеодообразования,

<sup>6</sup> Белкин Р.С., Быховский И.Е., Дулов А.В. Модное увлечение или новое слово в науке? // Соц. законность. 1987. № 9. С. 56-58.

<sup>7</sup> См.: Видонов Л.Г. Криминалистические характеристики убийств и системы типовых версий о лицах, совершивших убийства без очевидцев: метод. реком. к использованию систем типовых версий. Горький, 1978; Гармаев Ю.П. Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003; Субботина М.В. Криминалистические проблемы расследования хищений чужого имущества: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2004 и др.

<sup>8</sup> Воробьев Н.Н. Развитие науки и теории игр. Методологический аспект. М., 1972. С. 9-28.

<sup>9</sup> Шиканов В.И. Теоретические основы тактических операций в расследовании преступлений. Иркутск, 1983. С. 62-63; Воронин С.Э. Проблемно-поисковые следственные ситуации и установление истины в уголовном судопроизводстве: монография. Барнаул: АГУ, 2000. С. 83-86 и др.

<sup>1</sup> Гавло В.К. К вопросу о криминалистической характеристике преступлений // Вопросы повышения эффективности борьбы с преступностью. Томск, 1980. С. 120-122.

<sup>2</sup> Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. М., 1988. С. 181.

<sup>3</sup> Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск, 1985. С. 163-165.

<sup>4</sup> См., напр.: Каневский Л.Л. Дискуссионные проблемы сущности типовой криминалистической характеристики преступлений и ее использование в процессе расследования // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. М.: Спарк, 2002. Вып. 1. С. 27-29; Густов Г.А. Криминалистическая характеристика преступлений // Курс криминалистики: в 3 т.; т. I: Общетеоретические вопросы. Криминалистическая техника. Криминалистическая тактика / под ред. О.Н. Коршуновой и А.А. Степанова. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. С. 56-59 и др.

<sup>5</sup> Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. М., 1988. С. 181; Курапка В.Э., Малевский Г., Матулене С. О понятии криминалистической характеристики преступлений и ее уровнях // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. М., 2005. Вып. 2 (14). С. 13-23 и др.

преступника, его мотивы и цели в ситуациях подготовки, совершения и сокрытия преступлений, учитываемых в методике расследования<sup>1</sup>. Что позволяет связать воедино, в одно целое такие понятия, как преступная деятельность и ситуации, складывающиеся в процессе этой деятельности. Это не случайно. Как показывают исследования, ситуации, складывающиеся в процессе преступной деятельности, формируются на основе сочетания и взаимодействия элементов преступной (криминальной) деятельности, которая имеет довольно сложную структуру.

В теории она представлена в качестве системы<sup>2</sup> таких элементов, как субъект, объект, процесс, обстановка, средства, мотивы, цели и результаты преступной деятельности. Хотя в научной литературе имеются и другие подходы к решению указанного вопроса<sup>3</sup>.

В связи с чем элементы криминалистической характеристики преступлений включаются различными авторами в структурный состав как преступной деятельности, так и криминальной ситуации<sup>4</sup>. Это еще раз подтверждает то, что преступная деятельность и ситуации по подготовке, совершению и сокрытию преступления являются структурными компонентами (блоками) криминалистической характеристики преступлений как информационной базы методики расследования.

Сама же криминалистическая методика характеризуется интегративными приемами криминалистической техники и тактики, включает в себя познание закономерностей противоправной деятельности по подготовке, совершению, сокрытию отдельных видов преступлений и их противодействию расследуемым событиям и правоохранительной, законом предусмотренной деятельности по их раскрытию, расследованию и судебному разбирательству на основе целостного возникновения и движения по делу всей уголовно значимой информации.

<sup>1</sup> Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск, 1985. С. 167.

<sup>2</sup> Криминалистика / под ред. В.А. Образцова. М., 1997. С. 53-83; Криминалистика / под ред. Н.П. Яблокова. М., 1997. С. 19-33; Бахин В.П., Карпов Н.С., Цымбал П.В. Преступная деятельность: понятие, характеристика, принципы, изучение: монография / под ред. П.В. Мельника. Киев, 2001 и др.

<sup>3</sup> Типовые модели и алгоритмы криминалистического исследования / под ред. В.Я. Колдина. М., 1989. С. 24-28.

<sup>4</sup> Напр., см.: Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуация. М. – Калининград, 1997. С. 74.

Именно в криминалистической методике на этой основе возможны выделение и познание своеобразных закономерностей информационных структур, систем и процессов, разработка оптимальных вариантов (серий) правил и алгоритмов действий органа дознания, следователя, прокурора и суда в различных ситуациях возбуждения, расследования и разрешения дела по существу, в соответствии с задачами уголовного судопроизводства.

Традиционная структура криминалистической методики, полагаем, должна быть перестроена, т.к. она не отвечает уровню нынешнего развития криминалистики и требованиям судебно-следственной практики. В качестве ее составляющих можно выделить три взаимосвязанных блока: 1) криминалистическую характеристику совершения отдельных видов и групп преступлений; 2) криминалистическую характеристику раскрытия, расследования и предотвращения отдельных видов и групп преступлений; 3) криминалистическую характеристику судебного рассмотрения отдельных видов и групп преступлений. В учебниках по криминалистике, полагаем, необходимо показывать особенности методики как предварительного, так и судебного следствия<sup>5</sup>. Криминалистическая методика при таком ее толковании может выступать как специфическая информационно-познавательная система в деятельности субъектов, осуществляющих раскрытие, предварительное расследование преступлений и судебное рассмотрение уголовных дел, рассчитанная на определенные ситуации досудебного и судебного производств.

<sup>5</sup> Гавло В.К., Ким Д.В. Тактика и методика судебного следствия есть сфера приложения научного потенциала криминалистики // Актуальные вопросы криминалистического обеспечения уголовного судопроизводства: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2010. С. 291-292.

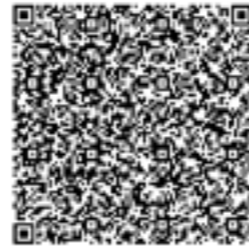
УДК 343.955

**В.М. Мешков**, доктор юрид. наук, профессор, заслуженный юрист России  
Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России

## ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ О ВРЕМЕНИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

*В статье рассмотрены некоторые психологические аспекты получения достоверных показаний о времени. Знания о времени – всегда суждение, в то время как пространство таким свойством не обладает. Общеизвестно, что основные координаты пространства возможно измерить с использованием соответствующего эталона, а неизвестные – вычислить с использованием знаний в области геометрии. Временные связи и отношения невозможно измерить известными единицами времени. Временные отношения и связи оцениваются каждым субъектом индивидуально на основании имеющегося опыта и знаний. Автором предлагаются специфические тактические приемы для получения информации о временных характеристиках преступления.*

*Ключевые слова: временные характеристики, субъективное время, процессы восприятия, запоминание и воспроизведение временных характеристик, следы времени, специфические тактические приемы получения информации о временной характеристике преступления, явления реминисценции для установления временных характеристик.*



**V. M. Meshkov, Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences), professor, Honored Lawyer of Russia**  
Kaliningrad branch of Saint-Petersburg University of MIA of Russia

## PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF OBTAINING INFORMATION ABOUT TIME DURING CRIME INVESTIGATION

*The article deals with some psychological aspects of getting true time evidence. Knowledge about time is a judgement, while space doesn't have such a feature.*

*The author mentions that space coordinates can be measured by time standards and unknown quantities can be measured with the help of Geometry. Time relations are estimated by any subject individually based on his experience and knowledge. The author offers specific tactic methods for obtaining information about time features of a crime.*

*Key words: time details, subjective time, process of acquisition, memorizing and reproducing of time details, time traces, specific tactic methods of obtaining the information about time features of a crime, phenomena of reminiscences for establishing time features.*

Изучение следственной практики однозначно свидетельствует, что при расследовании фактически любого уголовного дела следователь сталкивается с необходимостью обработки информации о тех или иных временных характеристиках, которые способствуют, во-первых, выполнению требований ст. 73 УПК РФ и, во-вторых, избранию наиболее оптимального пути расследования и установлению истины по делу. Уникальность деятельности следователя при получении и анализе информации о времени состоит в том, что время является, пожалуй, единственным атрибутом

окружающего мира, которое не прощает профессиональной непригодности следователя и о котором невозможно, даже заранее договорившись, дать одинаковые ложные показания нескольким человекам. Разница в показаниях о времени будет тем существенней, насколько существенны различия допрашиваемых лиц, в частности, в возрасте, уровне образования, профессиональной деятельности, развитости ума, состоянии физического и психического здоровья и т.д. В определенных ситуациях допрос конкретного человека без учёта

его биологического времени просто не позволит получить объективные данные.

Объясняя свой тезис о профессиональной непригодности ряда следователей к восприятию информации о времени, следует обратить внимание на то обстоятельство, что воспринимать время свойственно далеко не всем людям. Об этом свидетельствует как наша житейская практика, так и результаты труда высокопрофессиональных специалистов в виде предлагаемых нам законов. Например, каждый из нас знаком с людьми, которые никогда и куда не успевают. Не надо на них обижаться. Им просто не знакомо чувство времени.

Переходя к получению вербальной информации на допросе, где предметом являются данные о времени, нельзя обойти вниманием такой важный фактор, как следственная ситуация, поскольку невозможно сформулировать такие криминалистические рекомендации для следователя, которые были бы одинаково эффективны вне зависимости от ситуации. Как правильно отметили Д.А. Казанцев и Д.В. Ким, зачастую следователю приходится работать в достаточно сложных условиях, под воздействием внешней негативной среды, испытывая недостаток информации и трудности в оценке фактических данных, которые сложились на том или ином этапе расследования<sup>1</sup>.

Полностью поддерживая уважаемых учёных относительно оценки следственной ситуации, складывающейся в результате внешних воздействий, следует всё-таки напомнить, что не меньшее значение имеет и внутренняя составляющая следственной ситуации, а именно: готовность следователя к восприятию воздействия внешнего мира. И в частности, его готовность к восприятию вербальной информации, касающейся временных характеристик изучаемого события, т.е. информации о времени от допрашиваемого лица.

Нередко следователь просто психологически не способен воспринять исходящую от допрашиваемого информацию и фиксирует её в протоколе допроса не так, как она была произнесена, а так, как он её смог понять. Одна из причин этого явления заключается в разности течения субъективного времени у двух субъектов, участвующих в допросе. В научной литературе субъективное время человека принято изучать применительно к «времени психологии» (психологические аспек-

<sup>1</sup> Казанцев Д.А., Ким Д.В. Проблемы криминалистической методики предварительного расследования и судебного разбирательства по делам о коммерческом подкупе: монография. М.: Юрлитинформ, 2011. С. 81.

ты времени) и к «времени физики» (физиологические аспекты течения времени)<sup>2</sup>. Понятно, что криминалисты не могут повлиять на чувство времени у допрашиваемых, но обязаны научить следователей правильно воспринимать информацию о времени и объективно фиксировать её в протоколе соответствующего следственного действия.

Допрашиваемые лица – это люди, характеризующиеся различным возрастом, уровнем эмоционального, психического развития и другими данными, поэтому в процессах восприятия, запоминания и воспроизведения временных характеристик одного и того же события практически у всех допрашиваемых имеются определённые различия. Кстати, установление факта, когда несколько допрашиваемых лиц сообщают одинаковые сведения о времени расследуемого события, для следователя должен являться сигналом об их сговоре. Все люди по-разному, индивидуально воспринимают длительность одних и тех же событий, что обусловлено свойствами психики человека и, не в последнюю очередь, особенностями восприятия, запоминания и умения рассказать о наблюдаемых событиях. Специалистами замечено, что на восприятие человеком временных интервалов существенное влияние оказывает вид его сенсорной системы, и допрашиваемых условно можно подразделить:

- на визуалов (с ведущей зрительной системой);
- аудиалов (с ведущей слуховой системой);
- кинестетиков (с ведущей кинестетической системой).

Поэтому следователь при подготовке к допросу, целью которого является установление и уточнение временных характеристик расследуемого события, должен обладать определенными умениями, позволяющими ему определить, какой вид сенсорной системы сформировался у допрашиваемого. В зависимости от полученных данных необходимо избрать наиболее эффективные тактические приёмы, позволяющие получить наиболее достоверную информацию о времени в ходе допроса.

Процесс ознакомления с особенностями личности допрашиваемого начинается ещё при подготовке к допросу. Не рискуя предлагать следователю углублённое изучение физиологии и психики человека (хотя это совсем не лишние знания

<sup>2</sup> Чернышева М.П., Ноздрачев А.Д. Гормональный фактор пространства и времени внутренней среды организма. СПб., 2006. С. 100-190.

для следователя), можно предложить попытаться определить:

- к какому сенсорному типу относится допрашиваемый субъект;
- какова степень направленности внимания допрашиваемого при восприятии события, явления (осмысленное восприятие гарантирует больший объем запоминания обстоятельств события);
- какова степень развития умственных способностей допрашиваемого (например, способность адекватно воспринимать события действительности, умение держать в памяти временные характеристики);
- каков уровень владения допрашиваемым языковым аппаратом (допустим, умение правильно использовать глаголы и наречия, дающие представление о длительности и последовательности события, его периодов);
- каковы профессиональные навыки допрашиваемого (необходимость в течение трудового дня, производственного цикла постоянно оценивать истекающие временные интервалы).

Сведения об этих факторах получают различными способами: непроцессуальным (оперативно-разыскным) и процессуальным (следственным). В первом случае используют опросы родственников, сослуживцев, соседей; организуется наблюдение за допрашиваемым с целью оценить адекватность его поведения в окружающей обстановке; направляются запросы в медицинские учреждения для получения сведений о психических аномалиях допрашиваемого лица, о развитии его личности, перенесенных черепно-мозговых травмах и т.д. Во втором – используют допросы, очные ставки, проверки показаний на месте, следственные эксперименты, позволяющие оценить степень вероятности получения от конкретного лица объективных показаний о времени.

Выбор наиболее информативных способов собирания необходимых сведений о личности допрашиваемого осуществляется следователем в зависимости от складывающейся следственной ситуации. Не всегда подобные действия могут уложиться в рамки какого-либо оперативно-разыскного мероприятия или отдельного следственного действия. Иногда проверка перерастает в целый комплекс комбинаций, позволяющих всесторонне проверить и перепроверить информацию о субъективных свойствах допрашиваемого, влияющих на адекватность восприятия, запоминания и воспроизведения интересующих следователя временных связях и отношениях.

Показания о времени – всегда суждение, поскольку они основаны на оценке нескольких параметров, фактов. Это, в свою очередь, предполагает создание нормальных, благоприятных условий для высказывания суждений, т.к., по мнению А.Б. Соловьева, создание благоприятных условий и обстановки допроса необходимо для хорошего речевого изложения информации<sup>1</sup>. Поэтому существенное значение имеет выбор времени и места допроса, проведения очной ставки или следственного эксперимента.

Выбор времени допроса можно рассматривать в двух плоскостях: выбор времени суток для допроса (утреннее или вечернее) и выбор такого временного интервала после совершившегося преступления, когда ожидается сообщение наиболее полной информации о событии. Так, замечено, что наиболее продуктивно извлекаются сведения из мысленных образов очевидцев о времени в утренние часы. Что касается оптимального времени допроса после окончания исследуемого события, то следственная практика и выводы ученых-криминалистов единодушны: чем меньше времени проходит между восприятием и допросом, тем полнее получаемая информация<sup>2</sup>.

В пользу этой рекомендации, учитывающей в основном процесс забывания информации, имеется и еще один аргумент, не менее существенный, касающийся общения с несовершеннолетними. Последние, помимо процесса забывания, сильно подвергнуты и внушению, и спустя непродолжительное время могут выдавать за действительность не те факты, которые лично наблюдали, а внушенные взрослыми (что далеко не всегда делается из желания содействовать правосудию). Поэтому желательно максимально сокращать сроки между расследуемым событием и допросом несовершеннолетнего и проводить его в первой половине дня.

Однако из каждого правила имеются исключения. В рассматриваемом аспекте они касаются допросов потерпевших, подвергшихся неожиданному, болезненному физическому насилию, в результате чего они на первых порах ретроспективного, обратного действующего торможения не могут вспомнить об обстоятельствах, которые

<sup>1</sup> Соловьев А.Б. Допрос свидетеля и потерпевшего. М., 1974. С. 40.

<sup>2</sup> Лавров В.П. Особенности расследования нераскрытых преступлений прошлых лет. М., 1972. С. 54.

предшествовали этому событию<sup>1</sup>. Допрос таких потерпевших целесообразно отложить в зависимости от ситуации на 7-15 дней от момента события преступления.

Место допроса играет существенную роль в случае обоснованного предположения о том, что допрашиваемый вследствие истечения длительного временного интервала или в силу своих психических качеств может забыть часть воспринятого без дополнительных раздражителей, напоминающих о течении какого-либо явления во времени, и не воспроизвести его полностью. В этом случае оправданным, например, будет выбор места допроса в условиях, максимально приближенных к ранее наблюдаемым, напоминающим течение интересующего следствие события: на рабочем месте допрашиваемого, в его жилище или на месте происшествия. Замечено, что один и тот же человек в зависимости от обстановки может совершенно различно оценивать временные интервалы. Так, водитель автомобиля гораздо объективнее судит об истекших периодах, находясь на своем рабочем месте – за рулем, чем будучи допрошенным в служебном кабинете следователя. Закон не запрещает допросить водителя в привычной для него обстановке.

Помимо выбора времени и места допроса, учитывают эмоциональное состояние допрашиваемого, поскольку отрицательный эмоциональный настрой последнего существенно влияет на суждения относительно продолжительности каких-либо действий, нередко способствуя их искажению.

Самый идеальный для следователя вариант допроса с целью выяснения временных связей и отношений – это добровольная и заинтересованная дача показаний профессионала (т.е. обладающего профессиональными навыками по оценке времени), находящегося в зрелом возрасте, ясном уме и твердой памяти. Однако подобные ситуации редки в следственной практике. Гораздо чаще следователь вынужден допрашивать лиц, неспособных без посторонней помощи восстановить в памяти истекшие временные параметры или же не умеющих словесно передать сохранившиеся в своих мысленных образах картины о развитии события во времени.

Поэтому следователь должен не только уметь использовать общие тактические приемы, рекомендуемые криминалистикой для производства

<sup>1</sup> Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М., 2001. С. 22.

допросов, но и быть в состоянии оказать помощь последним в адекватном изложении временно забытого. Для достижения этой цели оправданно использовать такие специфические тактические приемы, как:

- 1) экспериментальные проверки с целью выявления способности допрашиваемого воспринимать и воспроизводить временные характеристики;
- 2) оказание помощи в выборе словесных выражений;
- 3) предложение общеизвестных точек отсчета времени;
- 4) совместный расчет времени;
- 5) возбуждение ассоциативных связей по сходству, контрасту и смежности во времени;
- 6) использование явления реминисценции.

Разберем некоторые аспекты названных тактических приемов.

Экспериментальные проверки с целью выявления способности допрашиваемого воспринимать и воспроизводить временные характеристики производят в случае необходимости выяснения умения допрашиваемого лица адекватно воспринимать и воспроизводить временные связи. По нашему мнению, в подобных случаях следователю желательно начать с простейших проверок (например, с предложения оценить время ожидания допроса в коридоре учреждения или длительности общения со следователем). По результатам таких проверок, как правило, не составляются процессуальные документы, и они отличаются от следственных экспериментов тем, что с их помощью проверяются не факты, а субъективные качества допрашиваемого. При наличии каких-либо сомнений в адекватности отражения временных интервалов и отношений, обнаруженных в ходе этих проверок, безусловно, должна быть произведена судебно-психологическая экспертиза, в ходе которой эксперт имеет возможность объективно подтвердить (или опровергнуть) наличие (или отсутствия) у проверяемого чувства времени.

Кроме того, при желании следователя получить временную информацию от допрашиваемого нередко возникают вербальные затруднения, выражающиеся в неточной формулировке последним словесных оборотов, характеризующих воспринятые временные параметры. Это может быть следствием как неумения пользоваться вербальным, словесным запасом, так и его отсутствием. Задача следователя состоит, во-первых, в определении причины затруднений и, во-вторых,

в изыскании возможности извлечения информации. Поэтому в подобных случаях целесообразно не предлагать самому, а записывать именно те словесные выражения, в основном глаголы и наречия, которыми пользовался допрашиваемый при воспроизведении информации о времени события преступления, что позволяет впоследствии интерпретировать высказывания допрашиваемого и определить, что он хотел сказать по тому или иному поводу.

Следующий специфический тактический прием извлечения сведений о времени из мысленных образов – предложение общеизвестных точек отсчета времени – используется в различных следственных ситуациях. Нередко при расследовании преступлений, совершенных достаточно давно, несколько лет назад, все-таки возникает необходимость в предельной конкретизации временных характеристик преступной деятельности, например при заявлении проверяемым лицом о своем алиби. В подобных случаях возможности следователя в перепроверке заявления об алиби существенно уменьшаются (к моменту проверки материальные следы, как правило, утрачены, мысленные образы забыты). Вероятно, это одна из причин хронического нераскрытия преступлений прошлых лет, при расследовании которых на первоначальном этапе либо не обнаружены, либо не зафиксированы следы времени. На эту причину, в частности, указывает и профессор В.П. Лавров<sup>1</sup>. В качестве точек отсчета времени предлагают различные ориентиры в зависимости от конкретной ситуации, от определенного года, до долей секунды.

Не менее эффективный тактический прием установления временных связей и отношений в ходе вербальных следственных действий – это совместный расчет времени. Данный прием наиболее эффективен при уточнении показаний, которые допрашиваемый дает добровольно, при условии его заинтересованности в установлении истины по делу. В таких случаях объединенными усилиями обеих сторон, участвующих в допросе, как правило, добиваются положительных результатов. На необходимость и возможность проведения совместного расчета времени обращали внимание многие криминалисты<sup>2</sup>.

Распространенным приемом вычисления временных связей и отношений является возбуждение ассоциативных связей по сходству, контрасту и смежности во времени с целью восстановления забытых временных ориентиров, которые актуализируются в ходе использования следующих тактических приемов:

1. Постановка детальных вопросов, активизирующих ассоциативные связи.

2. Демонстрация на допросе схем, рисунков, фотоснимков, выполненных как лично следователем, так и другими участниками процесса расследования.

3. Ознакомление с фрагментами материалов уголовного дела: с протоколами допроса свидетелей, потерпевших, соучастников; с протоколами осмотра места происшествия, обыска и т.п.

4. Прослушивание аудиозаписей отдельных оперативно-разыскных мероприятий или следственных действий.

5. Совместный просмотр оперативной видеосъемки, где запечатлены эпизоды преступной деятельности (наиболее актуально – при уточнении развития во времени проверочной закупки наркотиков).

6. Предъявление имеющихся материальных вещественных доказательств, в т.ч. данных мобильных телефонов и видеорегистраторов.

Вызовом ассоциативных явлений во временном аспекте достигают по крайней мере две цели:

1. Установление временных параметров осуществления преступной деятельности, например ее начала при предъявлении на допросе объектов, «добытых» преступником во время первой кражи; при предъявлении договоров, обязательств, характеризующих первый эпизод мошенничества и т.п.

2. Установление последовательности действий. Допустим, восстановление в памяти событий, касающихся оформления подложных документов, необходимых для их дальнейшего использования при мошенничестве, позволяет, в частности, определить последовательность изготовления их фрагментов и длительность подготовительных мероприятий.

В некоторых, достаточно редких, но все же возникающих в следственной практике случаях применяют тактический прием, основанный на использовании явления реминисценции. При этом учитывают, что иногда смысловые связи усиливаются при отсроченном восприятии. Это явление имеет место чаще всего в рамках сравнительно

небольшого временного интервала (спустя 7-15 дней с момента события до допроса о нем).

Тактические приемы получения сведений о времени можно объединить в зависимости от достоверности показаний.

1. При получении добросовестных сведений:

а) установление ошибочности связи между сообщаемыми фактами и интересующим следователя событием (в случаях, когда очевидец добросовестно заблуждается относительно «причастности» к событию преступления каких-либо фактов, следов);

б) создание материальных внешних условий, сходных с теми, к которым относятся ошибочные сведения о времени, сообщаемые в ходе допроса;

в) возбуждение ассоциативных связей в мысленных образах допрашиваемого посредством оказания на него психологического воздействия.

2. При получении недобросовестных показаний:

а) изобличение допрашиваемого в даче ложных показаний относительно временных характеристик преступления;

б) достижение изменения негативной установки допрашиваемого на дачу ложных показаний;

в) перепроверка совместно с допрашиваемым вновь полученных сведений о времени.

Каждый из перечисленных приемов имеет несколько аспектов, позволяющих добиться поставленной следователем цели. Так, при необходимости изобличения во лжи выясняют:

- психологическое отношение допрашиваемого к расследуемому событию и к лицам, к нему причастным;

- имел ли допрашиваемый возможность продумать свое поведение при контакте с сотрудниками правоохранительных органов;

- имел ли допрашиваемый достаточно времени для обеспечения своих показаний, допустим о ложном алиби, ложными показаниями других лиц;

имел ли интересующий следствие субъект возможность приготовить какие-либо материальные следы, «подтверждающие» его показания относительно времени события.

Установлением ряда обстоятельств, полностью или частично подтверждающих ложные показания допрашиваемого, деятельность следователя не завершается. Вновь полученные данные:

- во-первых, вынуждают следователя производить детализированный допрос как об ограниченном временном интервале, так и о предыдущих и последующих периодах, выяснять времяпрепровождение допрашиваемого. Это нередко лишает последнего «маневра» при повторных допросах, существенно сужает временные границы события, о течении которого допрашиваемый вновь готов изменить свои показания;

- во-вторых, обязывают следователя тщательно фиксировать все сообщенные допрашиваемым точки отсчета времени различных фаз и периодов события;

- в-третьих, способствуют избранию в ходе допроса такой последовательности постановки вопросов, которая не позволила бы допрашиваемому:

а) оспорить записи в протоколе следственного действия относительно временных связей без уличения его во лжи;

б) двойко трактовать сообщенные им сведения;

в) выдумывать все новые версии относительно временных связей.

В статье рассмотрены лишь некоторые психологические аспекты получения достоверных показаний о времени. Процедура извлечения информации о времени специфична. Она существенно отличается, например, от процедуры установления пространственных характеристик преступления. Время уникально, знания о нём – всегда суждение, а пространство таким свойством не обладает. Общеизвестно, что основные координаты пространства возможно измерить с использованием соответствующего эталона, а неизвестные – вычислить с использованием знаний в области геометрии. Временные связи и отношения невозможно измерить известными единицами времени. Временные отношения и связи оцениваются каждым субъектом индивидуально на основании имеющегося опыта и знаний. Субъект, желающий стать полноценным следователем, обязан не только знать психологию формирования показаний о времени в сознании допрашиваемого, но и развивать собственное чувство времени, позволяющего объективно оценивать поступающую информацию о времени от допрашиваемых лиц.

<sup>1</sup> Лавров В.П. Указ. раб. С. 11.

<sup>2</sup> Лавров В.П. Указ. раб. С. 70; Кергэс И. Тактика и психологические основы допроса. М., 1965. С. 66, 71-72; Соловьев А.Б. Допрос свидетеля и потерпевшего. М., 1974. С. 76-77.

## Гражданско-правовые отношения

УДК 347.51

**Н.М. Захарова**

адъюнкт Уральского юридического института МВД России

### ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТА, ОТВЕТСТВЕННОГО ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ЖИЗНИ ИЛИ ЗДОРОВЬЮ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ИМ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

*Статья посвящена проблеме определения субъекта, ответственного за причинение вреда жизни или здоровью сотрудника полиции при исполнении им служебных обязанностей. На основе анализа действующего законодательства автором сделан вывод о том, что в обязательствах по возмещению вреда, причиненного жизни или здоровью сотрудника полиции при исполнении им служебных обязанностей, может выступать как непосредственный причинитель вреда, так и государство.*

*Ключевые слова: возмещение вреда, жизнь или здоровье сотрудника полиции, исполнение служебных обязанностей, ответственность непосредственного причинителя вреда, ответственность государства.*



**N.M. Zakharova**

postgraduate of Ural Law Institute of the Interior

### ON THE PROBLEM OF SUBJECT'S RESPONSIBILITY FOR INJURIES CAUSED TO A POLICE OFFICER IN THE DISCHARGE

*The article is devoted to the problem of subject's responsibility for injuries caused to a police officer in the discharge. Based on the current legislation the author makes a conclusion that both a state and a tortfeasor can be responsible for indemnity of damages to a police officer in the discharge.*

*Key words: indemnity of damages, police officer's life or health, performance of professional duties, responsibility of a tortfeasor, responsibility of a state.*

При рассмотрении обязательства вследствие причинения вреда, причиненного жизни или здоровью сотрудника полиции при исполнении им служебных обязанностей, не вызывает сомнений тот факт, что на стороне потерпевшего (кредитора) могут выступать: а) непосредственно сам сотрудник, здоровью которого причинен вред; б) члены семьи и лица, находившиеся на иждивении погибшего (умершего) сотрудника полиции либо гражданина РФ, уволенного со службы в полиции. Поскольку рассматриваемое гражданское

правоотношение носит относительный характер, необходимо наличие второй стороны – причинителя вреда или иного лица, ответственного за причинение вреда жизни или здоровью сотрудника полиции (должника). С определением данной стороны дело обстоит гораздо сложнее.

По общему правилу, вред должен возмещаться лицом, его причинившим, т.е. непосредственным причинителем вреда. Действительно, в тех случаях, когда определить непосредственного причинителя вреда не представляет сложности, ответ-

ственность будет нести именно он (за некоторыми исключениями, указанными в законе). Законодатель не исключает возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью сотрудников полиции при исполнении ими служебных обязанностей, в порядке гл. 59 ГК РФ. Согласно ст. 1084 ГК РФ вред, причиненный жизни или здоровью гражданина при исполнении обязанностей службы в полиции, возмещается по правилам гл. 59 (ст. 1064-1101) ГК РФ, если законом не предусмотрен более высокий размер ответственности. Таким образом, сотрудник полиции либо члены его семьи и лица, находившиеся на его иждивении, понесшие вред, вправе обратиться с требованием о возмещении имущественного и компенсации морального вреда к непосредственному причинителю вреда по правилам главы 59 ГК РФ.

Однако в случае причинения вреда жизни или здоровью сотрудника полиции при исполнении им служебных обязанностей определение непосредственного причинителя вреда вызывает в большинстве случаев серьезные затруднения. Особенно, если это касается случаев причинения вреда сотрудникам, участвовавшим в осуществлении мероприятий по борьбе с терроризмом, когда выявить лицо, причинившее своими действиями вред жизни или здоровью, фактически невозможно.

Конституционный суд РФ в своем постановлении от 15 июля 2009 г. № 13-П<sup>1</sup> четко установил конституционную обязанность государства по возмещению вреда, причиненного здоровью сотрудников милиции в связи с исполнением ими служебных обязанностей, которая, по его мнению, может осуществляться в различных юридических формах, а именно: в форме обязательного государственного страхования их жизни и здоровья, в форме гражданско-правового (деликтного) возмещения вреда, причиненного здоровью гражданина при исполнении обязанностей службы в милиции и, наконец, в форме предоставления единовременного пособия и денежной компенсации.

Далее Конституционный суд РФ указал, что обязанность по возмещению вреда жизни или здо-

ровью сотрудника милиции в порядке главы 59 ГК Российской Федерации за счет соответствующей казны возникает в случае установления вины государственных органов или их должностных лиц в причинении этого вреда. Если же вина государственных органов или их должностных лиц в причинении вреда жизни или здоровью сотрудника милиции отсутствует, обязанность по его возмещению по указанным в данной главе основаниям на государство не возлагается. Соответственно, в таком случае следует говорить об ответственности непосредственного причинителя вреда, действиями или бездействием которого жизни или здоровью сотрудника полиции причинен вред.

Что касается вины государственных органов или их должностных лиц в причинении вреда жизни или здоровью сотрудника полиции при исполнении им служебных обязанностей, здесь необходимо сослаться на ст. 1069 ГК. В системной связи со ст. 1084 ГК РФ, а также ст. 1064 ГК РФ, устанавливающей общие основания ответственности за причинение вреда, это означает, что в случае установления вины государственных органов или их должностных лиц в причинении вреда жизни или здоровью сотрудника полиции обязанность по возмещению этого вреда в порядке гл. 59 ГК РФ возникает за счет соответствующей казны. При этом речь в данном случае, на наш взгляд, необходимо вести о бездействии указанных органов и лиц. В свою очередь, бездействие может проявляться в необеспечении безопасности жизни и здоровья сотрудника полиции при исполнении им служебных обязанностей. Что касается мер, которые должны осуществляться государством в качестве форм обеспечения безопасности жизни и здоровья сотрудников полиции, применяемых при наличии угрозы посягательства на эти нематериальные блага в связи со служебной деятельностью сотрудников, то они закреплены в нормах специального законодательства и не являются предметом рассмотрения данной статьи.

Возмещение вреда в форме предоставления единовременного пособия и денежной компенсации представляет собой установленную специальным законом (ст. 43 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»)<sup>2</sup> для сотрудников полиции дополнительную социальную гарантию, которая, соответственно, находится за рамками гражданско-правовых обязательств, вытекающих из причинения вреда. В частности,

<sup>2</sup> Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.



предусмотренная указанным законом денежная компенсация подлежит выплате ежемесячно при наличии лишь факта наступления вреда при исполнении сотрудником полиции служебных обязанностей (увечья или иного повреждения здоровья) при отсутствии вины государственных органов или их должностных лиц в причинении этого вреда. В таких отношениях государство выступает не как причинитель вреда, а как орган, действующий в публичных интересах.

Таким образом, следует констатировать тот факт, что второй стороной в обязательствах по возмещению вреда, причиненного жизни или здоровью сотрудника полиции при исполнении им служебных обязанностей, может выступать как непосредственный причинитель вреда, так и госу-

дарство. Последнее в рассматриваемом правоотношении может выступать либо в роли субъекта, ответственного за причинение вреда жизни или здоровью сотрудника полиции при исполнении им служебных обязанностей в контексте ст. 1069 ГК, либо в роли публичного органа, действующего на основании и во исполнение норм Конституции. Формы и, соответственно, способы возмещения вреда в указанных случаях будут различными. Однако и в том и в другом случае государство будет возмещать вред, преследуя единую цель – компенсировать последствия изменения материального и (или) социального статуса сотрудника полиции вследствие причинения вреда его жизни или здоровью при исполнении им служебных обязанностей.

УДК 347.1

**М.Н. Семякин**, доктор юрид. наук, профессор  
Уральский юридический институт МВД России  
e-mail: urmvd@mail.ru

## ОСНОВНЫЕ НАЧАЛА ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА – НОВАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ ИЛИ СИНОНИМ ИЗВЕСТНОЙ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ?

*В статье рассматриваются теоретические и методологические проблемы реализации ст. 1 Гражданского кодекса РФ, влияние ее основополагающих начал на толкование и применение гражданского законодательства в целом.*

*Ключевые слова: гражданское право, основные начала, правовые принципы, реализация права.*



**M.N. Semyakin**, Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences), professor  
Ural Law Institute of the Interior of Russia  
e-mail: urmvd@mail.ru

## THE BASICS OF THE CIVIL LEGISLATION – A NEW LEGAL DESIGN OR A SYNONYM OF A WELL-KNOWN CIVIL CATEGORY?

*Theoretical and methodological problems of application of Article 1 of the Civil code of the Russian Federation, the influence of its fundamental beginnings on interpretation and use of the civil legislation are considered.*

*Key words: civil law, basic beginnings, legal principles, application of the right.*

С принятием части первой Гражданского кодекса РФ в законе появилась такая юридическая конструкция, как основные начала гражданского законодательства (ст. 1 ГК). В связи с этим в цивилистической доктрине и на практике возникает ряд вопросов как сугубо теоретического, так и методологического и практического порядков: какое понятие охватывает данная конструкция? Как эта конструкция соотносится с уже давно известной в гражданском праве категорией принципов? Если гражданское законодательство закрепляет «основные» его начала, то логически можно предположить существование и иных («не основных») начал в системе названного законодательства и т.д.? На эти и многие другие аналогичные вопросы цивилистической науки еще предстоит ответить. В рамках данного небольшого по объему научного сообщения представляется возможным лишь кратко коснуться некоторых принципиаль-

ных положений, связанных с обозначенной сферой исследования.

1. Прежде всего представляется необходимым обратить внимание на некоторую некорректность семантического характера, которая допущена в названии статьи 1 ГК РФ в сочетании слов – «основные начала». Дело в том, что само слово «начало» означает не что иное, как основное положение, принцип, первоисточник, исходный и т.п.

Таким образом, словосочетание «основные начала» есть по существу тавтология, т.е. повторение в иной словесной форме ранее сказанного слова, идентичного по смыслу, что вряд ли можно приветствовать в тексте закона. К тому же юридическая конструкция «основные начала» формально дает повод предположить, что, помимо «основных», в гражданском законодательстве могут быть и какие-то иные – «не основные начала». Однако совершенно ясно, что каких-либо иных

«начал», помимо «основных», в гражданском законодательстве, исходя из логики семантики, просто быть не может. Даже если допустить, что законодатель в ст. 1 ГК РФ, помимо «основных начал» гражданского законодательства, имел в виду какие-то иные положения, также характеризующие названное законодательство, то в любом случае называть эти положения «началами» нельзя во избежание тавтологии.

Поэтому, думается, более правильно было бы назвать статью 1 ГК РФ «Начала гражданского законодательства». В дальнейшем по соображениям необходимости использовать терминологию, закрепленную законодателем в статье 1 ГК РФ, в настоящей статье также употребляется конструкция «основные начала» гражданского законодательства, имея в виду, однако, отмеченное выше.

2. Обращает на себя внимание также и то обстоятельство, что юридическая конструкция «основные начала» введена законодателем в текст закона не в связи с исключением известного фундаментального термина «принцип», а параллельно с ним, что, безусловно, осложнило сформировавшийся понятийно-терминологический аппарат. Правда, следует отметить и то, что в статье 1 ГК РФ речь идет об «основных началах» гражданского законодательства, а ранее в законодательстве и, соответственно, в доктрине использовался термин «принципы» гражданского права, что, безусловно, не одно и то же. Однако это обстоятельство отнюдь не упрощает исследование проблемы «основных начал» гражданского законодательства, а скорее, наоборот, усложняет его, добавляя появляющиеся в связи с этим дополнительные вопросы.

Принимая во внимание различие юридических конструкций «основные начала» гражданского законодательства и «принципы» гражданского права, в настоящей работе речь идет именно об «основных началах»; категория «принцип» употребляется лишь в связи с тем или иным аспектом исследования «основных начал».

3. В чем же сущность «основных начал» гражданского законодательства? По этой проблеме в юридической литературе можно встретить самые разные соображения, высказанные учеными. Так, по мнению М.И. Брагинского, «общие начала» как элемент юридической конструкции «аналогия права» (п. 2 ст. 6 ГК РФ) совпадают по содержанию с теми «основными началами» гражданского законодательства, которые сформулированы

в ст. 1 ГК РФ»<sup>1</sup>. Аналогичную позицию по этой проблеме занимает О.Н. Садилов, отсылающий при анализе «общих начал» (п. 2 ст. 6 ГК РФ) также к ст. 1 ГК РФ<sup>2</sup>.

Однако думается, такая позиция названных авторов не бесспорна. В связи с этим представляется необходимым обратить внимание по меньшей мере на два момента.

Во-первых, такие юридические конструкции, как «общие начала» гражданского законодательства, о чем упоминается в п. 2 ст. 6 ГК РФ, и «основные начала» гражданского законодательства, которые закреплены в ст. 1 ГК РФ, не совпадают семантически, в словесно-смысловом значении указанных выражений.

Во-вторых, «общие начала» как элемент конструкции «аналогия права» (п. 2 ст. 6 ГК РФ) могут применяться только в ситуации, когда имеет место «пробел в праве». Что же касается «основных начал» гражданского законодательства, закрепленных в ст. 1 ГК РФ, то данные нормативные положения имеют прямое юридическое действие, т.е. могут применяться непосредственно как отдельно (самостоятельно) в соответствующих случаях, так и вместе с другими нормами гражданского права.

4. Отдельные авторы «общие начала» законодательства, по существу, отождествляют с принципами права. Так, В.И. Леушин полагал, что «общие начала и смысл законодательства» есть не что иное, как принципы права (общеправовые и отраслевые)<sup>3</sup>.

Е.Г. Комиссарова характеризует «основные начала» гражданского законодательства как разновидность нормативных гражданско-правовых принципов. Говоря о соотношении основных начал гражданского законодательства с принципами гражданского права, автор приходит к выводу о том, «что основные начала – это разновидность нормативных гражданско-правовых принципов, относящихся к числу законодательных новелл». Развивая далее эту мысль, автор отмечает: «В отличие от иных правовых принципов в этой за-

<sup>1</sup> См.: Комментарий к части первой Гражданского кодекса Российской Федерации для предпринимателей / под общей ред. М.И. Брагинского. М., 1997. С. 18.

<sup>2</sup> См.: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / отв. ред. О.Н. Садилов. М., 1995. С. 23.

<sup>3</sup> Теория государства и права: учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Первалова. М., 1998. С. 377.

конодательной конструкции (надо полагать, в «основных началах» гражданского законодательства – М.С.) последовательно материализовались как естественно-правовые, так и государственно-правовые начала, объединив три компонента: заглавные, всеобъемлющие идеи о нормальном функционировании имущественных отношений в обществе; пределы применения и реализации гражданско-правовых норм вовне; самостоятельная нормативная основа для регулирования конкретных юридических ситуаций»<sup>1</sup>.

5. Отдельные соображения относительно юридической конструкции «основные начала» гражданского законодательства были высказаны известными дореволюционными цивилистами. Так, по мысли И.А. Покровского, так или иначе все идеологические ценности в гражданском праве продолжают освещаться через понятие «правовой принцип» – категорию, чуть «потускневшую» от частого и не всегда продуманного использования. Отсюда возникает «незамеченность» нюансов мысли законодателя, использовавшего категорию «основные начала гражданского законодательства». Между тем, как полагал названный автор, за этим шагом усматривается не просто «незначительное украшение в социальном духе»<sup>2</sup>, а прежде всего отход от декларативности в правовом регулировании, логическая преемственность в законодательстве.

По замечанию одного из основоположников российской цивилистики Д.И. Мейера, «задачей юридической науки является не только познание действующего законодательства, но также и обнаружение общих начал, заключенных в конкретных, отдельных положениях закона»<sup>3</sup>. Говоря о месте идей в праве, ученый отмечал, что «они формируют законодательство, которое является очисткой народных воззрений»<sup>4</sup>.

6. Представляется, что юридическую конструкцию «основные начала» гражданского законодательства (ст. 1 ГК РФ) нельзя смешивать с такой близкой по форме, но отличающейся по смыслу и назначению категорией, как «принци-

пы» гражданского права. В связи с этим представляется необходимым обратить внимание по меньшей мере на следующее.

Во-первых, «основные начала», о которых идет речь в ст. 1 ГК РФ, относятся к сфере гражданского законодательства; «принципы» же гражданского права воплощаются (закрепляются) в иной области – именно в сфере гражданского права. Соотношение же категорий гражданского законодательства и гражданского права конституируется как связь формы и содержания; гражданское законодательство есть форма гражданского права, содержание которого составляет система соответствующих норм. Соответственно, «основные начала» гражданского законодательства относятся, характеризуют именно форму гражданского права (систему гражданского законодательства); принципы же гражданского права относятся к содержанию названного права (системе правовых норм) и, следовательно, выражают особенности данного содержания.

Во-вторых, отождествление «основных начал» гражданского законодательства пусть даже с частью принципов гражданского права объективно приводит к выводу: «основные начала» гражданского законодательства есть «заглавные», основополагающие, фундаментальные и т.п. принципы гражданского права, а все «иные» принципы названной отрасли права – это какие-то «второсортные», менее «заглавные», менее «фундаментальные» и т.д. положения или «субпринципы», что не соответствует закономерностям семантического характера, да и не соотнобразуется с элементарными правилами формальной логики.

Исследование «основных начал» гражданского законодательства, их содержания и сущности, состава (перечня), функций и целей названных феноменов, их соотношения с такой фундаментальной категорией, как «принципы» гражданского права, – далеко не полный перечень вопросов, которые еще должны занять свое достойное место в предмете российской цивилистической науки.

В подразделе 1 «Основные положения» предлагается закрепить в первой же статье ГК принцип добросовестности при осуществлении гражданских прав и исполнении обязанностей. Данный принцип соответствует представлениям современной доктрины гражданского права и давно введен в законодательство подавляющего большинства стран с развитыми правовыми порядками.

Мировой опыт показывает, что эффективное развитие рынка невозможно без укрепления на-

чал автономии воли и свободы договора участников оборота. Однако неограниченная свобода в достижении экономических интересов таит в себе возможность дестабилизации оборота. Правила о добросовестности являются естественным противовесом правилам, утверждающим свободу договора и автономию воли сторон.

Для отечественной правоприменительной практики характерно обилие споров, разрешение которых связано с вопросом о недобросовестности участников оборота (см., например, информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 но-

ября 2008 г. № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Нормативное закрепление принципа добросовестности позволит не только установить важнейшие ориентиры поведения субъектов права, но и более широко применять меры гражданско-правовой защиты в случаях недобросовестных действий участников оборота.

В статье 2 ГК предлагается уточнить круг отношений, регулируемых гражданским законодательством, назвав в их числе реально существующие.

УДК 347.426

**О.С. Черепанова**, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

e-mail: olga41778@mail.ru

## К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИЯХ ВОЗМЕЩЕНИЯ ГОСУДАРСТВОМ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ЛИЧНОСТИ

*В статье анализируются основания возмещения государством вреда, причиненного личности. Обосновывается вывод об их недостаточности. Предлагается ряд мер, направленных на установление единого порядка возмещения вреда лицам, потерпевшим от преступлений.*

*Ключевые слова: государство, личность, возмещение вреда, ответственность, потерпевший, преступление.*



**O.S. Cherepanova**, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences)

Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

e-mail: olga41778@mail.ru

## ON THE QUESTION OF THE GROUNDS FOR COMPENSATION BY THE STATE FOR PERSONAL INJURY

*The article analyses the grounds for compensation by the state for harm caused to the individual. The author gives arguments in their failure. A series of measures, aimed at establishing a unified procedure of the compensation for harm to persons, victims of the crimes is proposed.*

*Key words: state, personality, compensation of damage, responsibility, victim, crime.*

Вопрос об основаниях возмещения государством вреда, причиненного личности, традиционно рассматривается в русле юридической ответственности государства. Принцип ответственности государства за вред, причиненный незаконными действиями органов государственной власти, закреплен на самом высшем уровне – конституционном. Так, в ст. 53 Конституции РФ установлено: «Каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц». При этом в соответствии с ч. 3 ст. 56 Конституции РФ данное право ни при каких условиях не подлежит ограничению.

Как справедливо отмечает К.Б. Ярошенко, возложение ответственности за вред на государство объясняется прежде всего тем, что:

1) государство располагает большими возможностями, чем любой другой орган по восстановлению потерпевшему его прежнего состояния;

2) в результате тесного переплетения деятельности органов государственной власти, их коллегиальной природы бывает трудно определить конкретное виновное лицо<sup>1</sup>.

Кроме этого, целесообразность возложения бремени возмещения вреда на государство обусловлена тем, что при причинении вреда незаконными действиями органов власти и должностных лиц государство несет ответственность за собственные действия, поскольку орган власти (должностное лицо), выполняя свои функции, осуществляет полномочия государства, реализует государственную право- и дееспособность.

<sup>1</sup> Ярошенко К.Б. Возмещение вреда, причиненного действиями должностных лиц // Советское государство и право. 1982. № 8. С. 138.

Вместе с тем анализ действующего законодательства позволяет обозначить и иные случаи возмещения государством вреда, причиненного личности, которые не могут быть отнесены к юридической ответственности. Речь идет о различных мерах социальной защиты – компенсациях, выплачиваемых из бюджетных средств по основаниям, предусмотренным законом. Полагаем, что такие основания условно могут быть разделены на три группы.

Первую группу составляют случаи возмещения государством вреда, причиненного здоровью и имуществу граждан вследствие чрезвычайных ситуаций. Это право предусмотрено, в частности, ст. 18 Федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»<sup>1</sup>, ст. 11 Федерального закона «Об охране окружающей среды»<sup>2</sup>, ст. 14-22 Закона РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС»<sup>3</sup>. Данные законодательные установления выражают социальную функцию государства по восстановлению личных и имущественных прав граждан в результате необеспечения властью безопасности их жизнедеятельности, благоприятной окружающей среды.

Ко второй группе относятся меры социальной поддержки в отношении лиц, выполняющих особо значимые для общества функции, жизни и здоровью которых был причинен вред. К этим лицам относятся члены Совета Федерации и депутаты Государственной Думы<sup>4</sup>, должностные лица правоохранительных и контролирующих органов<sup>5</sup>,

сотрудники полиции<sup>6</sup>, участники уголовного судопроизводства<sup>7</sup>, военнослужащие<sup>8</sup> и др.

В третью группу входят случаи причинения вреда лицам в результате совершения определенных преступных деяний. Суммы компенсаций, выплачиваемые потерпевшим из государственного бюджета, предусмотрены федеральными законами «О противодействии терроризму»<sup>9</sup>, «О реабилитации жертв политических репрессий»<sup>10</sup>, «О реабилитации репрессированных народов»<sup>11</sup>.

Не отрицая социальной значимости данных оснований, следует признать их объективную недостаточность, поскольку они предусматривают лишь немногие случаи возмещения причиненного личности вреда, в то время как такой вред причиняется любым преступлением против жизни, здоровья, собственности и т.д. Согласно официальным статистическим данным МВД России, ущерб от преступлений по оконченным и приостановленным уголовным делам за 2012 год составил 267,77 млрд руб. В результате преступных посягательств погибло 38,7 тыс. человек, здоровью 50,6 тыс. человек причинен тяжкий вред<sup>12</sup>.

Несмотря на то, что ст. 52 Конституции Российской Федерации декларирует, что «государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба», следует признать, что действительная помощь государства лицам, пострадавшим от преступлений не так уж значительна. Как обоснованно отмечает В.И. Селиверстов, «на протяжении последних лет суммы ущерба, причиненного преступной деятельностью, существенно превышают суммы,

<sup>6</sup> О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства. 2011. № 7. Ст. 900.

<sup>7</sup> О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федеральный закон от 20 октября 2004 г. № 119-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2004. № 34. Ст. 3534.

<sup>8</sup> О статусе военнослужащих: федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 22. Ст. 2331.

<sup>9</sup> О противодействии терроризму: федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Российская газета. 2006. 10 марта.

<sup>10</sup> О реабилитации жертв политических репрессий: закон РФ от 18 октября 1991 г. № 1761-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1428.

<sup>11</sup> О реабилитации репрессированных народов: закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. № 1107-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 18. Ст. 572.

<sup>12</sup> Официальный сайт МВД Российской Федерации. URL: <http://www.mvd.ru>. Статистика (дата обращения: 12.03.2013).

<sup>1</sup> О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 35. Ст. 3648.

<sup>2</sup> Об охране окружающей среды: федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

<sup>3</sup> О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС: закон РФ от 15 мая 1991 г. № 1244-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 21. Ст. 699.

<sup>4</sup> О статусе члена Совета Федерации и статуса депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: федеральный закон от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ // Российская газета. 1999. 8 июля.

<sup>5</sup> О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 17. Ст. 1455.

изъятые для его возмещения. Изъятые у преступников средства не могут в полной мере компенсировать даже десятой части нанесенного преступлениями вреда»<sup>1</sup>.

Обозначенную проблему усугубляет то обстоятельство, что в Российской Федерации раскрывается лишь определенный процент зарегистрированных преступлений. Так, за 2012 год остались нераскрытыми 1014,7 тыс. преступлений. Из этого количества на тяжкие и особо тяжкие преступления приходится 24,2%, из них 1,8 тыс. убийств и покушений на убийство, 5,2 тыс. умышленных причинений тяжкого вреда здоровью, 615,8 тыс. краж, 56 тыс. грабежей, 6,3 тыс. разбойных нападений<sup>2</sup>. Как известно, по действующему в России законодательству возмещение ущерба производится только при наличии приговора суда. Следовательно, вред, причиненный потерпевшим в результате совершения нераскрытых преступлений, возмещению не подлежит.

По нашему мнению, такая ситуация не вполне соответствует вышеуказанному конституционному положению. Поэтому полное восстановление в правах лиц, в отношении которых совершены противоправные деяния, – важнейшая и серьезнейшая юридическая и общечеловеческая проблема, от разрешения которой напрямую зависит полнота реализации принципов правового государства.

Одним из основных международных договоров в рассматриваемой сфере является Европейская конвенция о возмещении ущерба жертвам насильственных преступлений, принятая в Страсбурге 24 ноября 1983 г.<sup>3</sup> В ст. 2 данной Конвенции установлено, что в случае, когда возмещение убытков не может быть обеспечено из других источников, государство должно это взять на себя для следующих категорий:

а) для тех, которым в результате умышленных насильственных преступлений был нанесен серьезный урон физическому состоянию или здоровью;

б) для тех, которые находились на иждивении погибших в результате такого преступления.

<sup>1</sup> Селиверстов В.И. Некоторые проблемы возмещения вреда жертвам преступлений // Российский следователь. 2007. № 21. С. 2.

<sup>2</sup> Официальный сайт МВД Российской Федерации. URL: <http://www.mvd.ru>. Статистика (дата обращения: 12.03.2013).

<sup>3</sup> Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М., 1998. С. 81-85.

При этом возмещение ущерба осуществляет государство и в том случае, когда преступник не может быть подвергнут судебному преследованию (например, не установлен) или наказанию (амнистирован, помилован, болен тяжелой болезнью и т.д.). Вопросы, касающиеся порядка возмещения вреда и определения его размера, решаются внутренним законодательством договаривающихся государств.

К сожалению, рассматриваемые положения на территории нашего государства не действуют, поскольку указанный международный договор Россией не ратифицирован. Полагаем, что присоединение к Конвенции явилось бы важным шагом России на пути к достижению целей социального и правового государства и в совокупности с внутренними, национальными механизмами возмещения вреда жертвам насильственных преступлений послужило бы наиболее полному обеспечению прав и свобод человека и гражданина.

Вопрос о возмещении государством вреда, причиненного преступлением, неоднократно становился предметом рассмотрения на страницах отечественной юридической литературы. При этом исследователями, опирающимися на зарубежный опыт, предлагаются различные варианты его разрешения.

Так, распространенным является предложение о создании специализированных государственных фондов, из которых в порядке и размере, установленных нормативными актами, выплачивались бы компенсации пострадавшим от преступлений лицам<sup>4</sup>. Источниками формирования средств в таком фонде могли бы являться: штрафы, взыскиваемые за совершение преступлений и административных правонарушений; средства, полученные от реализации конфискованного имущества лиц, совершивших преступление; благотворительные взносы физических и юридических лиц; отчисления из заработной платы осужденных; доходы от предпринимательской деятельности самого фонда, а также созданных им при его участии юридических лиц; отчисления из средств бюджетов различных уровней<sup>5</sup>.

<sup>4</sup> Ведерникова О. Фонд для жертв преступлений // Социалистическая законность. 1990. № 11. С. 26; Козацкая В.Э. Современные научные подходы к вопросу о необходимости создания фонда возмещения преступного вреда // Юридический мир. 2009. № 3. С. 36-41.

<sup>5</sup> Сысоев В.А., Слесарев В.Л., Михеев А.С. Гражданско-правовые и процессуальные аспекты возмещения вреда, причиненного преступлением: учеб. пособие. Омск, 1998. С. 15-17.

Заслуживающим внимание представляется мнение В.А. Жилейкина, который в качестве дополнительных способов обеспечения восстановления нарушенных прав потерпевших называет возможность установления в их пользу пособий и выплат непосредственно из федерального бюджета; осуществление разовых или периодических платежей жертвам какого-либо определенного преступления (или их родственникам) по специальному решению высших органов власти; создание и поощрение деятельности негосударственных благотворительных организаций<sup>1</sup>. Однако до настоящего времени российской властью данные идеи не восприняты, и, как следствие, в отечественном законодательстве единый механизм возмещения вреда лицам, потерпевшим от преступлений, не создан.

Вышеизложенное приводит к выводу, что существующая в России система возмещения государством вреда, причиненного личности, не в полной мере отвечает требованиям, установленным основным законом государства. Ее несовершенство и неэффективность предопределяют необходимость грамотного и последовательного проведения государственной политики в данной сфере, направленной на установление единого порядка возмещения государством вреда лицам, потерпевшим от преступлений.

Ввиду изложенного достаточно перспективным представляется присоединение Российской Федерации к Европейской конвенции о возмещении ущерба жертвам насильственных преступлений и разработка соответствующих внутригосударственных механизмов.

<sup>1</sup> Жилейкин В.А. Гражданско-правовая ответственность Российской Федерации за вред, причиненный гражданам в результате совершения террористических актов // Юрист. 2008. № 1. С. 24-28.

УДК 343.14:33

**А.А. Чесноков**, канд. юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

e-mail: chesnokovaa@mail.ru.

## ГЕНЕЗИС ИНСТИТУТА БАНКРОТСТВА В РОССИИ

*В статье рассматриваются ключевые этапы развития отечественного института правового регулирования несостоятельности, выявляются основные закономерности и тенденции данного процесса.*

*Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, арбитражный управляющий, история банкротства.*



**A.A. Chesnokov**, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

e-mail: chesnokovaa@mail.ru.

## ORIGIN OF BANKRUPTCY IN RUSSIA

*In the article the main stages of variation of legal regulation of inadequancies, the basic tendencies and prospects of the given process are presented.*

*Key words: an inadequancy, bankruptcy, arbitration operational director, history of bankruptcy.*

Многие экономические, политические и социальные процессы, происходящие сегодня, коренятся в далеком прошлом нашей страны. Более того, детальное изучение проблемы становления института банкротства позволит выявить положительный исторический опыт, предупредить многие ошибки, определить основные тенденции развития процесса регулирования несостоятельности в современной России.

Уже в древности, в условиях слабого развития экономических отношений, невыплата долгов считалась уголовным преступлением, и к несостоятельному должнику применялись обычные для того времени наказания (изгнание из общины, обращение в рабство, долговая кабала, долговые ямы)<sup>1</sup>. Долгое время в европейских странах обеспечением долга было не имущество, а сам должник, его жизнь, телесная неприкосновенность и свобода.

<sup>1</sup> См.: История государства и права зарубежных стран (Рабовладельческое и феодальное государство и право): учебник / под ред. П. Галанзы и Б. Громанова. М.: Юрид. лит., 1980. С. 67.

В Римской империи существовало право недовольных кредиторов разрубать на части тело несостоятельного должника. А, например, указом короля Франции в 1536 г. было установлено, что банкроты «...следует подвергнуть телесному наказанию, наложить на них ошейник и поместить у позорного столба»<sup>2</sup>. Постепенно приоритеты меняются, и на первое место выступает цель санации рынка, удовлетворения интересов кредиторов.

Для экономико-правовой истории России банкротство не является чем-то неизвестным, его регулирование уходит корнями в далекое прошлое. Действительно, дореволюционные исследования свидетельствуют о том, что первые упоминания о несостоятельности встречались в XII-XV вв.<sup>3</sup> Так, в ст. 54 Пространной редакции «Русской правды» говорится об особом положении купца, на кото-

<sup>2</sup> См.: Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Т. IV: Торговый процесс. Конкурсный процесс. М.: Статут, 2003. С. 93.

<sup>3</sup> См.: Телокина М.В. Соотношение понятий «несостоятельность» и «банкротство» в дореволюционном и современном праве // Юрист. 1997. № 12. С. 18.

рое не распространяется право получения кредита обычным горожанином. Банкроту давалась возможность восполнить утраченное и в рассрочку выплатить долг. Эта льгота не распространялась на купца, утратившего капитал в результате пьянства и иных предосудительных действий. В ст. 55 устанавливалась очередность возмещения долгов, которая зависела от положения кредиторов. В первую очередь отдавались княжеские деньги, далее долги приезжего купца, а затем и долги местных купцов, которые делили между собой остаток<sup>1</sup>. По сути, была установлена очередность удовлетворения требований кредиторов.

Подход к несостоятельности, обозначенной в «Русской правде», сохранился и в более позднем российском законодательстве. Менялись только приоритеты, усложнялось и расширялось само нормативное регулирование. Например, в «Соборном уложении» московского царя Алексея Михайловича (1649), в отличие от «Русской правды», устанавливались предельные сроки уплаты долгов. Отсрочка давалась только до трех лет. Если в «Русской правде» речь шла лишь о купцах, взявших чужие деньги для торговли, то в «Соборном уложении» уже говорится о всяком долге и всяком должнике; вводится институт поручительства за несостоятельного должника<sup>2</sup>.

Позднее развитие торговли и первые случаи разорения крупных купцов побудили Российское государство создать специальную систему регулирования несостоятельности. В 1704 г. был принят «Банкротский устав», но этот акт не получил применения. В XVIII в. встречается еще несколько проектов законов о банкротстве (1753, 1763, 1768 гг.), а также два конкурсных устава – «Устав о банкротах» и «Устав о торговой несостоятельности». В названиях законодательных актов определялись два вида несостоятельности. Первый вид – торговая несостоятельность, второй – неторговая несостоятельность дворян и чиновников. В основу понятия несостоятельности были положены неоплатность, недостаточность имущества на покрытие всех долгов. Они просуществовали относительно недолго, но оказали влияние на практику и сыграли значительную роль в

развитии торговли, промышленности, транспорта и других отраслей<sup>3</sup>.

Несостоятельность должника тогда могла быть «несчастная», «неосторожная» или «злонамеренная». «Несчастная» несостоятельность признавалась тогда, когда должник становился «неоплатным» не по собственной вине, а вследствие непредвиденных событий, например стихийного бедствия, начала военных действий, несостоятельности других лиц. Лишь в случае, когда трибуналом были установлены признаки «неосторожной» либо «злостной» несостоятельности, лицо привлекалось к ответственности за банкротство<sup>4</sup>. Схожие принципы регулирования сохранились и в XIX – начале XX вв. В частности, «Устав о торговой несостоятельности» 1832 г. с некоторыми изменениями и дополнениями действовал до 1917 г.

Новую эпоху ознаменовала Октябрьская революция 1917 г. Осуществление социалистическим государством через банки плановой аккумуляции, распределения и использования денежных ресурсов позволяло долгие годы существовать нерентабельным, неплатежеспособным предприятиям за счет других прибыльных организаций, способных платить кредиторам по своим обязательствам. Это снизило потребность в санитарных экономических институтах.

В последующий период проведения новой экономической политики проблема банкротств, несмотря на объективную необходимость, не была решена. В Гражданском кодексе РСФСР 1922 г. появились разрозненные нормы, предусматривающие регулирование отношений несостоятельности товариществ и частных лиц. Но их реализация на практике была затруднена.

Только постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 28 ноября 1927 г. в Гражданский процессуальный кодекс была введена специальная глава 37 «О несостоятельности частных лиц, физических и юридических». 20 декабря 1929 г. – глава 38 «О несостоятельности государственных предприятий и смешанных акционерных обществ» и глава 39 «О несостоятельности кооперативных организаций». Устанавливались признаки несостоятельности предприятий и организаций, физических и частных юридических лиц: прекращение ими

<sup>3</sup> См. подробнее: Ханнанова Г.М. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) хозяйствующих субъектов (на примере Республики Коми): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 14-15.

<sup>4</sup> См.: Ханнанова Г.М. Указ соч. С. 15.

<sup>1</sup> См.: Банкротство: учебное пособие / под ред. А. Подорова. М.: Экзамен, 2001. С. 47.

<sup>2</sup> См.: Телюкина М.В. Комментарий к ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» / отв. ред. А.Ю. Кабалкин. М.: Изд. Бек, 1998. С. 17.

платежей «по долгам свыше трех тысяч рублей или прекращение платежей, по которым неизбежно банкротство по состоянию дел». Вместе с тем экономические критерии оценки платежеспособности предприятия не вводились, что рождало многочисленные злоупотребления. Часто институт банкротства использовался как инструмент классовой борьбы и устранения конкурентов.

В условиях государственной монополии в основных отраслях народного хозяйства эти нормативные механизмы лишались смысла. Государство-собственник по своему усмотрению поступало с неплательщиками в каждом конкретном случае. Процесс о несостоятельности был сокращен, проводился не кредиторами, а государственными органами (фактически не имевшими никаких прав).

Со свертыванием новой экономической политики применение института несостоятельности на практике прекратилось, в связи с чем соответствующие разделы были исключены из кодексов, а также из учебников по гражданскому праву и процессу «как не имеющие практической значимости».

Проблема преодоления несостоятельности (банкротства) негосударственных субъектов экономических отношений решалась уже административно-правовыми методами. Вместе с тем в конце 20-х гг. XX в. некоторая защита интересов кредиторов была возможна в порядке гражданского судопроизводства. Так, количество гражданских дел в производстве народных судов в 1923-1924 гг. составляло 30-35% всех рассмотренных дел, в 1925 г. их доля уже равнялась 55% и составила 1,6 млн дел, а в 1927 г. доля гражданских дел была 80% и соответственно количество – 3 млн. При этом около 5% дел касались споров в сфере предпринимательской и другой экономической деятельности.

В последующие годы советской власти факты несостоятельности хозяйствующих субъектов не фиксировались. Только в начале 90-х гг. XX в. в связи с проводимыми реформами и развитием рыночных отношений стал возобновляться институт банкротства.

Масштабные преобразования собственности путем административной приватизации резко изменили экономическую ситуацию, которая из плановой превратилась на две трети в частнособственную и трудно управляемую. Произошло многократное падение производства, коренная ломка важнейших сфер жизнедеятельности обще-

ства. Возникла потребность в создании новых или возрождении старых форм контроля за экономическими процессами со стороны государства. Поэтому в России начался процесс государственного регулирования имущественных отношений, связанных с несостоятельностью (банкротством) должника. Уже в Законе от 25.12.1990 «О предприятиях и предпринимательской деятельности»<sup>1</sup> имелся п. 3 ст. 24, где указывалось: «Предприятие, не выполняющее свои обязательства по расчетам, может быть в судебном порядке объявлено неплатежеспособным (банкротом) в соответствии с законодательством РСФСР». Однако закон фактически не применялся, соответствующий судебный порядок отсутствовал.

Через полтора года был опубликован Указ Президента РФ от 14.06.1992 № 623 «О мерах по поддержанию и оздоровлению несостоятельных государственных предприятий (банкротов) и применению к ним специальных процедур»<sup>2</sup>. Указ обязан был действовать до момента принятия Закона «О банкротстве», который и был принят 19 ноября 1992 г.<sup>3</sup> Закон, как, впрочем, и указ, характеризовался высоким уровнем издержек и продолжительностью процедуры банкротства, кредиторы предпочитали использовать стратегию частного принуждения и часто не в рамках закона.

Тем не менее количество рассмотренных арбитражными судами дел возросло со 100 (в 1993 г.) до 1035 (в 1996 г.). А в 1997 г., по данным Федеральной службы по делам о несостоятельности, насчитывалось 3700 банкротств компаний<sup>4</sup>.

Основной недостаток закона «О банкротстве» 1992 г. – его внутренняя противоречивость, неучтенность интересов субъектов рынка, участвующих в процессе по делу о несостоятельности. Базируясь на принципе неоплатности, он позволял должнику, систематически перечисляя минимальные платежи кредиторам, мешать им инициировать процедуру банкротства. Естественно, ни один из кредиторов не соглашался перечислить

<sup>1</sup> О предприятиях и предпринимательской деятельности: закон РСФСР от 25.12.1990 № 445-1 (утратил силу) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 30. Ст. 418.

<sup>2</sup> О мерах по поддержке и оздоровлению несостоятельных государственных предприятий (банкротов) и применению к ним специальных процедур: указ Президента РФ от 14.06.1992 № 623 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 25. Ст. 1419.

<sup>3</sup> См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 1. Ст. 6.

<sup>4</sup> См.: Савкунова Л.А. Принятие управленческих решений в условиях банкротств коммерческих организаций: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2004. С. 11.

на депозитный счет арбитражного суда денежную сумму, нужную для выплаты конкурсному управляющему вознаграждения. Решения арбитражного суда о банкротстве таких должников в принципе было нереально воплотить, поэтому суды «хранили такие дела в сейфах, а должники, признанные банкротами, продолжали числиться в реестре юридических лиц»<sup>1</sup>. Монополизированная структура экономики того периода ставила любого кредитора, которому должник отказывался платить за поставленную продукцию, сырье и прочее, перед вопросом: если сейчас обанкротить должника, то с кем работать завтра.

Примечательно, что предпринимались также попытки создать специальную службу регулирования банкротств. Так, 20 сентября 1993 г. было создано Федеральное управление по делам о несостоятельности (банкротстве) и денежному оздоровлению при Госкомимуществе России, основными задачами которого стали разработка и воплощение комплекса мер, направленных на эффективную реализацию законодательства о несостоятельности, а также на предотвращение негативных последствий настоящих банкротств компаний и организаций<sup>2</sup>.

Дальнейшая судьба этого органа складывалась следующим образом. Выйдя в марте 1997 г. из состава Госкомимущества и получив самостоятельность, управление стало называться Федеральной службой по делам о несостоятельности и финансовому оздоровлению, с сентября 1999 г. – Федеральной службой России по денежному оздоровлению и банкротству. А с 2004 г. данные полномочия унаследовала Федеральная налоговая служба РФ<sup>3</sup>, затем Минэкономразвития РФ и Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии РФ (Росреестр).

Следующий этап развития законодательства о банкротстве представлен принятием в 1998 г. нового Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», в базу которого «была заложена совсем другая идеология, основанная на отказе от принципа неоплатности долга при определе-

нии критерия банкротства»<sup>4</sup>, а именно принципа неплатежеспособности. Это подразумевало некоторый переход от формальных к содержательным критериям признания субъекта банкротом. В законе 1998 г. также существовал ряд пробелов, в частности был не урегулирован вопрос по имуществу должника, которое предлагалось к продаже, но не было реализовано в ходе конкурсного производства, хотя отдельные конкурсные кредиторы согласны были принять его в счет погашения своих требований. Он не способствовал оздоровлению экономики страны, не обеспечивал равную защиту имущественных прав как кредиторов, так и самого должника, позволял обанкротить прибыльные хозяйствующие субъекты<sup>5</sup>. Вместе с тем указанный акт характеризовался более эффективными механизмами контроля за деятельностью арбитражных управляющих со стороны арбитражного суда, меньшими издержками и более короткими сроками рассмотрения дела.

Впоследствии был принят еще целый ряд законодательных актов, регулирующих правоотношения, связанные с банкротством. Среди них особое место занимают два федеральных закона – ФЗ от 25 февраля 1999 г. «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций»<sup>6</sup> и ФЗ «Об особенностях несостоятельности (банкротства) субъектов естественных монополий топливно-энергетического комплекса»<sup>7</sup> от 24 июня 1999 г. (утратил силу).

На основе потребностей практики Высшим Арбитражным Судом РФ был разработан более совершенный проект закона, но предпочтение было отдано проекту, внесенному Правительством РФ, и после продолжительной полемики Государственная Дума РФ 1 июля 2002 г. приняла новый Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»<sup>8</sup>.

В нем были конкретизированы критерии неплатежеспособности, введена новая процедура банкротства – финансовое оздоровление, соответственно, появился новый участник – администра-

<sup>4</sup> Витрянский В.В. Реформа законодательства о несостоятельности (банкротстве) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1998. Особое приложение к № 2. С. 79.

<sup>5</sup> См.: Барин В.А. Антикризисное управление: учебное пособие для вузов. М.: ИД ФБК-Пресс, 2002. С. 89.

<sup>6</sup> См.: Собрание законодательства РФ. 1999. № 9. Ст. 1097.

<sup>7</sup> См.: Собрание законодательства РФ. 2005. № 30 (ч. 1). Ст. 3099.

<sup>8</sup> См.: Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

тивный управляющий, расширились критерии подбора кандидатур на должность арбитражных управляющих, предусмотрено создание саморегулируемых некоммерческих организаций в этой сфере. Важной новеллой стало формирование компенсационного фонда саморегулируемых организаций для возмещения убытков, причиненных вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения арбитражным управляющим своих обязанностей, а также введение обязательного страхования ответственности за причиненные убытки. Однако был снижен прямой судебный контроль за деятельностью арбитражных управляющих, а начиная с 2008 г. их конкретные кандидатуры стал выбирать тот, кто первый обратился с заявлением о признании должника банкротом. Конечно, это стимулировало к скорейшей подаче заявления, но открыло роль многочисленным злоупотреблениям и увеличило количество так называемых «заказных банкротств».

В свете мирового финансового кризиса 2008-2010 гг. возникла угроза лавинообразных банкротств. В этой связи была проведена существенная модернизация данного института, в ходе которой повысилась имущественная ответственность лиц, участвующих в деле о банкротстве, а также руководителя и контролирующих должника лиц, введен механизм оспаривания подозрительных сделок, создан Единый федеральный реестр сведений о банкротстве, наконец-то, наметилось принятие норм о банкротстве граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями<sup>1</sup> и др.

Законопроект о банкротстве граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями, откладывался более 8 лет. Этому способствовало лобби кредитных организаций и коллекторских агентств. Тем не менее 14 ноября 2012 г. законопроект прошел первое чтение в Государственной Думе РФ и окончательное принятие ожидается в течение весенне-летней сессии 2013 г. Разброс интересов здесь показали итоги II Всероссийской конференции «Судебная реструктуризация задолженности. Институт банкротства физических лиц в России», которая состоялась в Москве 6 февраля

<sup>1</sup> См. подробнее: О проекте Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования реабилитационных процедур, применяемых в отношении гражданина-должника»: распоряжение Правительства РФ от 03.07.2012 № 1162-р // СЗ РФ. 2012. № 28. Ст. 3949.

2013 г. Основные требования предпринимательского сообщества свелись к следующему: повышение планки признания банкротом гражданина с 50 до 200 тысяч рублей; создание различных механизмов банкротства для индивидуальных предпринимателей и граждан, ими не являющихся; повышение процентов, начисляемых на задолженность гражданина до размеров ставки рефинансирования; введение обязательных досудебных процедур урегулирования; обязательное участие арбитражного управляющего; персональное уведомление кредиторов об открытии процедуры банкротства; неимущественные лишения для граждан-банкротов и иные предложения, вводимые в интересах кредиторов и делающие банкротство граждан гораздо менее привлекательным. Учитывая тот факт, что срок представления поправок к указанному проекту уже переносился дважды, страсти накалились нешуточные. Но не отрицается, что объективная необходимость института банкротства граждан достаточно велика. При этом нас ждут и организационные изменения – специализирующиеся на банкротствах граждан судьи арбитражных судов, использующие «мобильные офисы» с системами видеоконференцсвязи.

Правовое регулирование несостоятельности юридических лиц также нуждается в дальнейшем развитии. В частности, требуются более эффективные механизмы противодействия заказным банкротствам, фактам вывода активов должника; использование, наряду с формальными, содержательных критериев несостоятельности, что позволит избежать ряда заказных, фиктивных банкротств; развитие досудебных процедур; усиление ответственности арбитражных управляющих за злоупотребления и многое другое. Здесь важную роль играют постановления Пленума и письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ, которые оперативно закрывают пробелы закона и выступают так называемыми актами «опережающего нормотворчества», впоследствии учитываемого законодателем.

Таким образом, на сегодняшний день накоплена достаточная практика, связанная с нормативным и политико-экономическим регулированием процедур банкротства. Однако современные реалии выдвигают новые требования к правоприменительной практике, в т.ч. по противодействию злоупотреблениям в процедурах несостоятельности.

<sup>1</sup> Телюкина М.В. Указ.соч. С. 18.

<sup>2</sup> См.: О Федеральном управлении по делам о несостоятельности (банкротстве) при Государственном комитете Российской Федерации по управлению государственным имуществом: постановление Правительства РФ от 20.09.1993 № 926 (утратило силу) // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 39. Ст. 3615.

<sup>3</sup> См.: Собрание законодательства РФ. 2004. № 40. Ст. 3961.

## ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «АЛТАЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК»

Представляемая к изданию рукопись должна:

- по своему содержанию соответствовать приоритетным задачам журнала;
- содержать обоснование актуальности и четкую формулировку раскрываемой в работе проблемы, отражать проблему в названии работы;
- предлагать конкретные пути решения обсуждаемой проблемы, имеющие практическую значимость для образовательного процесса, научных разработок, деятельности правоохранительных органов.

*Преимущественное право на публикацию имеют подписчики журнала.*

Объем статьи не должен превышать 10-ти машинописных страниц. Рукописи представляются в виде распечатки текста в 1 экз. и в электронном виде, подготовленном в редакторе Microsoft Word, на одной стороне листа формата А4 через полтора интервала, шрифтом Times New Roman, размер – 14. Поля на странице: слева и снизу – 25 мм, сверху – 20 мм, справа – 10 мм.

Допускается наличие рисунков, таблиц, диаграмм и формул по тексту.

Рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и даются отдельными файлами на электронном носителе (формат – TIFF или JPEG, режим – градиент серого или битовый, разрешение – 300 dpi). Обязательно наличие подрисовочных подписей, названий таблиц.

Диаграммы выполняются в формате Excel, без заливки, в черно-белом варианте.

Формулы выполняются в редакторе Microsoft Equation. Не допускается применение вставных символов Word.

В журнале принята подстрочная библиографическая ссылка. Подстрочная библиографическая ссылка оформляется как примечание, вынесенное из текста документа вниз полосы (оформляется по ГОСТу Р 7.0.5–2008).

*Каждая статья должна содержать:*

- код универсальной десятичной классификации (УДК) (размещать перед статьей в левом верхнем углу листа);
- сведения об авторе на русском и английском языках (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, контактные телефоны или адрес электронной почты – данные сведения будут опубликованы);
- заголовок на русском и английском языках;
- аннотацию<sup>1</sup> на русском и английском языках (не более 450 знаков, включая пробелы);
- ключевые слова<sup>2</sup> на русском и английском языках;

Статья должна быть обязательно подписана автором (соавторами) следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Согласен на публикацию статьи в свободном электронном доступе».

<sup>1</sup> Аннотация — краткая характеристика издания: рукописи, статьи или книги. Аннотация показывает отличительные особенности и достоинства издаваемого произведения, помогает читателям сориентироваться в их выборе; дает ответ на вопрос, о чем говорится в первичном документе.

<sup>2</sup> Ключевые слова используются в информационно-поисковых системах (ИПС) для того, чтобы облегчить быстрый и точный поиск научно-технической информации. Техника выделения ключевых слов чрезвычайно проста: из так называемого первичного документа (книги, статьи и т.п.) выбрать несколько (обычно 5-15) слов, которые передают основное содержание документа. Эти ключевые слова составляют поисковый образ документа (ПОД). В большинстве современных автоматизированных ИПС, действующих в условиях промышленной эксплуатации, ПОД – это просто набор ключевых слов, представленных как существительные в начальной форме.

Для соискателей ученой степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее – дата, ФИО руководителя, его подпись.

*К статье прилагается:*

- рецензия с оригинальной подписью и печатью (рецензент должен обладать ученой степенью кандидата или доктора наук, научным званием доцента или профессора);
- подписанный лицензионный договор о предоставлении права на использование материалов в двух экземплярах (договор подписывают все авторы статьи).

Идентичный вариант статьи высылается по электронной почте [altvest@buimvd.ru](mailto:altvest@buimvd.ru)

Все документы можно представить лично либо отправить одновременно в одном конверте (простым или заказным письмом без объявленной ценности) по адресу:

656038, Барнаул, ул. Чкалова, 49,  
Барнаульский юридический институт МВД России,  
Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел,  
журнал «Алтайский юридический вестник».  
Электронная почта [altvest@buimvd.ru](mailto:altvest@buimvd.ru)

При получении рукописи проводится проверка на соответствие представленных материалов настоящим требованиям, сличаются печатный и электронный варианты. Если все документы оформлены правильно, рукописи присваивается регистрационный номер. В случае неправильного оформления документов материалы не публикуются.

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Редакция рекомендует авторам проверять рукописи на сайте [antiplagiat.ru](http://antiplagiat.ru)

Гонорар за публикации не выплачивается, статьи публикуются на безвозмездной основе.

Литературное редактирование текста авторской рукописи, корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел БЮИ МВД России.



**Лицензионный договор № \_\_\_\_\_  
о предоставлении права на использование материалов  
(неисключительная лицензия)**

г. Барнаул

« \_\_\_\_ » \_\_\_\_\_ 2013 г.

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Барнаульский юридический институт МВД России», именуемое в дальнейшем «Издатель», в лице начальника института Андреева Александра Александровича, действующего на основании Устава, с одной стороны, и \_\_\_\_\_, именуемый в дальнейшем «Автор», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона / Стороны», заключили настоящий договор о нижеследующем.

1. По настоящему договору Автор на безвозмездной основе обязуется предоставить Издателю неисключительные права на использование статьи

\_\_\_\_\_ (наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов)

\_\_\_\_\_, именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.1. Автор гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Издателю Произведение.

1.2. Автор гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Издателю по настоящему Договору, является оригинальным произведением Автора.

1.3. Автор гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключенному договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2. Автор предоставляет Издателю на весь срок действия исключительных прав на Произведение:

2.1. Право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения.

2.2. Право на распространение Произведения любым способом.

2.3. Право на внесение изменений в Произведение (редакционную правку), не представляющих собой его переработку.

2.4. Право на использование метаданных (название, имя Автора, аннотации, библиографические материалы и пр.) Произведения путем распространения и доведения до всеобщего сведения, обработки и систематизации, а также включения в различные базы данных и информационные системы.

2.5. Право на доведение до всеобщего сведения.

2.6. Право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения.

2.7. Автор также предоставляет Издателю право хранения и обработки следующих своих персональных данных без ограничения по сроку:

- фамилия, имя, отчество;
- сведения об ученой степени;
- сведения об ученом звании;
- сведения о месте работы и занимаемой должности;
- контактная информация.

Персональные данные предоставляются для их хранения и обработки в различных базах данных и информационных системах, включения их в аналитические и статистические отчеты, создания обоснованных взаимосвязей объектов произведений науки, литературы и искусства с персональными данными и т.п.

3. Дата подписания Договора Сторонами является моментом передачи Издателю прав, указанных в настоящем Договоре.

4. Издатель обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Автора, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

5. Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

6. Автор и Издатель несут в соответствии с действующим законодательством РФ юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

6.1. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить причиненный реальный ущерб.

7. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

8. Все споры по Договору подлежат урегулированию путем переговоров, а в случае недостижения согласия в течение 30 рабочих дней споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

9. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и действует бессрочно.

10. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

11. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

**12. Реквизиты Сторон**

Издатель	Автор
Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации» 656038 г. Барнаул, ул. Чкалова, 49	ФИО  Адрес
	Паспортные данные
	Дата рождения

**НАЧАЛЬНИК**

\_\_\_\_\_/ А.А. Андреев /  
м.п.

\_\_\_\_\_/ \_\_\_\_\_ /